НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЯ И МИР: 2026

ЭКОНОМИКА И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Ежегодный прогноз

МОСКВА
ИМЭМО РАН
2025

УДК 338.27+339.9+327(100)
ББК 65.5+66.4(0)
Р76

Рекомендовано к опубликованию
НИС Ученого совета ИМЭМО РАН

Библиотека Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова

Руководители проекта: академик РАН А.А. Дынкин, академик РАН В.Г. Барановский

Рецензенты:
директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук *М.Ю. Головнин*
главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения»,
кандидат исторических наук *А.В. Рябов*

Авторский коллектив:
С.А. Афонцев, К.В. Богданов, А.А. Бреславцева, И.В. Вахрушин, А.Р. Войтоловская, П.С. Галаш, И.А. Гужев, Р.Д. Дауров, С.С. Дмитриев, Е.И. Добрева, Г.А. Дорошенко, С.В. Жуков, В.Ю. Журавлева, В.С. Загашвили, И.Д. Звягельская, И.Э. Ибрагимов, Т.М. Кадырмамбетов, Е.А. Канаев, И.Я. Кобринская, И.А. Колгушкина, И.А. Копытин, А.К. Кудрявцев, В.В. Кузьминков, А.В. Куприянов, С.О. Лазовский, Е.Л. Леонтьева, А.В. Ломанов, С.А. Луконин, Г.Г. Макаревич, Д.Б. Малышева, Г.И. Мачавариани, В.М. Муханов, Е.Н. Никитина, И.А. Подколзина, Н.А. Пожилова, А.П. Поливач, В.В. Попов, И.Л. Прохоренко, О.Б. Резникова, Л.М. Самарская, И.А. Свистунова, Э.Г. Соловьев, Н.Ю. Сурков, Н.В. Сухов, В.Ю. Татузов, П.П. Тимофеев, Т.И. Тюкаева, А.Н. Федоровский, А.А. Филина, Б.Е. Фрумкин, Е.М. Харитонова, М.В. Хорольская, Л.С. Худякова, М.И. Черкашин, А.С. Четверикова, В.Г. Швыдко

Ответственные редакторы: И.Я. Кобринская, Г.И. Мачавариани

Р76
Россия и мир: 2026. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский; отв. ред.: И.Я. Кобринская, Г.И. Мачавариани. – Москва : ИМЭМО РАН, 2025. – 202 с.

ISBN 978-5-9535-0647-2
DOI 10.20542/978-5-9535-0647-2

Доклад «Россия и мир: 2026» – двадцать четвертый в серии ежегодных публикаций ИМЭМО РАН. Доклад состоит из трех частей: глобальные тренды, экономика и внешняя политика. Главное внимание сфокусировано на проблемах, имеющих ключевое значение для обеспечения стабильного экономического и политического развития России на ближайшую (2026 г.) и более отдаленную перспективу. В подготовке доклада использован многолетний опыт прогнозных исследований, проводимых ИМЭМО РАН. Анализируются основные внешние вызовы для России и возможности ответа на них.

Russia and the World: 2026. Annual Forecast: Economy and Foreign Policy. A.A. Dynkin, V.G. Baranovsky (project leads); I. Kobrinskaya, G. Machavariani (eds.).

The report "Russia and the World: 2026" is the twenty-fourth in a series of annual publications of IMEMO. The report consists of three parts: global trends, economy and foreign policy. The main focus is on issues of key importance for ensuring stable economic and political development of Russia in the immediate (2026) and longer term. The report is based on decades long IMEMO experience in forecast research. The main external challenges for Russia and options to respond them are analyzed.

УДК 338.27+339.9+327(100)
ББК 65.5+66.4(0)

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте https://www.imemo.ru

ISBN 978-5-9535-0647-2
© ИМЭМО РАН, 2025

РОССИЯ И МИР: 2025

Часть I. ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ 7

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ 24

Часть II. ЭКОНОМИКА

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: ВОЗМОЖНОСТИ РОСТА 41

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ПРОДОЛЖЕНИЕ РОСТА 43

МИРОВАЯ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА 48

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР: МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ 55

ПРОГНОЗ КОНЪЮНКТУРЫ ОСНОВНЫХ РЫНКОВ РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА 62

Агропродовольственные товары 62

Нефть и газ 69

Лесобумажные товары 71

СОСТОЯНИЕ И ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ОСНОВНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН 76

Страны Европы 76

Соединенные Штаты Америки 83

Япония 87

Китай 91

Индия 97

Анализ достоверности прогноза 98

Часть III. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ 103

ЕВРОПА 112

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК 131

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО 155

ИНДО-ТИХООКЕАНСКАЯ АЗИЯ 177

ЧАСТЬ I

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

Мировой экономический рост

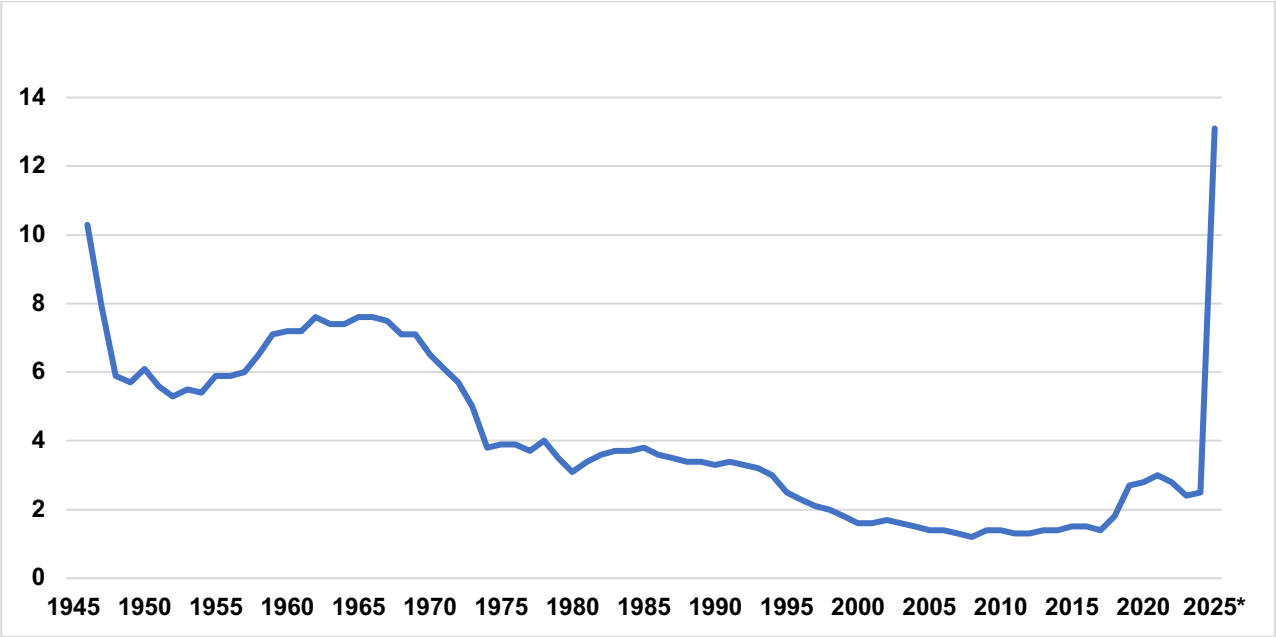
Мировая экономика продемонстрировала в 2025 г. устойчивость к экзогенным и эндогенным шокам разной природы, хотя темпы роста ВВП в ведущих центрах экономической активности несколько замедлились по сравнению с 2024 г. (таблица 1). Понижательное давление на темпы экономического роста оказали торговые войны, высокие цены на электроэнергию и природный газ в европейских экономиках, замедление притока мигрантов на рынок США, усиливающиеся дисбалансы в экономике Китая.

Таблица 1. Темпы роста ВВП в ведущих экономиках мира в 2024–2026 гг., %

	2024 факт	2025 оценка	2026 прогноз
США	2,8	1,9–2,0	1,8–2,1
Китай	5,0	4,6–4,9	4,0–5,0
Еврозона	0,8	1,1	1,0
- Германия	-0,5	0,2	0,9
- Франция	1,1	0,6	1,0
- Италия	0,7	0,6	0,6
Великобритания	1,1	1,2	1,0
Япония	0,1	1,1	0,6
Канада	1,0	1,1	1,2
Южная Корея	2,0	1,0	2,2
Индия	6,5	6,5	6,4
Бразилия	3,4	2,3	1,7
Россия	4,3	0,6–1,0	0,7–1,5
Мексика	1,4	0,7	1,3
Турция	3,3	3,2	3,2
Саудовская Аравия	1,9	3,7	3,9
Индонезия	5,0	4,9	4,9
ЮАР	0,5	1,1	1,3
МИР	**3,3**	**3,1–3,2**	**3,0–3,2**

Источники: ОЭСР; ИНП РАН; Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования; ЦЭИ ИМЭМО РАН.

Внешнеторговая политика Администрации Д. Трампа, опирающаяся на выставление запретительных тарифов, торговые расследования в отношении партнеров, а главное – переговоры по вопросам взаимной торговли, оказалась существенно более рациональной, особенно в сравнении с окарикатуренными ее представлениями в мировых массмедиа. Несмотря на рекордный за послевоенный период уровень ставки импортного тарифа США в 2025 г. (рисунок 1), динамика мирового экспорта пока остается на восходящем тренде и в последние несколько месяцев даже несколько ускорилась (рисунок 2).



* на середину ноября.

Рисунок 1. США: динамика ставки импортного тарифа в 1946–2025 гг., %

Источники: Bloomberg.

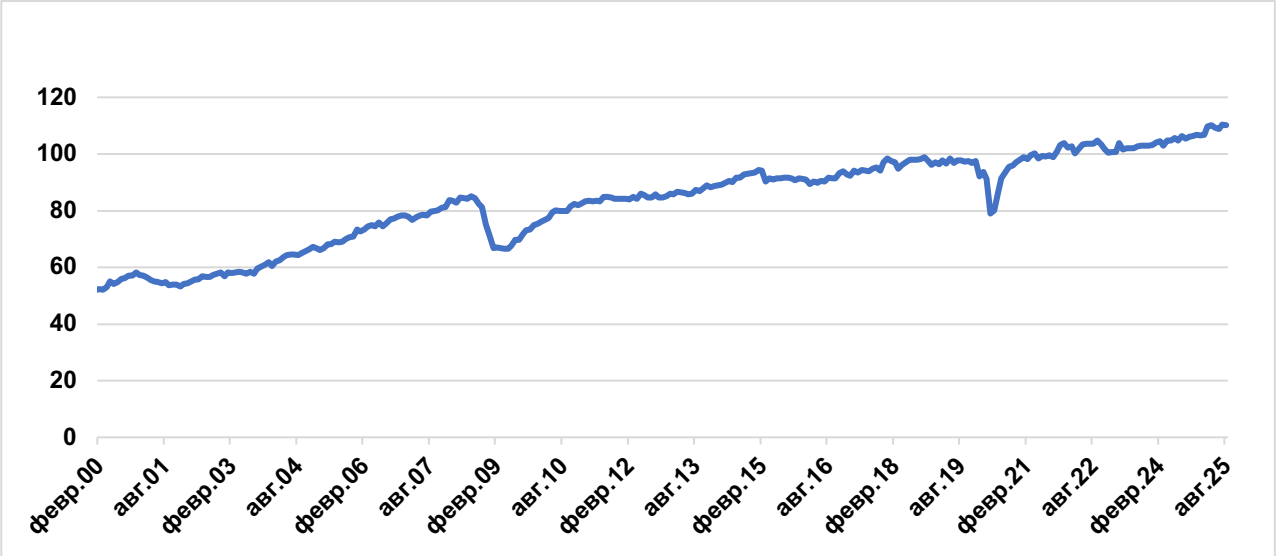


Рисунок 2. Динамика индекса мирового товарного экспорта в январе 2000 г. – августе 2025 г., 2021=100

Источники: CPB World Trade Monitor.

Мягкая денежная политика остается главным фактором экономического роста. Центральные банки, особенно в Китае и США, продолжают накачивать экономическую систему деньгами, невзирая на высокий уровень задолженности всех институциональных секторов. Особенно быстро денежное предложение растет в последние годы в Китае. Если в 2019 г. широкая денежная масса в КНР составляла 58% от аналогичного показателя по взятым в целом США, Евросоюзу, Японии и Великобритании, то за первые девять месяцев 2025 г. этот индикатор возрос до 78%.

Поддержку мировому экономическому росту оказывает снижение цены нефти (рисунок 3), что способствует снижению инфляции, издержек компаний реального сектора и поддерживает расходы домохозяйств.

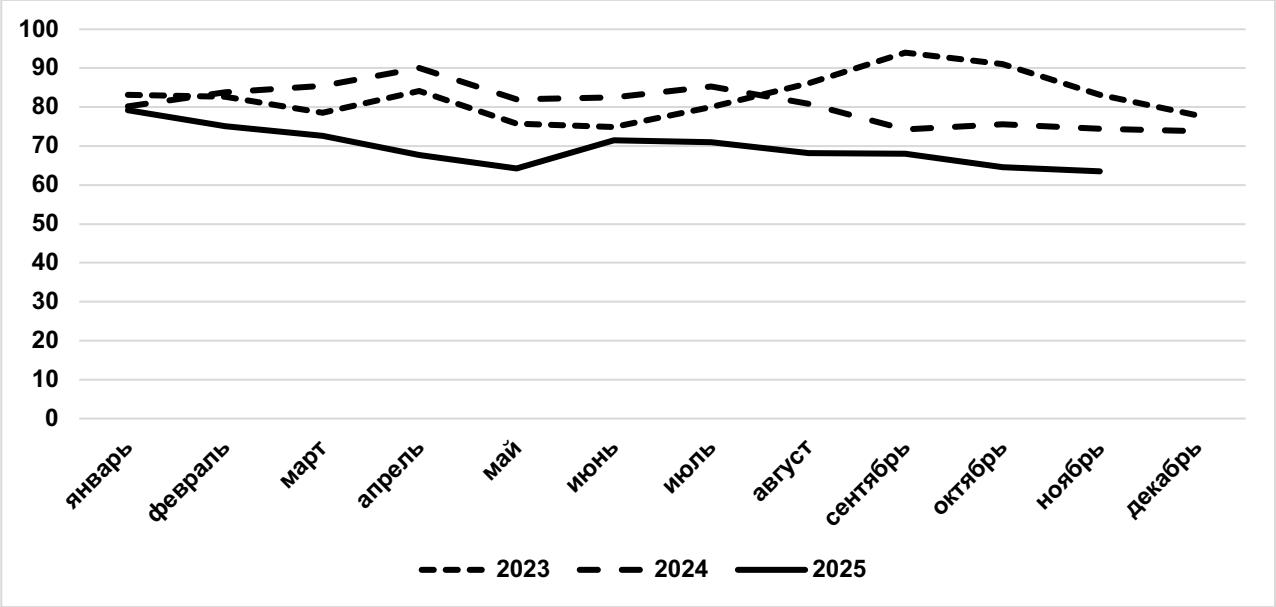


Рисунок 3. Помесячная динамика цены барреля нефти Brent в 2023–2025 гг., долл. за баррель

Источники: World Bank; ЦЭИ ИМЭМО РАН.

Дифференциация по темпам и факторам экономического роста

Экономический рост США опирается на мягкую денежно-кредитную политику, снижающиеся цены на нефть и бум инвестиций технологических компаний. Определенные успехи по сдерживанию инфляции позволили Федеральной резервной системе снизить ключевую процентную ставку в январе, сентябре и октябре 2025 г. К ноябрю 2025 г. эффективная ставка по федеральным фондам опустилась до 4,09%, что на 0,39 п.п. ниже, чем в конце 2024 г. Главным фактором роста американской экономики стал бум на рынке искусственного интеллекта (ИИ). Согласно заявленным планам, технологические гиганты США направят на капиталовложения в 2025 г. почти 400 млрд долл. Доля «великолепной семерки» в лице Apple, Microsoft, Alphabet, Amazon, Meta, Nvidia и Tesla в совокупной рыночной капитализации индекса S&P500 достигла рекордных 35–37%. Через обратные межотраслевые связи бум высокотехнологичных компаний оказывает сильное позитивное влияние на динамику многих секторов. Во-первых, это производители микросхем, графических процессоров, высокопропускной памяти, коммутационных и прочих специализированных чипов, сетевого оборудования, кабелей. Во-вторых,

электроэнергетические компании, производители трансформаторов и электростанций, электрооборудование, систем промышленного хранения энергии и бесперебойного питания, стабилизаторов. В-третьих, производители систем охлаждения.

В странах еврозоны низкие процентные ставки, трансформация рынка труда и существенный фискальный импульс в Германии должны поддержать экономическую активность. В середине 2025 г. безработица в странах Евросоюза оказалась на минимуме за последние несколько десятилетий. Уже год находящаяся в Германии у власти новая правящая коалиция пока не предложила новой стратегии, которая гарантирует экономике выход из двухлетней рецессии, но продолжает наращивать государственный долг. С учетом заимствований специальных внебюджетных фондов по обороне и инфраструктуре, временно выведенных из-под ограничений на потолок госдолга, совокупные госзаимствования составят 180 млрд евро. В оптимистическом сценарии рост ВВП Германии в 2025 г. окажется вблизи нулевой отметки, а в 2026 г. приблизится к 1%. Высокие производственные издержки на энергию, повышенные импортные тарифы в США и нарастающая конкуренция со стороны китайских товаров не позволяют химической, сталелитейной и автомобильной промышленности поддержать переход на траекторию устойчивого роста. Правительству остается только раздувать риски прямого военного столкновения Европы с Россией, подкармливая при этом бюджетными и ценовыми субсидиями крупную и военную промышленность и перекладывая основные тяготы экономического кризиса на домохозяйства. Германия ввела потолок цены на электроэнергию для отраслей тяжелой промышленности на уровне около 5 евроцентов за КВт-ч на период 2026–2028 гг.

Высокие, хотя и снижающиеся в тенденции темпы роста в Китае, поддерживаются за счет внешнего спроса и мягкой денежно-кредитной политики финансовых властей.

Устойчивый внутренний спрос, снижение налоговой нагрузки и государственные инвестиции поддержат высокие темпы роста в Индии.

Многие экспортеры промышленных изделий окажутся под растущим давлением конкуренции со стороны китайских компаний, которые, опираясь на сравнительно низкие издержки и возрастающее качество продукции, фронтально вытесняют конкурентов практически из всех экспортных ниш по всему пространству мировой экономики.

Усиление внешнеторговой экспансии Китая

Устойчивый рост мировой товарной торговли поддерживается практически целиком Китаем и развивающимися странами (рисунок 4). Экспорт стран еврозоны с осени 2022 г. остается на понижательном тренде. Экспорт Японии стагнирует. Экспорт США растет невысоким темпом, во многом за счет наращивания поставок природного газа, нефти и нефтепродуктов.

Товарный экспорт Китая в 2025 г. достигнет, по нашим оценкам, рекордных 3,77 трлн долл., а внешнеторговое сальдо на фоне стабилизировавшегося импорта составит 1,2 трлн долл. (рисунок 5).

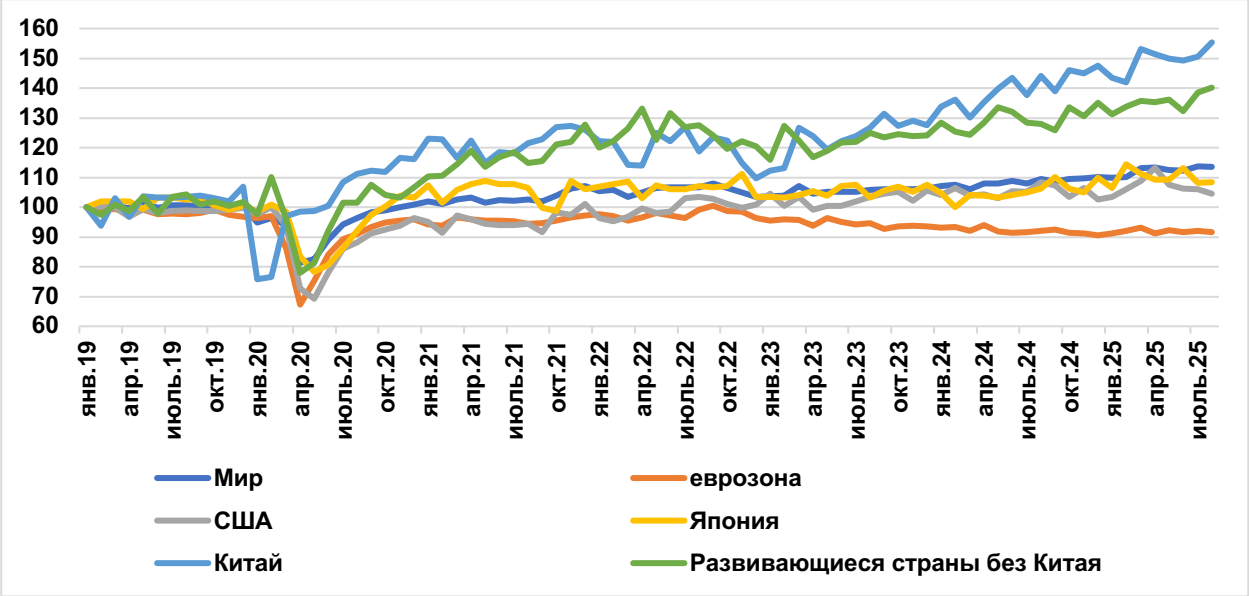
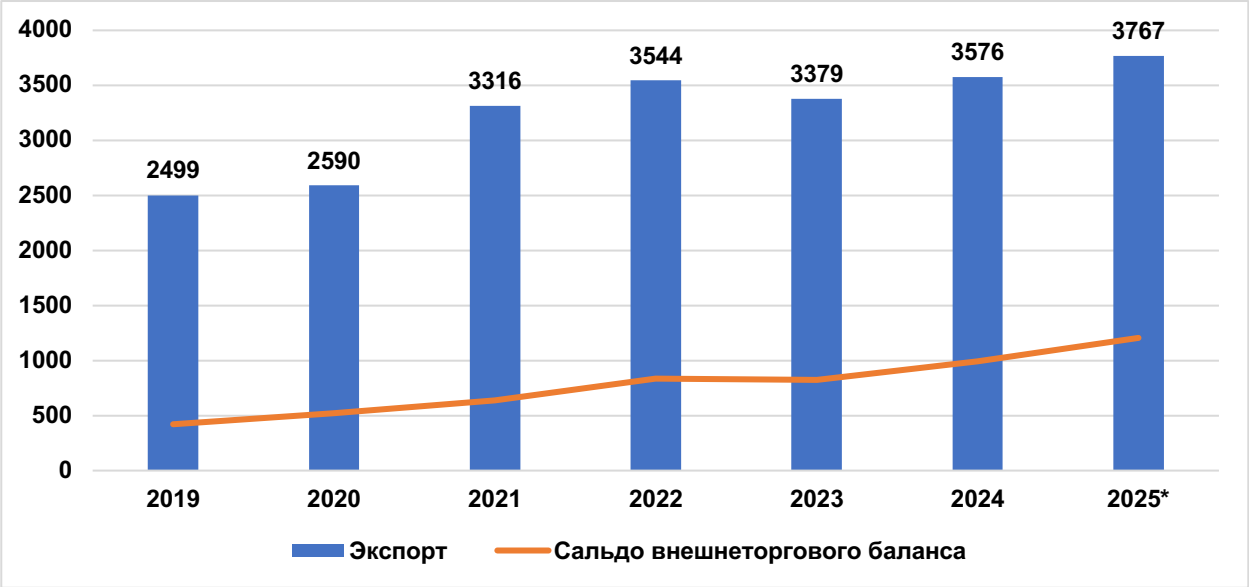


Рисунок 4. Динамика индекса экспорта в разрезе стран и групп стран в январе 2019 г. – августе 2025 г., январь 2019=100

Источники: ЦЭИ ИМЭМО РАН по данным CPB World Trade Monitor.



* оценка ЦЭИ ИМЭМО РАН.

Рисунок 5. Динамика товарного экспорта и внешнеторгового сальдо Китая в 2019–2025 гг., млрд долл.

Источники: таможенная статистика КНР.

Крупнейшим экспортным рынком для Китая являются страны АСЕАН, ЕС и США (рисунок 6). Страны ЕС, несмотря на декларации и идеологические заявления о сдерживании торговой экспансии КНР, нарастят импорт из Китая в 2025 г. на 8%. Усилившаяся в 2025 г. торговая война США и Китая оказала пока лишь незначительное влияние на американский внешнеторговый дисбаланс. Отрицательное сальдо США в товарной торговле с КНР, по оценкам, снизится в 2025 г. до 289 млрд долл., главным образом за счет сокращения импорта товаров из Китая (рисунок 7).

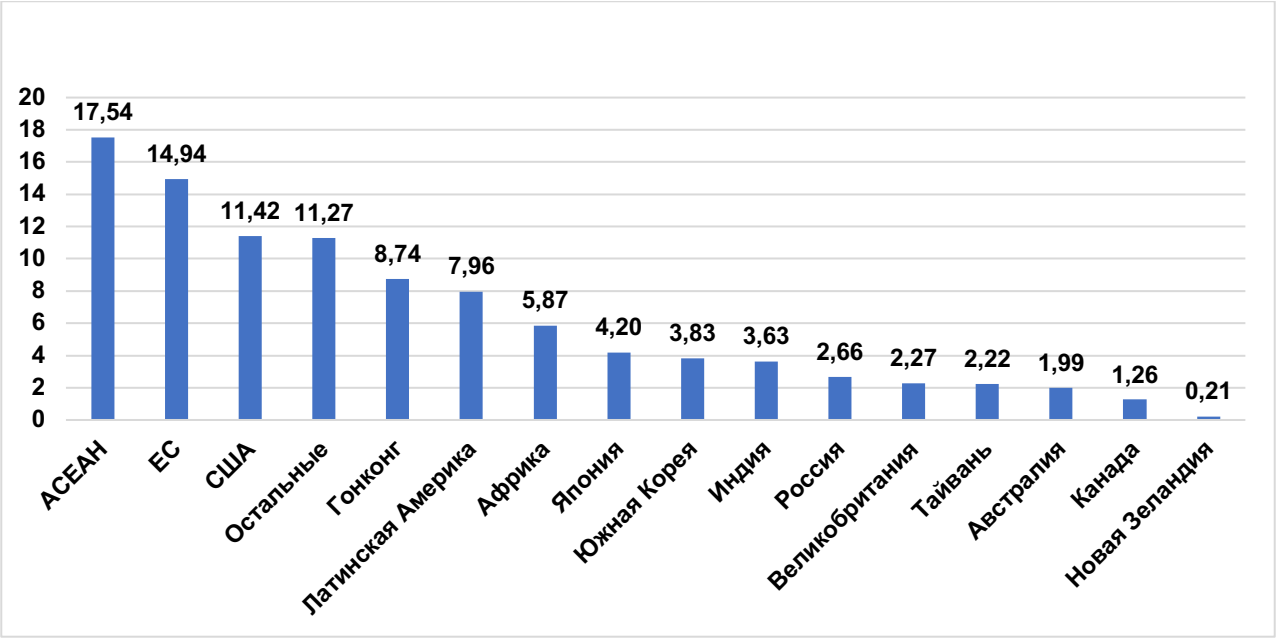
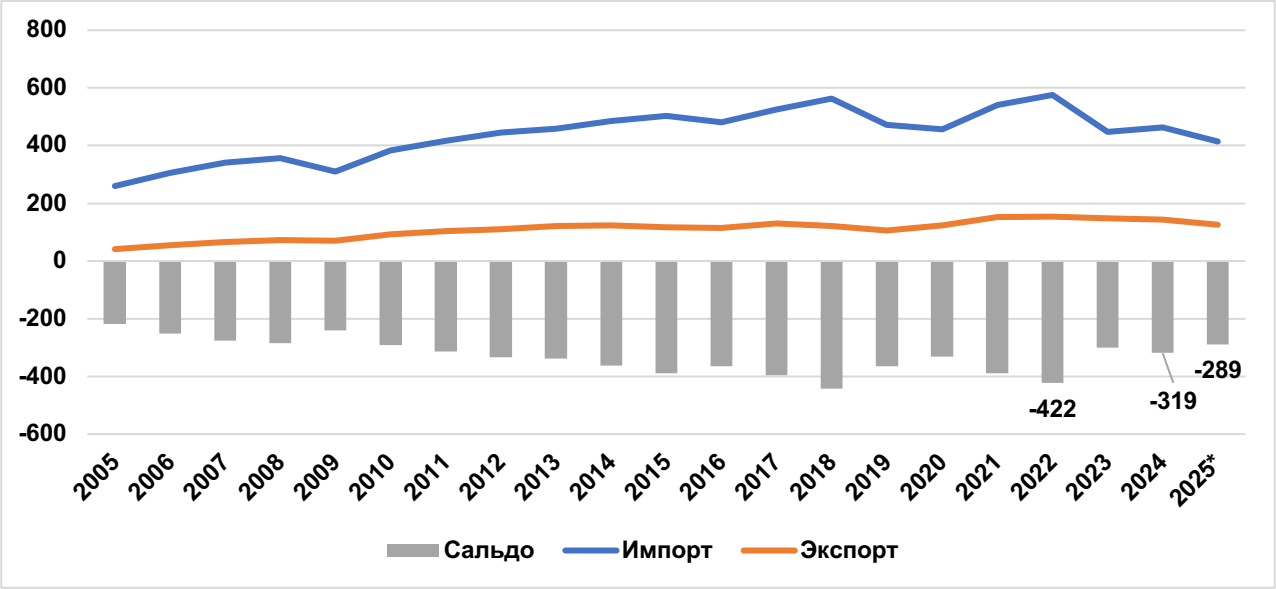


Рисунок 6. Китай: географическая структура товарного экспорта в разрезе стран и континентов в январе–сентябре 2025 г., %

Источники: ЦЭИ ИМЭМО РАН по данным таможенной статистики КНР.



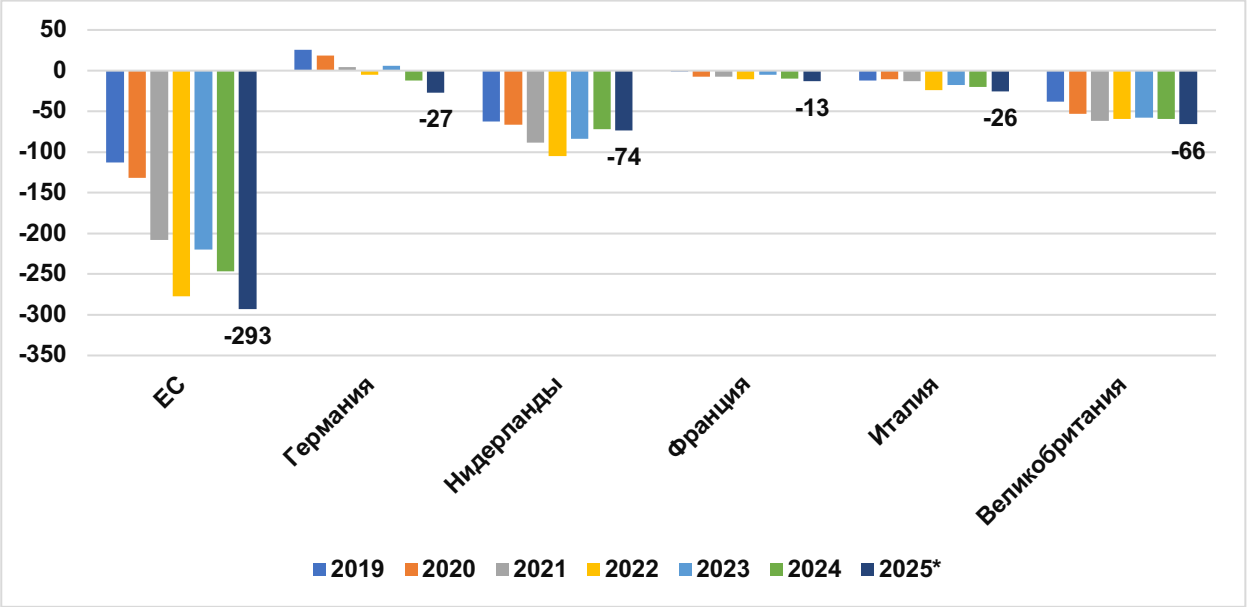
* оценка ЦЭИ ИМЭМО РАН.

Рисунок 7. Динамика товарной торговли США с КНР в 2005–2025 гг., млрд долл. (по данным США)

Источники: International Trade Centre.

Продолжающаяся масштабная экспортная экспансия Китая выдавливает из мировой экономики развитые страны, с одной стороны, все больше сужая их экспортные ниши, с другой стороны, занимая все большую долю в их собственном внутреннем потреблении конечной и промежуточной продукции. Великобритания, Италия, Франция и Нидерланды уже достаточно давно имеют отрицательное сальдо в товарной торговле с Китаем. В 2025 г. значимо увеличилось отрицательное сальдо в торговле Германии с Китаем (рисунок 8). Давление конкурирующего китайского промышленного экспорта и усиливающийся процесс

импортозамещения в китайской обрабатывающей промышленности является главной причиной продолжения деиндустриализации в развитых странах.



* оценка ЦЭИ ИМЭМО РАН.

Рисунок 8. Крупнейшие экономики Европы: динамика сальдо товарной торговли с КНР в 2019–2025 гг., млрд долл. (по данным таможенной статистки КНР)

Источники: ЦЭИ ИМЭМО РАН по данным таможенной статистики КНР.

Прямые иностранные инвестиции

Основными центрами притяжения прямых иностранных инвестиций остаются США, Бразилия, Канада и Мексика (таблица 2). В 2025 г. в число приоритетных рынков для инвестиций вернулся Китай. Концентрация притока прямых иностранных инвестиций в ограниченном числе стран возросла – в первой половине 2025 г. десять стран оттянули на себя почти две трети их совокупного потока по сравнению с 52% в 2024 г.

Таблица 2. Доля стран в совокупном притоке мировых прямых иностранных инвестиций в 2024 г. и первой половине 2025 г., %

	2024		Первая половина 2025
США	23,4	США	21,4
Бразилия	5,0	Бразилия	5,4
Канада	5,0	Великобритания	5,3
Австралия	4,3	Канада	5,3
Мексика	3,0	Мексика	4,9
Испания	2,8	Китай	4,6
Франция	2,2	Франция	4,0
Индия	2,2	Индия	3,5
Индонезия	2,0	Германия	3,4
Швеция	1,9	Швеция	2,7
10 стран	51,7	10 стран	60,5
Остальные страны	48,3	Остальные страны	39,5

Источники: ЦЭИ ИМЭМО РАН по данным ОЭСР.

Мировой рынок нефти – структурный навес предложения над спросом

На мировом рынке нефти сохраняется навес предложения нефти над спросом на нее (рисунок 9). Этот навес решающим образом объясняет низкую чувствительность нефтяных котировок к периодическим обострениям конфликтов на Ближнем Востоке. Даже военные бомбардировки Ирана не смогли развернуть вспять устойчивую тенденцию к снижению цены нефти с середины 2025 г. Среднегодовая цена барреля нефти Brent в 2025 г. ожидается на уровне 68–70 долл. по сравнению с 81 долл. в 2024 г.

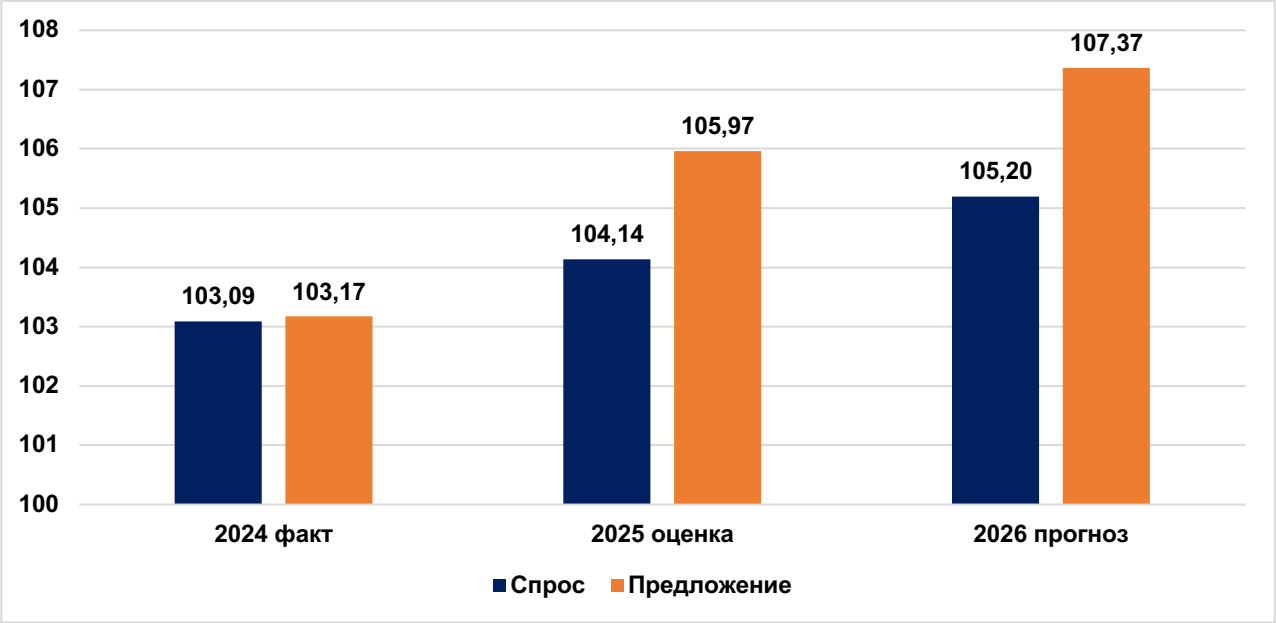


Рисунок 9. Баланс спроса и предложения на мировом рынке нефти в 2024–2026 гг., млн баррелей в день
Источники: ЦЭИ ИМЭМО РАН по данным Министерства энергетики США.

Продолжающийся пересмотр странами соглашения ОПЕК+ потолков добычи в сторону увеличения опережающими темпами по сравнению с договоренностями, достигнутыми в конце 2024 г., ведет к усилению затоваренности рынка нефти. В 2026 г. навес предложения над спросом может достигнуть, по оценкам Международного энергетического агентства, 4 млн баррелей в день, что вдвое превышает уровень 2025 г. В случае реализации такого сценария цена нефти может перейти в коридор 55–60 долл. за баррель. Однако мы считаем, что цена барреля останется в коридоре 60–70 долл., тяготея к нижней границе этого коридора. В случае же входа экономики США в рецессию, например в результате взрыва пузыря на фондовом рынке, цена нефти может кратковременно устремиться в район 40 долл. за баррель.

Региональные рынки природного газа – структурная перестройка

В 2025 г. мировой спрос на природный газ возрастет, по оценкам, на 38 млрд куб. м, что существенно меньше в сравнении с 2024 г. (таблица 3). Особенно заметным замедление роста будет в странах АТР и Северной Америке. В Евразии спрос на газ может незначительно снизиться. Ожидается, что в 2026 г. спрос на газ вырастет более ощутимо, в первую очередь за счет стран АТР и Евразии. Новым крупным источником спроса на газ, точнее газовую генерацию, могут стать дата-центры, особенно в США.

Таблица 3. Прирост спроса на природный газ в разрезе регионов и стран, млрд куб. м

	2024 факт	2025 оценка	2026 прогноз
Африка	0	3	5
АТР	54	6	48
- Китай	30	5	26
Центральная и Южная Америка	5	0	-2
Евразия	27	-6	19
- Россия	26	-7	16
Европа	4	15	-12
Ближний Восток	6	11	24
Северная Америка	20	8	4
- США	18	6	3
МИР	**116**	**38**	**85**

Источники: ЦЭИ ИМЭМО РАН по данным Международного энергетического агентства.

Волатильность цен на природный газ в США повысилась на фоне общего повышательного тренда газовых котировок (рисунок 10). Цены на газ в Европе и на рынках АТР конвергировали практически к одному уровню. Появляется все больше признаков, что на рынках газа формируется навес предложения над спросом, что может толкнуть цены на газ вниз. На фоне вялого роста спроса на газ ускоренными темпами продолжается структурная перестройка рынка в пользу СПГ. В 2026–2028 гг. ожидается ввод в эксплуатацию большого числа проектов экспорта СПГ, прежде всего из США и Катара.

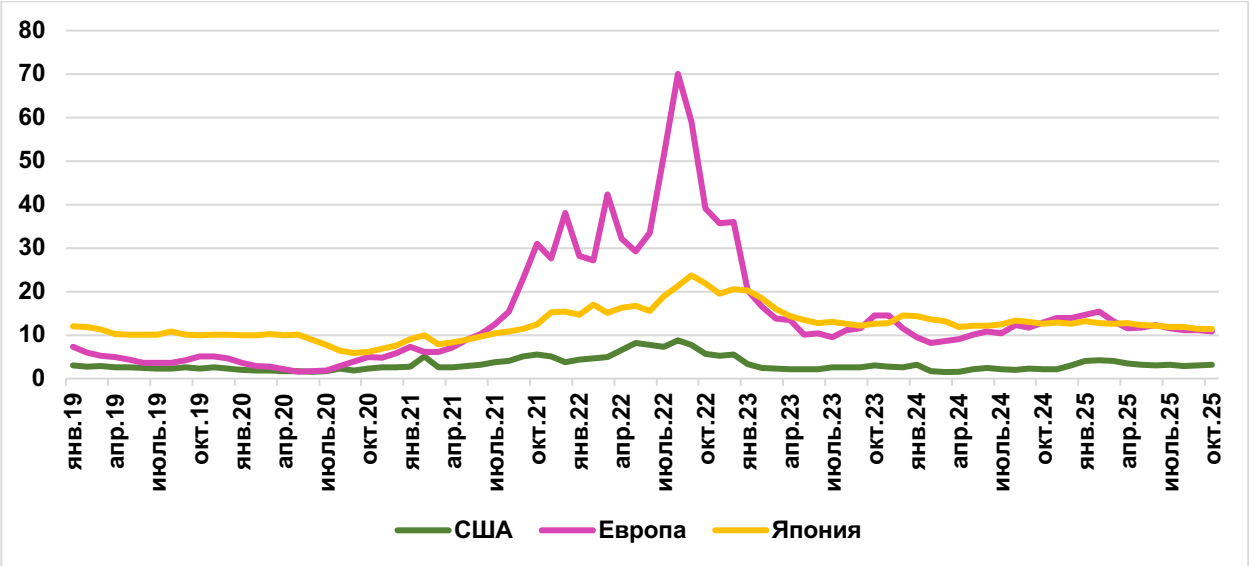


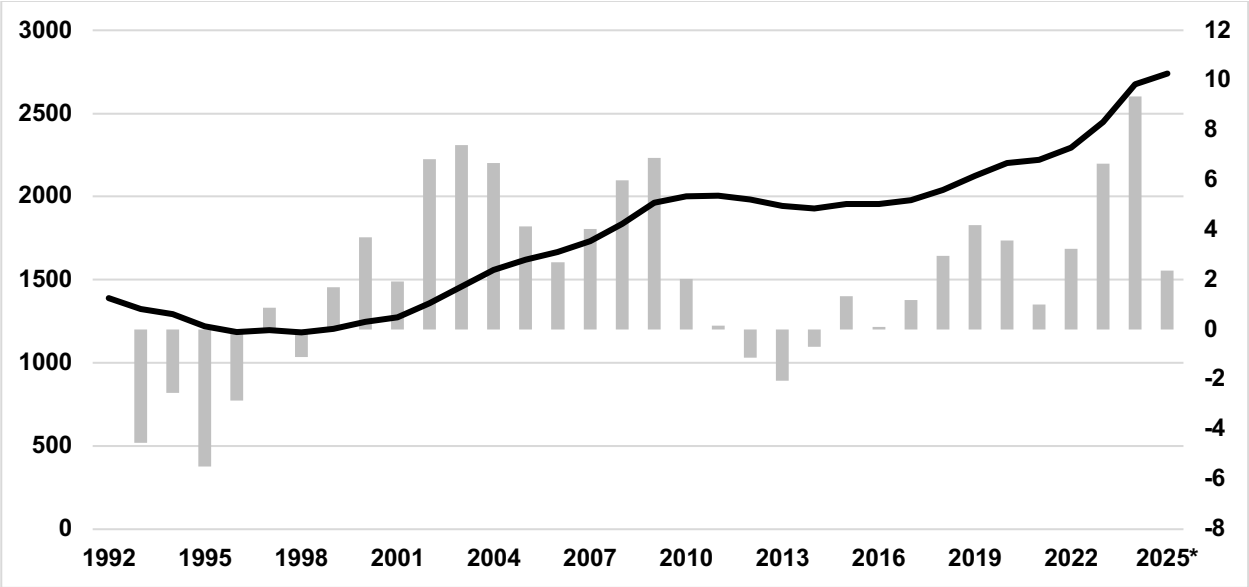
Рисунок 10. Помесячная динамика цен на природный газ в США, Европе и Японии в январе 2019 г. – октябре 2025 г., долл. за 1 млн бте

Источники: World Bank.

Значительное влияние на трансформацию газовых рынков оказывают санкции Европы и США в отношении российских компаний. В конце 2025 г. Евросоюз и США перешли к завершающей стадии вытеснения российского природного газа с европейского рынка. 19 раунд европейских санкций открыл возможность для компаний – импортеров природного газа разрывать долгосрочные контракты с российскими поставщиками, отсылаясь к форс-мажорным обстоятельствам.

Милитаризация экономического роста

Совокупные мировые военные расходы в 2025 г. оцениваются в 2,75 трлн долл. После рекордных 2023 и 2024 годов мировые военные расходы в 2025 г. выросли на 2,4% (рисунок 11).



* оценка ЦЭИ ИМЭМО РАН.

Рисунок 11. Мир: динамика военных расходов в 1992–2025 гг., млрд долл.
Источники: SIPRI; ЦЭИ ИМЭМО РАН.

В гонку вооружений включается все большее число стран. Если в 2019 г. военные расходы относительно ВВП в пределах 2–3% наблюдались в 19 странах, то в 2024 г. таких стран было уже 34 (таблица 4).

Таблица 4. Распределение стран мира по уровню военных расходов к ВВП в 2019 и 2024 годах, %

% в ВВП	Число стран	
	2019	2024
>5	5	8
3–5	16	15
2–3	19	34
1–2	69	49
<1	39	42
Среднее невзвешенное	1.78	2.20

Источники: ЦЭИ ИМЭМО РАН по данным SIPRI.

Лидерами по увеличению военных расходов относительно ВВП в 2019–2024 гг. стали европейские и африканские страны, а также Азербайджан (рисунок 12).

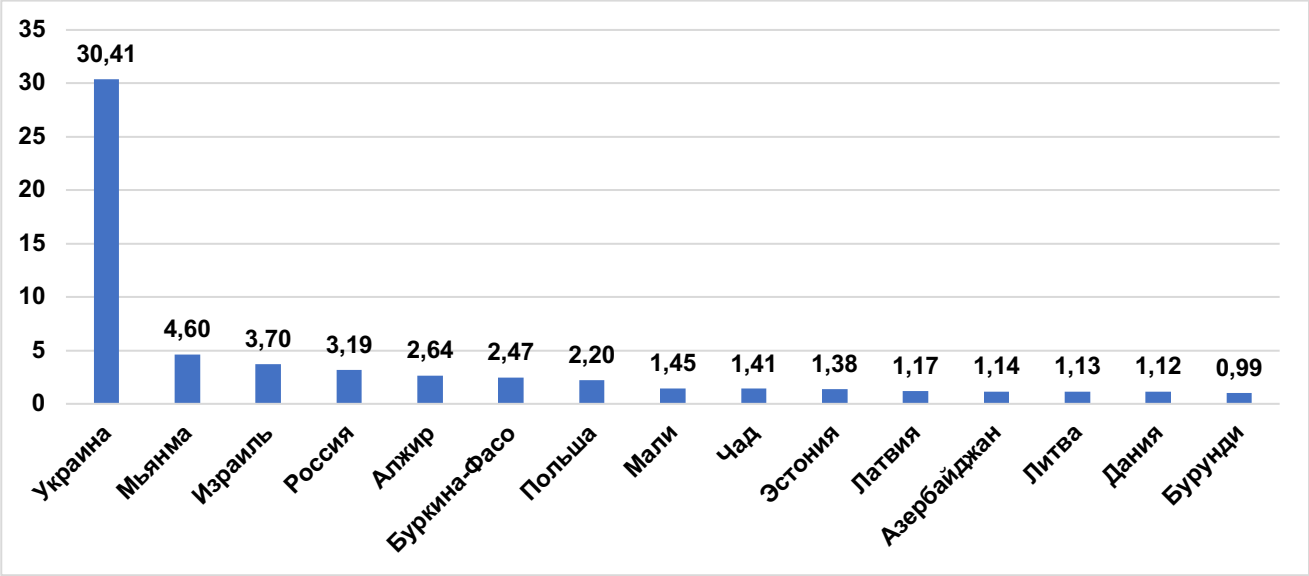


Рисунок 12. Страны с самым значительным увеличением доли военных расходов в ВВП в 2019–2024 гг., п.п.
Источники: ЦЭИ ИМЭМО РАН по данным SIPRI.

Летом 2025 г. страны НАТО объявили о новой планке обязательных расходов на оборону в 3,5% ВВП к 2035 г., также было принято обязательство о дополнительных расходах на инфраструктуру, связанную с обороной, в размере 1,5% ВВП. В 2024 г. военные расходы всех членов НАТО составили 2% ВВП, или около 1,5 трлн долл. По оценкам SIPRI, для достижения заявленной цели в 5% странам блока придется увеличить расходы на оборону на 2,7 трлн долл. – до 4,2 трлн долл. Вопрос не только в изыскании источников таких колоссальных ресурсов, но и в способности натовских экономик эффективно их абсорбировать. В 2025 г. норму в 3,5% выполнят только Польша, Литва и Латвия. Еще в четырех странах – Эстонии, Норвегии, Дании и США – военные расходы превысят 3% ВВП.

Глобальная продовольственная проблема

Цены на продовольствие в 2025 г. вновь выросли, хотя и не вернулись на рекордный уровень 2022 г. (рисунок 13). Драйвером роста цен на продовольствие являются мясные продукты, цены на зерновые культуры продолжают снижаться. По данным ООН, критическая ситуация с продовольствием сложилась в Судане, Южном Судане, Мали, Гаити и на оккупированных палестинских территориях. В зоне неблагополучия также Йемен, Демократическая Республика Конго, Мьянма, Нигерия, Буркина-Фасо, Чад, Сомали и Сирия.

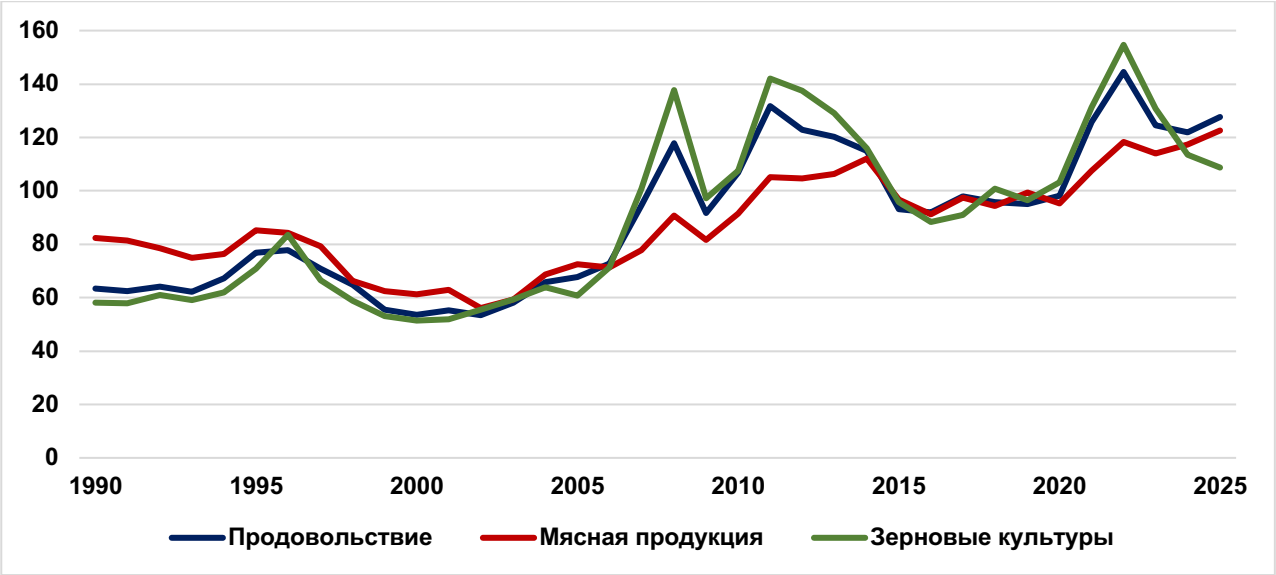


Рисунок 13. Динамика индекса реальных цен на продовольствие в 1990–2025 гг., 2014-2016=100

Источники: Продовольственная и сельскохозяйственная Организация Объединенных Наций (ФАО).

Результаты Конференции сторон Рамочной конвенции ООН по изменению климата (COP30)

Глобальная климатическая повестка принципиально изменилась. В финальном коммюнике COP30 даже не обозначила свою позицию по перспективам использования ископаемых топлив и сведению лесов. Ожидаемо не реализовались иллюзии, что лидерство в глобальной климатической повестке возьмет на себя Китай. Действуя в полном соответствии со своими традициями, Китай, как всегда, сосредоточился на продвижении собственных национальных интересов.

В целом COP30 зафиксировала смещение центра тяжести международных усилий с митигации, или сокращения абсолютных объемов выбросов парниковых газов, на проблемы адаптации к изменениям климата. Продекларировано утроение к 2035 г. ресурсов, направляемых на цели адаптации. В повестку COP по инициативе главным образом Китая была включена проблематика ограничений в международной торговле. В коммюнике отмечено, что меры по борьбе с изменением климата «не должны являться средством произвольной или неоправданной дискриминации или скрытого ограничения международной торговли».

В работе COP30 приняли участие представители 60 компаний и банков из списка Fortune 100, включая Google, Occidental Petroleum, General Motors и Citigroup. В предварительной работе до открытия конференции приняла участие крупнейшая мировая частная нефтегазовая компания ExxonMobil. Частный сектор продолжает наращивать инвестиции в «зеленую» энергетику. В США темпы роста занятости в отраслях новой энергетики втрое превышают усредненный показатель по экономике в целом.

Страной – хозяйкой COP31 в 2026 г. будет Турция.

Риски 2026 г.: Практическая реализации тарифной политики США показала, что администрация Д. Трампа, несмотря на политические декларации, демонстрирует склонность к достижению рациональных компромиссов с торговыми партнерами Соединенных Штатов, особенно если сталкивается, как, например, в случае Китая, с весомыми контраргументами. В этом смысле уровень неопределенности в мировой экономике заметно снизился. Дополнительную уверенность экономическим агентам придает и устойчивость тенденции к снижению мировой цены нефти, что обусловлено структурным навесом предложения нефти над спросом на нее, причем в 2026 г. этот навес станет даже более значительным. Поддержат экономический рост, особенно в краткосрочном плане, и растущие бюджетные расходы Европы на военные цели.

Главные экономические риски 2026 г. – это, во-первых, взрыв пузыря бигтеха на фондовом рынке; во-вторых, отложенный эффект торговых войн; в-третьих, волна банкротств перегруженных долгом компаний реального сектора и финансовых структур.

В капитальные вложения технологические компании направляют практически весь свой свободный денежный поток. Способны ли будут эти проекты сгенерировать адекватные капиталовложениям доходы, неясно. Для того чтобы принести достаточную прибыль инвесторам к 2030 г. выручка должна вырасти в 100 раз. У рыночных игроков есть полное понимание, что они находятся в ловушке, описанной теорией игр, и могут проиграть гонку ИИ. Как заявил соучредитель Google Л. Пейдж: «Я готов обанкротиться, но не проиграть эту гонку».

Все три основных центра глобальной экономической активности перегружены долгом (рисунок 14). Особенно высок уровень задолженности относительно ВВП в странах еврозоны. Долг компаний реального сектора в Китае превышает 138% ВВП, в еврозоне – 105% ВВП. Критический уровень долговой нагрузки резко усилил финансовую хрупкость экономики.

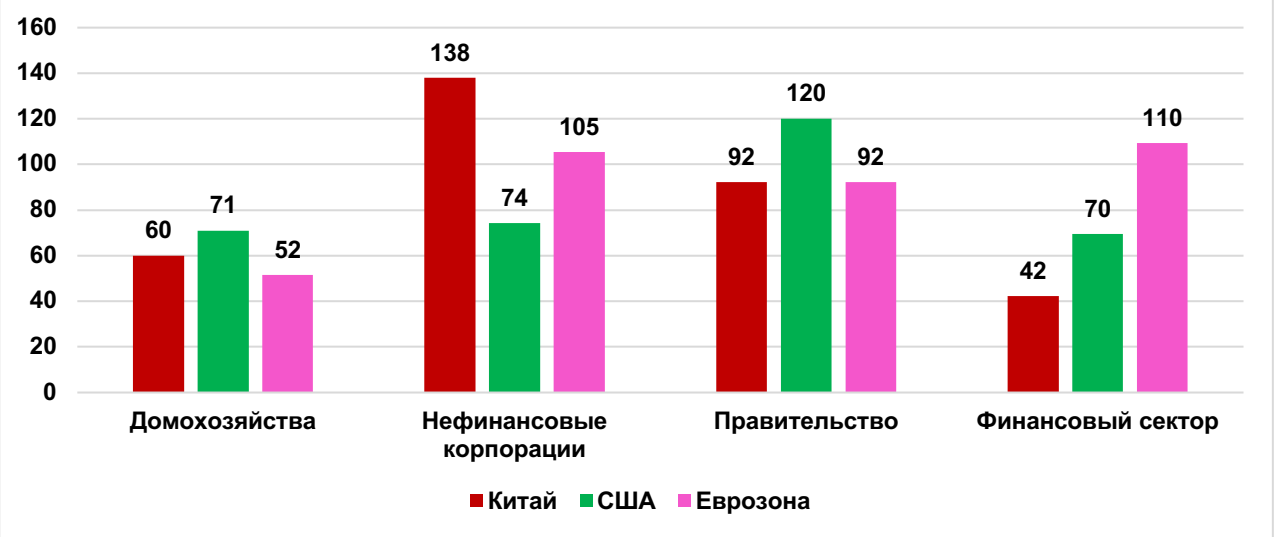


Рисунок 14. Еврозона, Китай и США: долг институциональных секторов в % от ВВП в 2024 г., %
Источники: Institute of International Finance.

В 2026 г. экономика КНР может немного замедлиться из-за исчерпания возможностей стимулировать экономический рост за счет внешнеторговой экспансии. Особенно если внешнеторговые партнеры Китая решатся на усиление протекционистской политики в отношении импорта из КНР.

Главный системный риск экономики США и мировой экономики в целом – вышедший из-под контроля рост долга федерального правительства – продолжает возрастать. Ежегодные процентные выплаты по долгу достигли 1 трлн долл. в год и являются третьей крупнейшей статьей расходов федерального бюджета после основных программ здравоохранения и социального обеспечения (таблица 5). На обслуживание долга идет 3,2% ВВП, и в случае сохранения текущих тенденций к 2035 г. этот показатель превысит 4% валового внутреннего продукта (рисунок 15). В этих оценках не учтен значительный рост госдолга и расходов по его обслуживанию, заложенных в Законе о бюджете на 2026 финансовый год.

Таблица 5. Главные статьи расходов федерального бюджета США в 2025–2027 финансовых годах, млрд долл. (оценки)

	2025	2026	2027
Основные программы здравоохранения	1957	2047	2169
Социальное обеспечение	1572	1664	1761
Процентные платежи по госдолгу	**952**	**1010**	**1075**
Военные расходы	862	1010	1050*
Пенсии федеральным служащим и военным, программы для ветеранов	442	466	491
Социальные выплаты и пособия	410	387	381

* оценка ЦЭИ ИМЭМО РАН.

Источники: Congressional Budget Office; White House Fiscal-Year-2026-Discretionary-Budget-Request.pdf. May 2, 2025. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/05/Fiscal-Year-2026-Discretionary-Budget-Request.pdf.

Рисунок 15. Динамика долга федерального правительства США и процентных платежей по его обслуживанию, % от ВВП

Источники: Congressional Budget Office.

Обостряющаяся борьба за бюджет, структуру его доходов и расходов, направления монетарной политики и политики долговых заимствований еще больше повысит уровень политической и социальной конфликтности в США. Острая борьба ожидается за кандидатуру нового председателя Федеральной резервной системы. Усиливающийся системный риск в американской экономике, провоцирующий ожесточение внутриполитической борьбы в США, будет неизбежно транслироваться и во внешнеэкономическую политику Соединенных Штатов.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

В 2026 г. на мировую политику и безопасность продолжат воздействовать факторы, доминировавшие в 2024–2025 гг. Определять мировую политику по-прежнему будут:

- американский фрейм/фактор Д. Трампа, на который в 2026 г. существенно большее влияние будут оказывать внутриполитический расклад/разлад и предстоящие промежуточные выборы;
- незавершенные конфликты и связанная с ними военно-политическая и социально-экономическая нестабильность, растущая общественно-политическая поляризация на глобальном, региональном и национальном уровнях; милитаризация мировой политики;
- повышенная активность средних и малых суверенных игроков и их объединений в незападном мире, но также и на Западе.

Большинство оценок прогноза ИМЭМО «Россия и мир: 2025», касающихся существа и стиля в духе «сделки» политики Д. Трампа, получили подтверждение[1]. В отличие от тревожной «неопределенности», возникшей еще в период коронакризиса, глубоко изменившего общественно-психологические, экономические и поведенческие стереотипы практически во всем мире, и усилившейся с избранием президента Д. Трампа, 2026 год будет существенно более предсказуемым.

Ключевой парадигмой развития мировой политики становится *геополитика – переход ведущих мировых игроков, прежде всего США, к неприкрытой, окончательно ломающей не только нормы и институты, но саму философию и этику Ялтинско-Потсдамской послевоенной мировой системы, жесткой конкуренции в целях продвижения и реализации национальных интересов.*

К 2026 г. мир перешел от «новой нормальности» к «новой реальности», где, как справедливо отмечает академик А. Дынкин, «геополитика ломает старые траектории экономического сотрудничества и формирует новые»[2].

Геополитика-2026

Безусловно, исподволь процесс геополитизации был запущен еще в конце 1990-х гг. – расширением НАТО и резко отрицательным отношением к этому России. Маркером процесса стала Мюнхенская речь В. Путина в 2007 г., а затем события в Южной Осетии и Абхазии. Вплоть до 2022 г. этот процесс компенсировался балансами в рамках послевоенных институтов, договоров, наработанных в период разрядки и позже. В 2010-х слова «геополитика вернулась» стали звучать все чаще[3]. Ближе к 2020 г., не без влияния первой

[1] Россия и мир: 2025. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз // Под ред. Г.И. Мачавариани, И.Я. Кобринской. – М.: ИМЭМО РАН, 2024. С. 23.
[2] XII стратегические дебаты в Абу-Даби 2025: «Смена гегемонии и адаптация к новому мировому порядку» // ИМЭМО РАН. https://www.imemo.ru/news/events/text/12th-abu-dhabi-strategic-debate-2025-shifting-hegemony-and-adapting-to-a-new-global-order.
[3] Bennet I., Patrick S. Geopolitics Is Back–and Global Governance Is Out // National Interest. 2025.12.05. https://nationalinterest.org/blog/buzz/geopolitics-back-global-governance-out-12868.

каденции Д. Трампа, осознание сдвигов произошло в европейской правящей элите. В Глобальной стратегии ЕС от 2016 г. появился термин «стратегическая автономия» – как свобода от влияния других игроков на внешнеполитические действия объединения. «Геополитика вернулась – и Евросоюз должен быть к этому готов. Серьезные потрясения в мировом порядке требуют от крупных держав мыслить и действовать геополитически. ЕС также должен поступать таким образом»[4]. В своей речи 12 ноября 2019 г. на Парижском форуме мира У. фон дер Ляйен ставит перед Европой задачу «внести вклад в решение проблем изменения климата, цифровизации, демографии, миграции, конфликтов, бедности… В свете этих глобальных вызовов мы видим необходимость в сильных институтах и более эффективном многостороннем сотрудничестве… Существующие силы идут по новым путям в одиночку… Вот почему, как председатель следующей Европейской комиссии, я хочу построить по-настоящему “геополитическую комиссию”»[5]. При этом среди названных тогда глобальных вызовов не было угроз безопасности, реальных или мнимых, ответ на которые сейчас пытается найти Европа.

По прогнозу одного из немногих трезвомыслящих европейских политиков президента Финляндии А. Стубба, наступил конец основанного на правилах послевоенного миропорядка и возврат соперничества великих держав, рамки геополитики задает противостояние Китая и США. Также возникают и меняют правила игры средние державы: Бразилия, Индия, Мексика, Нигерия, Саудовская Аравия, Южная Африка и Турция. Вместе они обладают экономическими средствами и геополитическим весом, чтобы склонить глобальный порядок либо к стабильности, либо к еще большему хаосу. Формируется трехстороннее противостояние между Глобальным Западом, Глобальным Востоком и Глобальным Югом. По мнению Стубба, Глобальный Юг определит, перевесит геополитика следующей эпохи в сторону сотрудничества, фрагментации или доминирования. Следующие 5–10 лет определят мировой порядок на многие годы[6].

Пока не ясно, достигла ли высшего предела хаотизация международных отношений в результате беспрецедентно волатильной политики Соединенных Штатов первого года правления Д. Трампа. Вряд ли достигла дна уже давно идущая деструкция международных институтов и правил. Однако понятно, что реалии послевоенного, холодно-военного и постхолодно-военного времени позади[7]. Ныне нередко проводят параллели между текущим этапом и столетней давности межвоенным двадцатилетием 20 в., реже – сравнивают с двухсотлетним «концертом великих держав». Очевидно только, что во вторую четверть 21 в. мир вступает в новостарой парадигме жесткой геополитической конкуренции. Анализируя политику и логику мышления Трампа-«профессионального застройщика» – максимально быстрая сделка и максимальные дивиденды, – не остается иллюзий относительно его способности мыслить в категориях «норм и принципов “концерта великих держав XXI века”»: «ответственности за предотвращение ущерба для всего мира в целом, а не только для

[4] Müller-Hennig M. A truly geopolitical EU Commission? // International Politics and Society (IPS). 2019.04.12. https://www.ips-journal.eu/regions/europe/a-truly-geopolitical-eu-commission-3918/.
[5] Speech by President-elect Ursula von der Leyen at the 2019 Paris Peace Forum // European Commission. 2019.12.11. https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_19_6270.
[6] Stubb A. The West’s Last Chance. How to Build a New Global Order Before It’s Too Late // Foreign Affairs. 2025.02.12. https://www.foreignaffairs.com/united-states/wests-last-chance.
[7] Allison G., Winnefeld J.A., Jr. The End of the Longest Peace? One of History’s Greatest Achievements Is Under Threat // Foreign Affairs. 2025.24.11. https://www.foreignaffairs.com/united-states/end-longest-peace.

своего собственного государства и его народа, признания своей ответственности за всех остальных (erga omnes), в парадигме “этики заботы”»[8].

Но специфика геополитики-2026 г. будет определяться преимущественно Д. Трампом. «Это мир Дональда Трампа – мы все просто в нем живем. Главный разрушитель норм был самым влиятельным фактором, формировавшим мировые события в 2025 году, и так будет, пока он остается в Белом доме»[9].

Чтобы не оставалось сомнений в дальнейших намерениях и целеполагании Д. Трампа, в начале декабря 2025 г. на сайте Белого дома появилась Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов Америки[10] с неординарным для подобных документов стилем и структурой, напоминающими бизнес-план. Чего Америка хочет – что ей выгодно – что она может. В Стратегии не обозначен временной горизонт, но она однозначно идентифицируется как «стратегия Трампа» и, следовательно, рассчитана на нынешнюю президентскую каденцию. В Стратегии отсутствуют попытки облечь ее содержание в традиционные, подобающие и «приличествующие» таким документам слова и форму.

Стратегия объявляет переход Соединенных Штатов к реализации доктрины Монро-2 – приоритет Западного полушария как региона доминирования.

В отношении Евросоюза Стратегия продолжает риторику шокировавшего европейский истеблишмент выступления вице-президента Дж. Ди Вэнса на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2025 г., по сути выражая недовольство внутренней политикой европейских стран и тем самым вмешиваясь в нее. США объявляют курс на перекладывание ответственности за европейскую безопасность на европейские государства, тем самым планируя дальнейшее ослабление трансатлантических связей в сфере безопасности.

США/Д. Трамп не видят смысла в дальнейшем расширении НАТО.

В отношении России документ лаконичен, четко ставится цель «стабилизации» отношений.

В отличие от прежних документов, где КНР однозначно рассматривалась как главный противник и угроза для Соединенных Штатов, в китайской части «стратегии Трампа» планируется «сбалансировать экономические отношения Америки с Китаем, отдавая приоритет взаимности и справедливости для восстановления экономической независимости Америки».

В отношении Тайваня без традиционных «лишних» слов о защите демократии Белый дом Трампа пишет, что Тайвань важен отчасти из-за его доминирования в производстве полупроводников, но главным образом потому, что Тайвань обеспечивает прямой доступ ко Второй островной цепи и разделяет Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию на два отдельных театра военных действий… Учитывая, что треть мирового судоходства ежегодно

[8] «Концерт великих держав» XXI века // История.рф. 2025.08.06. https://history.ru/read/articles/kontsiert-vielikikh-dierzhav-xxi-vieka.
[9] The World Ahead 2026. Future-gazing analysis, predictions and speculation // The Economist. 2025.12.11. https://www.economist.com/the-world-ahead/2025/11/12/our-selection-of-events-around-the-world.
[10] National Security Strategy of the United States of America // White House. November 2025. https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf.

проходит через Южно-Китайское море, это имеет серьезные последствия для экономики США. Следовательно, предотвращение конфликта из-за Тайваня, в идеале путем сохранения военного превосходства, является приоритетом.

Тем не менее, независимо от качества документа, он базируется на реальном состоянии дел в мире к началу 2026 г. и дает реперные точки, основные направления для прогноза мировых дел в 2026 г. Это:

- меняющаяся ситуация в глобальной экономике и безопасности;
- укрепление позиций Китая;
- изменения и волатильность международных форматов, в том числе и прежде всего в сфере безопасности;
- сдвиг от секьюритизации к милитаризации;
- парадоксальный в условиях доминанты геополитики мощный всплеск идейно-политических противоречий;
- конфликты, трудность урегулирования которых обусловлена их глубокими корнями, имеющими не только и не всегда геополитический, но идеологический и цивилизационный характер, нерелевантность миротворческого инструментария;
- резкое снижение приоритета глобальных проблем – климата, энергетики, здравоохранения.

Рассмотрим некоторые из этих трендов.

Геополитизация мировой экономики и безопасности

Фоном изменений, помимо ставших к концу 2025 г. уже предсказуемыми тарифных эскапад Д. Трампа, послужило дальнейшее замедление, а в условиях горячих конфликтов – и серьезные сбои процессов глобализации и регионализации. В Индо-Тихоокеанском регионе, бывшем еще полтора десятилетия назад флагманским объектом процесса глобализации и одним из ведущих его субъектов, в последние годы, как считают эксперты ИМЭМО, ключевые игроки выступают в роли новых полюсов силы как минимум регионального значения и активно пытаются оппонировать как внерегиональным центрам силы, так и друг другу. Перспектива выработки единых и соблюдаемых правил для торгово-инвестиционной активности откладывается на неопределенное будущее. Рост конфронтации по линии геополитических разломов фактически парализовал поиски консенсусных путей налаживания многосторонней кооперации, реализации общерегиональных целей в политической и экономической сферах[11]. Из-за высокого уровня конфликтности на Ближнем Востоке под ударом в ближайшем будущем оказывается проект IMEC – экономический коридор «Индия – Ближний Восток – Европа».

[11] См. раздел Индо-Тихоокеанская Азия в: Россия и мир: 2026. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз // Под ред. Г.И. Мачавариани, И.Я. Кобринской. – М.: ИМЭМО РАН, 2025.

Учитывая фокус на Западное полушарие, на реанимацию доктрины Монро, впрочем заявленные Трампом еще в ходе предвыборной кампании, и рост числа трудно и долго (что категорически противоречит стилю Трампа) преодолимых проблем в урегулировании сложных конфликтов на Ближнем Востоке и Украине, Д. Трамп все менее последователен в поддержании ранее созданных Соединенными Штатами региональных форматов безопасности.

Так, вводя дополнительные пошлины на импорт из Индии, Трамп отказался посетить страну в рамках саммита лидеров четырехстороннего диалога по безопасности (QUAD) осенью 2025 г. Известный американский политолог Ричард Хаасс назвал происходящее «разворотом от Азии». «Во время поездки Трампа в регион в отношениях США с Вьетнамом, как и с Индией, произошел разворот к худшему. Китай больше всех выигрывает от этого дистанцирования между США и странами, которые могли бы осложнить его военные планы». В целом же Америка навредила своим позициям во многих странах региона, отказавшись присоединиться к главному региональному торговому пакту («Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве»), а также из-за вольного обращения Трампа с пошлинами[12].

Действия Вашингтона вызвали определенное охлаждение на высшем уровне в Индии и озабоченность индийских экспертов. По оценке последних, переизбрание Д. Трампа в январе 2025 г. ознаменовало начало новой эры прагматичной дипломатии, с усиленным акцентом на национальные интересы, разделение бремени и заметный скептицизм по отношению к многостороннему сотрудничеству. И все это тогда, когда ситуация в Индо-Тихоокеанском регионе становится все более напряженной. «Китай продолжает свои напористые маневры в Тайваньском проливе и в Южно-Китайском море; морские перевозки продолжают сталкиваться с перебоями в Красном море; а глобальное управление остается фрагментированным на фоне множества затяжных войн по всему миру. Как эти обстоятельства повлияют на QUAD, будет видно впоследствии»[13]. Для QUAD возвращение Трампа в Белый дом, полагают в Observer Research Foundation, означает как возможность, так и риск. С одной стороны, сотрудничество в сфере безопасности может усилиться. С другой стороны, более широкая повестка группы в области мягкой силы, устойчивость к климату, безопасность здравоохранения и цифровая инфраструктура сталкиваются с потенциальной маргинализацией. В рамках той же логики «разделения бремени» Трамп будет продолжать выстраивать политику в отношении НАТО и союзников по альянсу, подчеркивают индийский эксперты. И новая Стратегия национальной безопасности США подтвердила эти предположения.

Сложившейся ситуацией буквально в режиме реального времени воспользовалась Россия, и декабрьский визит В. Путина в Индию подтвердил взаимопонимание и сотрудничество двух стран. Можно предположить, что эта позитивная динамика сохранится и получит дальнейшее развитие в 2026 г.

---

[12] Haass R. Трамп и его Разворот от Азии // Project Syndicate. 2025.31.10. https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-pivot-from-asia-to-western-hemisphere-by-richard-haass-2025-10/russian.

[13] Mishra V., Prathap S.T. Quad 2025: Security Focus Amid Trump's Return – Analysis // Observer Research Foundation. 2025.18.07. https://www.eurasiareview.com/18072025-quad-2025-security-focus-amid-trumps-return-analysis/.

В то же время, как и в свою первую каденцию, Д. Трамп продолжит уделять большое внимание Ближнему Востоку. И хотя война в Газе, несмотря на большие усилия Трампа и его посланников по урегулированию конфликта, затормозила расширение и укрепление «Соглашений Авраама», американский президент будет продвигать этот проект. Если достигнутые осенью 2025 г. в США договоренности с президентом Казахстана К.-Ж. Токаевым о присоединении Астаны к «Соглашениям Авраама» будут реализованы, в 2026 г. этот «ближневосточный концерт», не исключено, начнет приобретать иную геополитическую конфигурацию, потенциально оказывая влияние на регионы Центральной Азии и Южного Кавказа.

Китай-2026

К началу 2026 г. можно зафиксировать, что первый раунд боя Трампа против Китая закончился скорее в пользу Пекина, который выстоял под жестким прессингом и угрозами введения 100 и более процентных пошлин. Во время встречи с Д. Трампом на полях саммита АСЕАН Си Цзиньпин совершенно в трамповском стиле добился устраивающих Пекин уступок и сделок. На первую половину 2026 г. запланированы взаимные визиты. Пекин, как и Вашингтон, проигнорировал саммит G20. Позитивные прогнозы дают как западные, так и российские эксперты. Согласно The Economist, для Китая, несмотря на его собственные проблемы, политика «Америка прежде всего» господина Трампа открывает новые возможности усилить свое глобальное влияние. Он будет представлять себя как более надежного партнера, особенно в странах Глобального Юга, где заключает ряд торговых соглашений. Китаю удобно заключать тактические сделки с господином Трампом по сое или чипам. Главное будет – поддерживать отношения с Америкой транзакционными, а не конфронтационными.

На фоне перефокусировки США на Западное полушарие в 2026 г. Пекин, вероятно, продолжит активнее продвигать выдвинутую им на саммите ШОС концепцию глобального управления. Принимая реальность, Китай с партнерами по БРИКС+, ШОС+, дружественными региональными форматами от ЕАЭС до АСЕАН, с опорой на новые банки развития и инновации в системах расчетов приступает к развитию этой концепции, выносит ее на обсуждение «дружественного к нему макрополитического региона» и получает в целом позитивную реакцию, в том числе со стороны России. Это, подчеркивают российские эксперты, первый серьезный политический нарратив Китая, который, скорее всего, будет в ближайшее время обсуждаться практически повсеместно. В настоящее время концепция глобального управления не предусматривает создания каких-то альтернативных структур. Наоборот, Китай считает, что ООН, ВТО, Всемирный банк должны вернуться к своим изначальным смыслам. То есть предоставлять открытые возможности для дискуссии, экономической конкуренции и поддерживать страны вне зависимости от их экономического и политического веса. По сути, полагают эксперты, для китайского политического менталитета идея не нова. Она заключается в том, что Китай «своим политическим и экономическим зонтиком готов накрывать те страны, которые признают доминанту китайских идей и готовы следовать за китайской финансовой и политической мощью».

В любом случае инициатива Китая созвучна интересам России, в том числе прямо зафиксированным в Концепции внешней политики[14].

Геополитика + идеология

Только «феномен Трампа», его «видение» политики и политиков может объяснить парадоксальный в условиях доминанты геополитики мощный всплеск идейно-политических противоречий. Он «перекраивает ментальные карты, через которые Вашингтон видит мир». В самих Соединенных Штатах это развилка Д. Трамп – З. Мамдани. Предстоящие выборы 2026 г. будут беспрецедентно напряженными.

Как подчеркивают западные эксперты[15], политику Трампа определяет не традиционное противостояние демократии и авторитаризма, а лево-правый разрыв. В отличие от своих предшественников, таких как президенты Дж. Буш-младший, Б. Обама и Д. Байден, Трамп не заинтересован в экспорте демократии. То, что он стремится экспортировать, – это его внутренняя политическая повестка – антииммигрантская, анти-вок (anti-woke) и антизеленая.

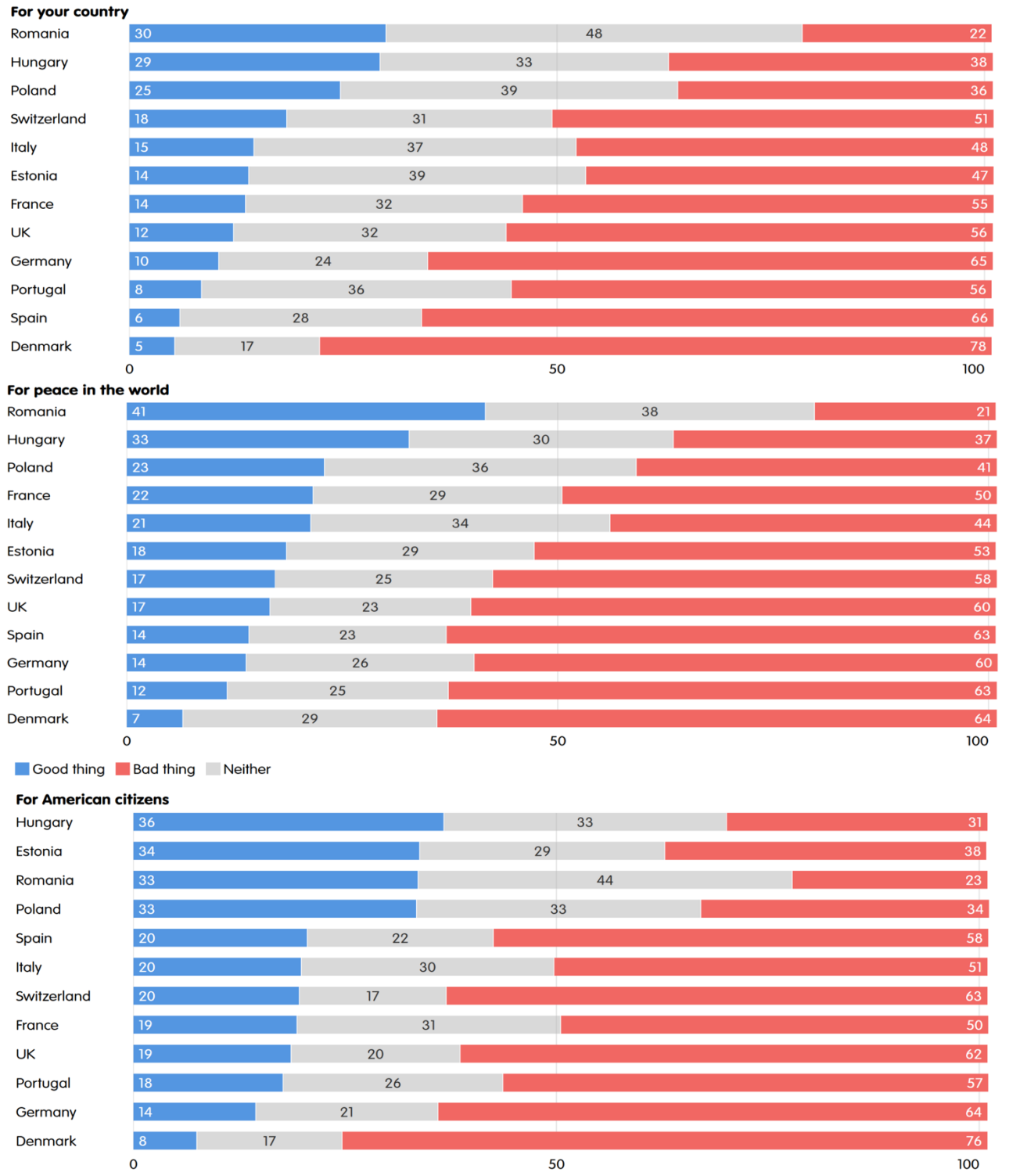
Трампу будет нелегко выстраивать лидерство в Латинской Америке. Он враждебен к Бразилии, так как крайне не любит леворадикального президента Л. да Силву. Но проявляет щедрость к Аргентине, чьего правого популистского президента Х. Милей, которого он называл своим «любимым президентом». Крайне трудно прогнозировать развитие ситуации вокруг Венесуэлы.

Претензии Вашингтона к колеблющимся, «странам-маятникам», которые будут во многом определять мировых лидеров, в ряде случаев обоснованные, значительно ухудшили отношения с ними по причинам, трудно согласуемым с национальными интересами США. В результате, пишут западные эксперты, на горизонте появился новый риск: превращение БРИКС в более активный антизападный блок, который все больше находится под влиянием Китая и России. Если Соединенные Штаты не изменят политику в краткосрочной перспективе, они расплатятся за эту перекройку в долгосрочной[16].

То же и в Европе: отвергая традиционные либеральные ценности, которые служили опорой трансатлантического альянса, администрация Трампа открыто, что прямо прописано в новой Стратегии национальной безопасности, поддерживает праворадикальные популистские силы и политиков: «Альтернативу для Германии» (AfD), испанскую Vox, Nigel Farage «Reform UK». Однако в случае смены лидеров, чего нельзя исключать на предстоящих в 2026 г. выборах в Венгрии, их преемники могут более скептически относиться к Вашингтону Трампа. Парадоксальным образом, укрепляя связи с европейскими правыми, Вашингтон может ослаблять свое влияние в Европе в целом. Наконец, с высокой вероятностью, руководствуясь национальными экономическими интересами, Орбан вряд ли поддержит Вашингтон, если это коснется отношений с Китаем.

[14] «Манифест принятия реальности» // Коммерсант. 2025.07.09. https://www.kommersant.ru/doc/8022662.
[15] Krastev I. The Paradox of Europe’s Trumpian Right. How America’s Weaponization of Ideology Could Backfire // Foreign Affairs. 2025.27.11. https://www.foreignaffairs.com/europe/paradox-europes-trumpian-right.
[16] Fontaine R., McKinley G. Losing the Swing States. Washington Is Driving the BRICS to Become an Anti-American Bloc // Foreign Affairs. 2025.27.10. https://www.foreignaffairs.com/united-states/losing-swing-states.

Оценивая в целом позиции США/Трампа и отношение к ним, наглядной иллюстрацией являются опросы, проведенные в мае 2025 г. в Европе. Были заданы короткие вопросы: «Сейчас, когда Д. Трамп занял офис президента США, вы думаете, его избрание было позитивным или негативным для 1) американских граждан? 2) для вашей страны? 3) для мира на планете?» В опросах преобладает красный – негативный цвет.



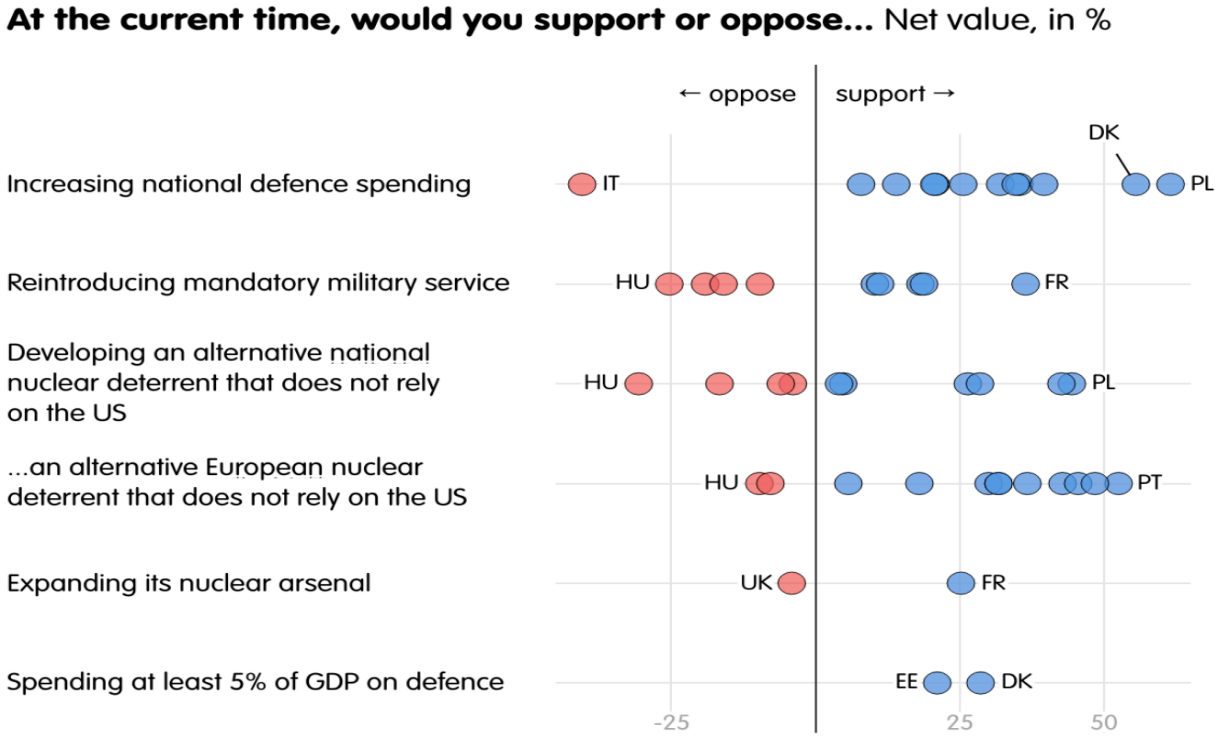
Источник: Trump's European revolution // European Council on Foreign Relations (ECFR). 2025.23.06. https://ecfr.eu/publication/trumps-european-revolution/.

При этом, особенно в Европе, растут настроения, которые можно коротко охарактеризовать словами – «это нужно пережить». Что не означает, что за оставшееся время каденции Трампа Вашингтоном не будут предприняты шаги, действия, последствия которых окажутся значительно более долгосрочными и проблемными для мировой политики.

От секьюритизации к милитаризации

Очевидно, именно к таким долгосрочным последствиям относится начавшийся в 2025 г. процесс милитаризации. В 2026 г., получив финансовую базу и в ряде случаев общественно-политическую поддержку, этот процесс приобретет масштабную и по определению долгосрочную динамику. Помимо украинского конфликта, стратегическая «срочность» тренда на милитаризацию обусловлена необходимостью выстраивания новых трансатлантических балансов с учетом подходов администрации Д. Трампа к гарантиям европейской безопасности и отношениям с европейскими союзниками. Принятые в ЕС долгосрочные ориентиры и программы оборонного строительства, ориентированные на противостояние с Россией, задают устойчивую конфронтационную динамику. Будет все сложнее развернуться в обратном направлении – к нормализации российско-европейских отношений, обеспечению устойчивости процесса контроля над вооружениями и снижению военных рисков в Европе[17].

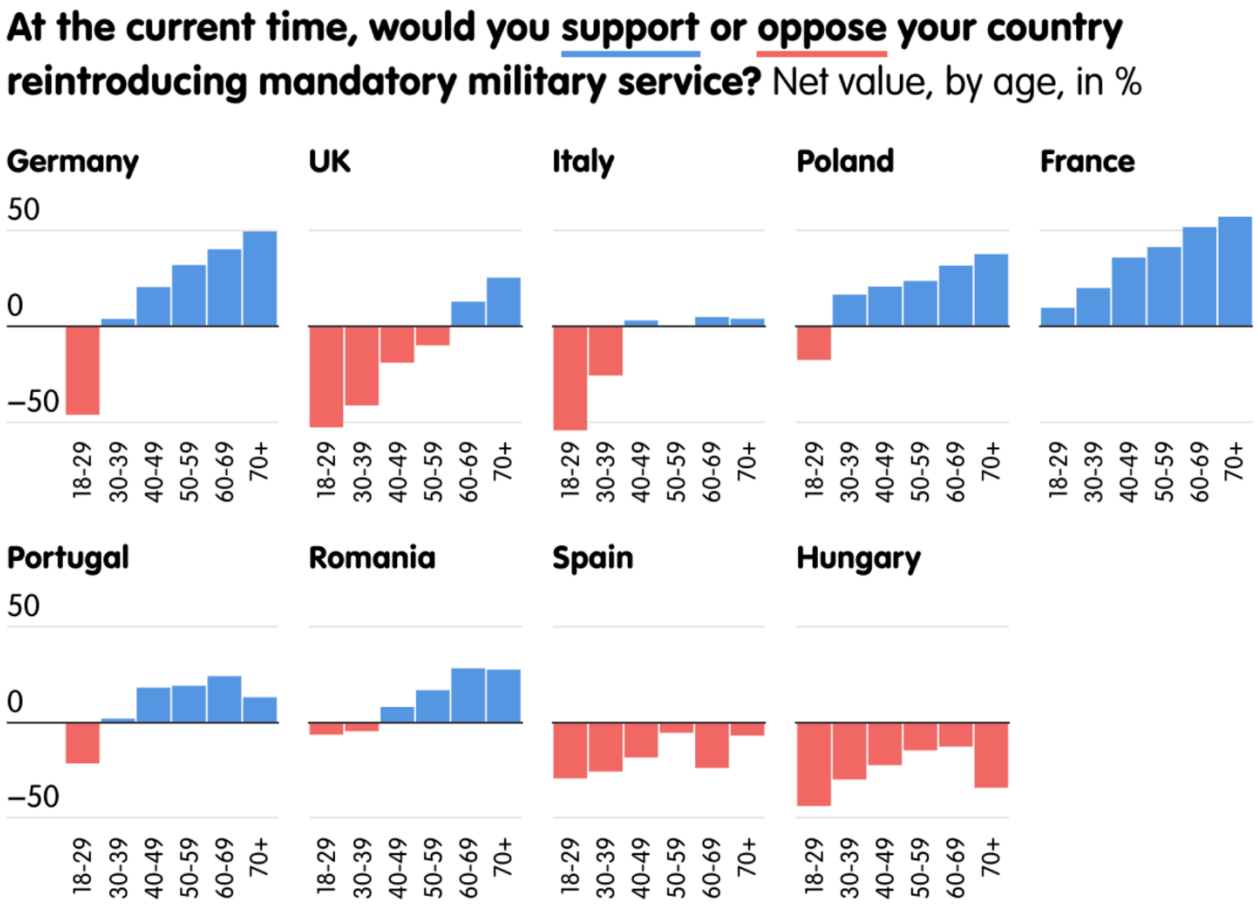
В том, что касается поддержки увеличения расходов, европейцы остаются «между Венерой и Марсом», однако значительная часть понимает необходимость в этом.



Источник: Trump's European revolution // European Council on Foreign Relations (ECFR). 2025.23.06. https://ecfr.eu/publication/trumps-european-revolution/.

[17] Данилов Д.А. «Оборонная готовность» ЕС: стратегическое планирование и перспективы // «Аналитические записки Института Европы РАН» (Выпуск IV) №35. 2025 (№403). http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2025/an403.pdf.

Наиболее активно негативно к обязательной воинской службе относятся в Венгрии и Испании.



Источник: Trump's European revolution // European Council on Foreign Relations (ECFR). 2025.23.06. https://ecfr.eu/publication/trumps-european-revolution/.

Нежелание европейских обществ менять традиционную и фундаментально мирную парадигму развития Евросоюза с высокой вероятностью будет использоваться различными политическими силами и партиями, вызывать общественно-социальное недовольство и напряжение.

На фоне украинского конфликта, с одной стороны, и изменений в американской стратегии, с другой, нельзя не отметить произошедшие к 2026 г. резкие колебания в состоянии и позиционировании двух ключевых институтов послевоенной мировой системы – НАТО и Европейского союза. Так, НАТО, по сути обретшее *raison d'être* в связи с украинским конфликтом, оказывается в полукризисном положении из-за заявленного Д. Трампом ослабления фундаментальной трансатлантической связки. В Евросоюзе, почти единодушно поддерживавшем Украину на первом этапе конфликта, к 2026 г. проявились острые разногласия между странами-членами, связанные с необходимостью увеличения оборонных расходов.

Процесс милитаризации на фоне слабости Евросоюза в оборонной сфере вне фрейма НАТО обусловил появление новых двусторонних форматов. 17 июля 2025 г. был подписан Договор о дружбе и оборонном сотрудничестве между Великобританией и Германией, первый

двусторонний договор со времен Второй мировой войны. 10 июля 2025 г. была подписана «Декларация Ланкастер-хаус 2.0» между Великобританией и Францией. Согласно договору, ядерные силы двух стран остаются независимыми, но координируют свои действия.

Великобритания в целом привлекает особое внимание в новом глобальном геополитическом раскладе. С одной стороны, Лондон – Европа, но не Евросоюз – сохраняет, насколько это возможно, относительную свободу экономического и военно-политического выбора и остается в особых отношениях с Вашингтоном, что подтверждает и визит Д. Трампа в Великобританию. С другой стороны, идет дальнейшее сближение Британии, где все чаще признают, что Брекзит оказался ошибкой, и ЕС. В мае 2025 г. прошел первый после выхода из Евросоюза саммит Великобритания – ЕС. Наконец, на фоне украинского конфликта Великобритания начала не только более плотно сотрудничать с Брюсселем и европейскими столицами, но стала одним из самых активных, если не самым активным членом коалиции, поддерживающей Киев. Как в парламенте, так и в обществе в целом сохраняется консенсус относительно необходимости усиления поддержки Украины. Это одна из немногих тем, не вызывающая существенных противоречий.

Наконец, в условиях, когда Соединенные Штаты сначала на практике, но сейчас уже и доктринально смещают ответственность за европейскую безопасность с НАТО на европейские страны, у Великобритании, возможно, возродятся лидерские амбиции. Там сохраняется политика, направленная на максимальное противодействие России.

ВЗГЛЯД Деловая газета | **Рейтинг недружественных правительств**

	Страны	Индекс
1	Британия	75
2	Германия, Франция	70
3	Нидерланды, Эстония	65
4	Латвия, США, Чехия	55
5	Дания, Италия, Канада, Литва, Польша, Финляндия, Швеция	50
6	Бельгия, Норвегия	45
7	Греция, Испания, Хорватия	40
8	Португалия, Словения	35
9	Венгрия, Люксембург	30
10	Австрия, Болгария, Ирландия, Мальта, Новая Зеландия, Румыния	25

Данные за октябрь 2025 года

Источник: Названа тройка наиболее недружественных России правительств // Деловая газета «Взгляд». 2025.11.11. https://vz.ru/news/2025/11/11/1373086.html.

Возможно, не досконально точный приведенный рейтинг в целом свидетельствует о существенных расхождениях в настроениях европейских государств/правительств в отношении России. Политическая канва 2025 г. подтверждает активизацию России во внешней политике на различных направлениях. В 2026 г. действовать придется в условиях обостряющегося геополитического соперничества.

Международная безопасность

В 2026 г. продолжат развиваться тренды в области безопасности, описанные нами ранее, оформившиеся за несколько лет до того, и нашедшие свое подтверждение в 2025 г.

Главным трендом остается возвращение и «освоение заново» силового фактора в разрешении противоречий. Ранее нами отмечалось, что «кризисное состояние миропорядка подталкивает к выходу за пределы допустимого поведения с целью обеспечить национальную безопасность во все менее безопасном международном окружении. И пока будет сохраняться подобная институциональная слабость глобальной и региональных систем безопасности, количество и размах конфликтов скорее продолжат нарастать. Прежде замороженные конфликты могут получить импульс к “разморозке” и переводу в горячую фазу, в том числе вплоть до одностороннего силового решения»[18].

События 2025 г., в первую очередь 12-дневная воздушная кампания Израиля против Ирана, полностью подтверждают эти выводы. Еще одним деструктивным трендом, который виден на примере Израиля, становится гравитация силовых сценариев: единожды начав разрешение конфликтов силовым путем, инициатору очень сложно свернуть с этой дороги до достижения реально ощутимых результатов. В противном случае результатом становится лишь разогрев конфликтов и резкое ухудшение отношений с соседями.

Однако подобная угроза становится лишь слабой страховкой. Ренессанс силовой политики в условиях углубляющейся институциональной недостаточности глобального регулирования подстегивается ощущением краткосрочности периода, в котором подобное поведение будет считаться хотя бы минимально допустимым. С какого-то момента, по мере оформления несущих оснований будущего миропорядка, набор «разрешенных» методов сократится для снижения эскалационных рисков. Поэтому в данный момент ситуация может восприниматься рядом держав как наличие «окна возможностей», в пределах которого можно решить застарелый конфликт силовым путем, чтобы потом зафиксировать достигнутый *fait accompli* в контурах будущего миропорядка.

Размонтирование институциональных основ миропорядка сопровождается нарастающим использованием приемов и методов, еще не так давно выглядевших архаичными и даже недопустимыми «в приличных домах». Будет наблюдаться своего рода деградация международно-политической системы, сопровождаемая нормализацией поведенческих паттернов, ранее непригодных либо недопустимых. Характер первых действий администрации Д. Трампа выдает именно этот тренд. Тесное переплетение геополитических интересов США с цинично-расчетливым обеспечением интересов американского бизнеса, открыто продвигаемое на самом высшем уровне, отчетливо прослеживается и в глобальных

[18] Россия и мир: 2025. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз // Под ред. Г.И. Мачавариани, И.Я. Кобринской. – М.: ИМЭМО РАН, 2024. С. 32.

тарифных войнах, и в американо-китайских отношениях, и в политике администрации Трампа на украинском треке[19].

Эта тенденция парадоксальным образом монтируется с сущностью внешнеполитического курса великих держав в области безопасности. Умение «переступить через норму», вернув в мировую политику фактор силы и цинично-денежный расчет, подразумевает в первую очередь точно выстроенную систему национальных приоритетов, ради которых такие рискованные шаги и предпринимаются. В итоге подобная «новая нормальность», размораживая силовое измерение одних конфликтов, одновременно способна выступить и урегулирующим началом в других. Развитие ситуации вокруг украинского конфликта – как его возможная эскалация, так и потенциальный трек урегулирования – будет определяться в том числе и этими соображениями.

Описанная динамика, до момента свертывания «окон возможностей» и начала оформления более-менее стабильной системы мироустройства, крайне негативно скажется на наиболее развитых формах стабилизирующих договоренностей, в первую очередь на соглашениях о контроле над вооружениями. Истечение в феврале 2026 г. срока действия Пражского договора СНВ маркирует собой переход ситуации в новую реальность, где, по сути, сверхдержавы в области контроля над ядерными вооружениями более не будут связаны ничем, кроме Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и группы вторичных соглашений, унаследованных со времен холодной войны.

Договор 1996 г. о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), так и не вступивший в законную силу, но 30 лет по факту исполнявшийся участниками, к началу 2026 г. перешел в турбулентную фазу, которая легко может закончиться с началом ядерных испытаний в США. Последствиями может стать каскадная реакция таких испытаний, в том числе в «неофициальных» (по условиям ДНЯО) ядерных державах, попытки некоторых пороговых государств обрести собственное ядерное оружие (в логике повышения безопасности) и, как результат, новая гонка ядерных вооружений – на сей раз многополярная. Заметим, что в этом сценарии прекрасно сработает та же деструктивная логика «окна возможности», вызванная к жизни поведением сверхдержав: ситуацией поспешат воспользоваться многие из тех, кто хоть как-то связывает свою безопасность с ядерным фактором.

Застарелый кризис системы ядерного нераспространения в 2026 г. может получить новый толчок для скатывания под горку. Итог очередной Обзорной конференции ДНЯО, которая пройдет в апреле–мае 2026 г., на данном этапе слабо предсказуем, но на результат однозначно продолжат действовать негативные тренды, связанные с противоречиями сторон в украинском кризисе, а также новые факторы, сформированные откровенной попыткой Израиля осуществить против Ирана «операцию силового ядерного контрраспространения» в июне 2025 г. Без крупных сдвигов на украинском треке и общего улучшения ситуации в

[19] Типичнейшими примерами можно считать перестройку схемы оказания военной помощи Украине, которая ныне сведена к закупкам американского оружия за европейские деньги, а также продолжающееся выдавливание российских энергоносителей с европейских рынков в контексте замещения их поставками из США. Элементы прямолинейной бизнес-логики видны и в набросках к ноябрьскому плану урегулирования украинского кризиса («28 пунктов»).

области контроля над ядерными вооружениями фон для проведения конференции следует охарактеризовать как умеренно негативный с тенденцией к дальнейшему ухудшению.

Возможность достижения *отдельных договоренностей* между крупными игроками по линии контроля над вооружениями, при всей полезности этого процесса, как и любого стратегического диалога, не следует путать с *формированием системы мер* снижения рисков военных конфликтов, каковую задачу и решает последовательное применение принципов этого контроля. Нынешний кризис контроля над вооружениями, как мы отмечали ранее, в числе прочего связан с тем, что его развитая архитектура относится к «атрибутам устоявшихся систем международных отношений»[20].

Однако меры по контролю над вооружениями имеют хоть и важное, но не универсальное самостоятельное значение. Контроль над вооружениями как инструмент повышения управляемости и прогнозируемости военных рисков действует лишь в определенном диапазоне напряженности международных отношений. При высоком уровне противоречий и тотальном распаде доверия между игроками потенциал системы контроля над вооружениями как главного драйвера стабилизации ситуации невелик. Примером может служить судьба упомянутого Пражского договора СНВ, представляющего собой «золотой стандарт» обеспечения стратегической стабильности, который, однако, не предотвратил сползание российско-западных отношений в фазу острого военно-политического противостояния.

Можно спрогнозировать, что процесс переформатирования мироустройства примет устойчивый характер только при гармонизированном сочетании международно-политической разрядки отношений между ведущими мировыми державами, с одной стороны, и активного развития мер поддержания стратегической стабильности, соглашений о контроле над вооружениями и снижении военных рисков, с другой. В отсутствие любого из двух компонентов процесс будет хаотизироваться привходящими возмущениями международной среды.

[20] Россия и мир: 2025. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз // Под ред. Г.И. Мачавариани, И.Я. Кобринской. – М.: ИМЭМО РАН, 2024. С. 32.

ЧАСТЬ II

ЭКОНОМИКА

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: ВОЗМОЖНОСТИ РОСТА

В 2025 г. российская экономика продемонстрировала радикальное замедление темпов роста. Если по итогам 2023 г. и 2024 г. ВВП Российской Федерации увеличился на 4,1% и 4,3% соответственно, обогнав темпы роста глобального ВВП, то ситуация в 2025 г. обстояла значительно хуже. Поквартальные темпы роста ВВП страны последовательно снижались (с 1,4% в I квартале до 0,6% в III квартале). Данное замедление затронуло почти все основные сферы хозяйственной динамики. В январе–сентябре 2025 г. индекс выпуска по базовым видам экономической деятельности сократился до 0,9% по сравнению с 5,4% в предыдущем году, индекс промышленного производства – до 0,7% по сравнению с 5,1%, рост оборота розничной торговли – до 2,1% по сравнению с 8,6%. Грузооборот транспорта снизился на 0,8% по сравнению с ростом на 0,4% годом ранее. Инвестиции в основной капитал в первом полугодии 2025 г. выросли всего на 4,3% по сравнению с 11,2% за соответствующий период 2024 г. Ключевой вызов, с которым столкнулась экономика России, был связан с противоречием между ростом внутреннего спроса на товары и услуги, с одной стороны, и возможностями наращивания их внутреннего производства, с другой стороны. Протекавшие в течение 2025 г. дискуссии по этим вопросам экономической политики, к сожалению, не нашли своего позитивного разрешения. Две ключевые позиции в данном контексте заключались в следующем.

Первая позиция, проводником которой выступал Центральный банк России (ЦБР), заключалась в том, что «чрезмерное» расширение внутреннего спроса обусловило «перегрев» российской экономики. В соответствии с данной линией рассуждений основная задача макроэкономической политики страны должна была заключаться в том, чтобы сократить «избыточный» спрос в национальной экономике и обеспечить ее «охлаждение» до показателей спроса, совместимых с целевыми показателями потребительской инфляции в стране (4% в год в соответствии с приоритетами, зафиксированными в документах ЦБР). Альтернативная позиция заключалась в том, что главный вызов для экономического развития России был связан не с «избыточным» спросом, а с неадекватностью производственных возможностей применительно к задаче удовлетворения потребностей национальных потребителей в условиях ограничения доступа к источникам импортных товаров и услуг. В соответствии с первой позицией ключевую роль в достижении макроэкономических приоритетов должны были играть меры по сдерживанию роста внутреннего спроса, связанные в первую очередь с политикой повышения ключевой процентной ставки ЦБР. В соответствии со второй позицией, разделяемой большинством академических и экспертных структур, а также бизнес-ассоциаций, включая Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), основными препятствиями для экономического развития страны начиная со II квартала 2024 г. стали ограничения со стороны предложения, преодоление которых могло бы обеспечить расширение выпуска товаров и услуг в соответствии с возросшим внутренним спросом и, как следствие, подавление инфляционных тенденций без необходимости искусственного сокращения внутреннего спроса. По факту в 2025 г. был реализован первый сценарий, последствия которого будут формировать отправные условия экономической политики в перспективе ближайших 1–3 лет.

С одной стороны, политика ограничения роста внутреннего спроса (реализуемая главным образом в плане манипулирования ключевой процентной ставкой Центрального банка России) проявила себя крайне неубедительно. Несмотря на то что в период с ноября 2024 г. по май 2025 г. ее значение удерживалось на беспрецедентно высоком за десятилетие уровне 21% (с последовательным снижением до 16,5% в октябре 2025 г.), показатели потребительской инфляции продолжили расти (до 9,4% в январе–сентябре 2025 г. по сравнению с 8,3% в аналогичном периоде прошлого года), в то время как отраслевая динамика промышленного производства приобрела резко негативную направленность. В январе–сентябре 2025 г. физический объем производства в отраслях обрабатывающей промышленности увеличился лишь на 2,9% по сравнению с 8,9% за соответствующий период 2024 г., причем снижение темпов роста наблюдалось по большинству отраслей сектора, за исключением табачных и текстильных изделий (рост на 3,4% и 0,3% соответственно), лекарственных средств и материалов (рост на 15,4%), готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования (15,3%), а также компьютеров, электронных и оптических изделий (14,4%). Как и прогнозировалось экспертами ИМЭМО РАН годом ранее, наибольший ущерб от политики сдерживания внутреннего спроса претерпели отрасли, ориентированные на удовлетворение спроса на товары длительного пользования – в частности, производство автотранспортных средств (спад на 19,9%) и мебели (спад на 8,2%).

В данном контексте ключевой проблемой экономической политики Российской Федерации следует признать критический разрыв между целевой функцией Центрального банка России, ответственного за выполнение искусственно сформулированной в 2014 г. и с тех пор не пересматривавшейся цели достижения уровня 4% потребительской инфляции, с одной стороны, и реальными потребностями национальной экономики в проведении эффективной макроэкономической политики, направленной на поддержание экономического роста, с другой. Помимо этого, существенное давление на состояние экономики России оказывают вводимые вопреки международно признанным правовым процедурам (предусматривающим принятие соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН) экономических санкций отдельных стран и объединений против Российской Федерации. Начиная с июля 2025 г. на динамику российского экспорта стали негативно влиять атаки на нефтеперерабатывающие и нефтеэкспортирующие мощности Российской Федерации. Несмотря на действие этих факторов, российская экономика до сих пор обладает позитивным потенциалом экономического роста в пределах 2,5–3,5% при условии отказа от не соответствующей реальным обстоятельствам политики сдерживания («охлаждения») спроса в пользу устранения ограничений экономического роста со стороны предложения, что позволило бы продолжить позитивную динамику развития экономики страны в среднесрочной перспективе. Для реализации данного сценария, однако, требуется кардинальное переосмысление экономической политики страны с отказом от мифологии «перегрева национальной экономики» в пользу поиска конструктивных вариантов повышения предложения товаров и услуг в условиях возросшего спроса. В случае нахождения соответствующих решений темпы роста российской экономики в 2026 г. могут составить не менее 2,5%.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ПРОДОЛЖЕНИЕ РОСТА

Развитие мировой экономики в 2026 г. будет определяться такими факторами, как переход к информационно-коммуникационным технологиям, использованию искусственного интеллекта, развитию зеленой экономики, реализации климатической повестки. Наряду с геополитическими кризисами негативное воздействие на мировую экономику будут оказывать осложнения международной торговли. Действие торгового соглашения между США и Китаем, достигнутого осенью 2025 г., рассчитано на один год, и в 2026 г. предстоят новые сложные переговоры. Соответственно, в течение всего года будет сохраняться хрупкое равновесие, которое может быть нарушено в любой момент.

Мировая экономика до пандемии 2020 г. развивалась высокими темпами. В первое десятилетие – 2001–2010 гг. – среднегодовые темпы прироста составили 3,7%, во втором десятилетии до пандемии – 3,5%. В последующие годы рост замедлился под воздействием таких факторов, как инфляция, сокращение международной торговли товарами и услугами. По оценке МВФ, в 2026 г. мировая экономика возрастет на 3,1%. По нашей оценке, темпы прироста окажутся выше – 3,2%.

Таблица 6. Темпы прироста ВВП, %

	Оценка МВФ		Оценка ИМЭМО	
	2025	2026	2025	2026
Мир	3,2	3,1	3,3	3,2
Развитые страны	1,6	1,6	1,8	1,8
США	2,0	2,1	2,1	2,2
Япония	1,1	0,6	1,0	1,0
Великобритания	1,3	1,3	1,3	0,9
ЕС	1,4	1,4	1,4	1,3
Зона евро	1,2	1,1	1,3	1,1
Германия	0,2	0,9	0,2	0,8
Франция	0,7	0,9	0,7	0,9
Италия	0,5	0,8	0,5	0,7
Развивающиеся и страны с формирующимся рынком	4,2	4,0	4,3	4,1
Китай	4,8	4,2	5,0	4,5
Индия	6,6	6,2	7,0	7,0
Бразилия	2,4	1,9	3,0	3,1
Россия	0,6	1,0	1,2	1,5

Источник: IMF WEO Database, ИМЭМО РАН.

Уровень потребительских цен в развитых странах в течение двух десятилетий не превышал 2%, в развивающихся и странах с формирующимися рынками держался на уровне 5%. По мировой экономике в целом уровень инфляции был близок к 3,5%. Пик инфляции – 8,7%, – вызванный пандемией, был пройден в 2022 г. Принятые меры оказались успешными и

привели к снижению потребительских цен в 2025 г. до 4,2% в целом по мировой экономике. В развитых странах в 2025 г. уровень инфляции составил 2,5%, в развивающихся и странах с формирующимся рынком – 5,3%. По имеющимся прогнозам, в 2026 г. в целом по миру инфляция снизится до 3,4%, при этом развитые страны выйдут на целевой уровень инфляции в 2%, а в развивающихся и странах с формирующимся рынком инфляция снизится до 4,2%.

К числу негативных факторов, замедляющих развитие, относятся растущие дефициты бюджетов и государственные долги. Эти проблемы наиболее остро стоят в США и большинстве стран Европы. Долгосрочный стабильный экономический рост является основой для решения этих проблем. В 2026 г. требуется повышение налогов, оптимизация или снижение расходов, что, как правило, ведет к недовольству населения и росту социальной напряженности.

Важнейшим фактором роста производительности труда и развития экономики является развитие науки, расходы на которую постоянно растут. По данным ОЭСР, расходы на НИОКР в 2023 г. превысили 2,7% мирового ВВП и достигли 2,9 трлн долл., что по паритетам покупательной способности составляет более 5 трлн долл. В 2023 г. 12 стран расходовали на НИОКР три и более процентов ВВП, среди них Израиль – 6,35%; Южная Корея – 4,96%; Тайвань – 3,98%; Швеция – 3,60%; США – 3,45%; Япония – 3,44%. Быстро увеличиваются расходы на науку в Китае, которые в 2023 г. достигли 2,58% ВВП. Самые большие расходы на науку в 2023 г. в стоимостном выражении были в США – 955 млрд долл. В Китае эти расходы превысили 470 млрд долл., в ЕС совокупные расходы на НИОКР составили почти 400 млрд долл. В 2026 г. рост расходов на НИОКР продолжится.

Экономика США в 2026 г. будет развиваться примерно теми же темпами, что и в 2025 г. – 2,1% по прогнозу МВФ и 2,2% по нашему прогнозу. В 2001–2010 гг. среднегодовые темпы прироста экономики США составляли 1,8%, в 2011–2019 гг. – 2,4%, то есть экономический рост в предстоящие годы может практически вернуться к допандемийным значениям. Большие риски развития американской экономики кроются в торговых отношениях США с КНР, так как соглашение по тарифам достигнуто всего на год, и сохраняется неопределенность в его реализации. Дело в том, что в результате соглашения остается асимметрия в размере импортных тарифов, так как США снизили средний уровень тарифов для китайских товаров всего на 10 п.п. с 57 до 47% их стоимости. Также сохраняются ограничения на экспорт в Китай высокотехнологичной продукции США и их союзников.

Инфляция к сентябрю 2025 г. существенно сократилась до 3,0%, что тем не менее превышает целевой уровень в 2%, и в 2026 г. продолжит свое снижение. Рынок труда будет находиться под напряжением вследствие действий нынешней администрации, ужесточившей условия иммиграции, однако безработица вряд ли намного превысит уровень 4,4% (сентябрь 2025 г.). Продолжится рост производительности труда – в 2024 г. прирост составил 2,8%, в 2025 г. и 2026 г., по нашей оценке, производительность будет расти темпами 2,5–3,0%. В 2026 г. продолжится рост доходов домашних хозяйств, создание новых рабочих мест будет превышать число желающих получить работу. Количество имеющихся вакантных рабочих мест превышает 6,3 млн (сентябрь 2025 г.).

Экономика стран Европейского союза возрастет в 2026 г., по нашему прогнозу, на 1,3%, что едва ли предоставит возможности решения тех многочисленных проблем, которые стоят перед странами ЕС. В первую очередь это дефициты бюджетов и вообще проблема их согласования на 2026 г., государственный долг, рост оборонных расходов, иммиграционные проблемы. Не говоря уже о проблемах энергетики, развитии зеленой экономики, реализации климатической повестки.

Экономика Китая столкнулась с серьезными проблемами, связанными с недостаточным внутренним спросом, кризисом на рынке недвижимости, оттоком иностранных инвестиций, ограничениями во внешней торговле с США и ЕС. После очень высоких темпов роста в первом десятилетии, 2001–2010 гг., до 10,6% экономический рост Китая во втором десятилетии, 2011–2020 гг., замедлился до 6,8%. В 2026 г. прирост ВВП Китая, по нашему прогнозу, снизится до 4,5% после пятипроцентного роста в 2025 г.

Мировая торговля товарами и услугами, ее скорость и масштабы, по нашей оценке, будут по-прежнему в долгосрочной перспективе превышать темпы прироста мировой экономики. В отдельные годы их темпы роста могут совпадать. Но долгосрочный тренд глобализации будет превышать темпы развития мировой экономики в 1,1–1,2 раза.

Мировая торговля. В 2026 г. мировая торговля будет развиваться в условиях продолжения торгово-политического противостояния, сохранения геополитической напряженности и вероятного замедления роста мировой экономики.

Во второй половине 2025 г. масштаб потрясений, которые мировая торговля испытывала под влиянием шагов американской администрации, несколько уменьшился. После серий переговоров тарифы были, во всяком случае, на время зафиксированы, хотя и на весьма высоком уровне. Некоторую надежду на улучшение ситуации дают договоренности о взаимных уступках, достигнутые между США и КНР в октябре 2025 г. Важно, что за ними последовали реальные шаги по уменьшению уровня тарифной защиты и частичной отмене ранее введенных экспортных ограничений.

В то же время весь предыдущий опыт заставляет сомневаться в твердости намерений сторон следовать озвученным обещаниям и продолжить курс на нормализацию двусторонних торговых связей. Сохраняется главная причина обострения ситуации в мировой торговле, заключающаяся в попытках главным образом США и в меньшей степени ЕС противодействовать экономическому наступлению Китая. Каждый из этих трех центров стремится вовлечь в орбиту своего влияния возможно большее число стран. Вместе с усилением роли геополитического фактора, ориентирующего на развитие торговых связей с политически близкими странами, это создает предпосылки для фрагментации мирового рынка.

Структура международной торговли будет испытывать влияние политики импортозамещения, проводимой ее ведущими участниками. Следуя целям реиндустриализации и уменьшения зависимости от ввоза стратегически важных материалов и компонентов, США и ЕС ограничивают импорт и стимулируют собственное производство. В КНР также повышенное внимание уделяется расширению внутреннего рынка и

укреплению научно-технического и промышленного потенциала. При этом США, обеспокоенные усилением Китая, по всей вероятности, сохранят ограничения на поставки высокотехнологичной продукции в КНР. Эти факторы будут тормозить развитие международной торговли, прежде всего между США и КНР. Более мягкая, по сравнению с Вашингтоном, торговая политика в отношении Китая, которую проводит Брюссель, позволяет относительно оптимистично смотреть на перспективы развития торговли между ЕС и КНР. Как и в предыдущие годы, доля развитых стран в мировой торговле уменьшится, а доля развивающихся стран, соответственно, увеличится.

Тарифные войны 2025 г. принесли значительные убытки и вызвали существенный рост издержек, связанных с необходимостью поиска новых торговых партнеров и рынков сбыта, переключения на другие источники сырья и комплектующих изделий. Такая трансформация не только влечет за собой дополнительные расходы, но и требует времени. В большинстве случаев новые связи оказываются менее эффективными, что неизбежно отражается на стоимости продукции. Предприятия постепенно приспосабливаются к изменившимся условиям, но трудно рассчитывать на то, что им удастся вернуться к прежним показателям производительности. Отсюда – вероятная перспектива замедления роста международной торговли, повышения трансакционных издержек и цен на поставляемые товары. Перспектива отката к прежнему уровню тарифов представляется маловероятной. Возможное улучшение в 2026 г. будет заключаться в уменьшении накала торговых конфликтов и стабилизации на достигнутом уровне протекционизма, что само по себе окажет благоприятное воздействие на международный бизнес, условия работы которого приобретут более предсказуемый характер.

Факторы, сдерживающие развитие двусторонней торговли между лидерами, будут одновременно способствовать ее росту на других направлениях. Столкнувшись с сокращением своих продаж на американском рынке, торговые партнеры США будут искать новые рынки и налаживать двусторонние торговые связи. Для КНР наиболее очевидной альтернативой американскому рынку служат рынки стран Азии, емкость которых быстро увеличивается, а технологический уровень повышается. Расширение торговли между странами одного региона можно будет наблюдать и в других частях мира. Таким образом, протекционистская политика США создает еще одну предпосылку для экономической фрагментации.

Рост международного товарооборота в 2026 г. будет связан главным образом с увеличением торговли высокотехнологичной продукцией. Лидирующее положение здесь занимают информационные технологии, а также некоторые виды энергетического оборудования. Как и в 2025 г., развитие технологий искусственного интеллекта будет генерировать спрос на компоненты и материалы, необходимые для их разработки и использования. В худшем положении оказываются рынки минерального сырья и черных металлов, потребности в которых могут сократиться в случае реализации кризисного сценария развития мировой экономики.

По сравнению с торговлей товарами торговля услугами будет расти опережающими темпами. Наиболее благоприятные перспективы складываются на рынке цифровых услуг. Однако по сравнению с периодом до 2025 г. рост торговли услугами замедлится. Хотя потрясения в торговой политике затронули главным образом рынок товаров, они нашли отражение и на

рынке услуг, прежде всего тех, которые непосредственно сопровождают продажу товаров, например транспортных. Ухудшение общеэкономической ситуации, вызванное ростом протекционизма, также косвенным образом негативно повлияет на рост торговли услугами.

События первой половины 2025 г., когда хаотичные шаги Вашингтона дестабилизировали ситуацию в международной торговле, скажутся на ее развитии и в 2026 г. Перспектива повышения тарифов стимулировала увеличение импорта товаров в США. В норме эти сделки, которые называют опережающими закупками или закупками впрок, были бы осуществлены в 2026 г. Однако они уже состоялись, дав ощутимую прибавку к обороту мировой торговли в 2025 г. и уменьшив размеры его вероятного роста в 2026 г. Если в 2025 г. прирост оборота мировой торговли, по предварительной оценке, составил 3,5%, то в 2026 г. данный показатель уменьшится до 2,5%.

МИРОВАЯ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА

Нынешний год примечателен появлением «черного лебедя», проявившегося в виде тарифной войны президента Трампа против всего мира. При этом геополитическая напряженность, связанная с конфликтом в Газе, несколько ослабла к концу года. Однако напряженность, связанная с Украиной, не только не снизилась, но и отчасти вовлекает третьи страны, поскольку против них США вводили повышенные тарифы за торговлю с Россией. Поэтому, как представляется, в 2026 г. на мировую валютно-финансовую систему будут влиять следующие факторы.

Во-первых, это прогнозируемое замедление темпов роста ВВП в крупнейших экономиках, включая и Китай. Во-вторых, ожидаемое в связи с этим возобновление процесса снижения ставок ведущими центробанками, поскольку прогноз по инфляции также предполагает ее дальнейшее снижение. В-третьих, это фактор президента Трампа, который весьма активно применяет повышенные таможенные пошлины против всех стран мира, чтобы добиться от них преференций, а также прекращения конфликтов на Украине и Ближнем Востоке. Нельзя исключать, что результаты, достигнутые на этих направлениях к концу нынешнего года, в следующем году покажутся Трампу недостаточными и он вновь предпримет какие-то резкие меры против Китая, Канады, России, Ирана, Венесуэлы, Нигерии или других стран, что может вызвать турбулентность на мировых финансовых рынках.

Валюты. Доллар США по-прежнему является доминирующей валютой в международном обращении, по масштабам своего использования значительно превосходящий любую другую. В уходящем году колебания курсов основных валют к доллару США не демонстрировали необычного поведения. В то же время была заметна их реакция на экстремальные тарифные меры, вводимые президентом США против всех стран мира. В связи с чем некоторые из них укреплялись. Так, единая европейская валюта постоянно укреплялась и ее курс вырос с 1,04 доллара за евро в начале года до 1,17 в ноябре. Британская валюта демонстрировала сходную динамику – за год укрепившись с 1,24 до 1,35 доллара за фунт. Японская йена в первой половине 2025 г. укреплялась с 156 до 144 йен за доллар, но затем стала постепенно ослабляться до 148 единиц за доллар.

Кроме того, дополнительное понижательное давление на доллар оказывали настойчивые попытки президента Трампа добиться от ФРС быстрого понижения ставки, вплоть до намерения уволить раньше срока нынешнего главу ФРС.

Собственно, от того, чем закончатся затеянные Трампом тарифная война против всего мира и попытки установить контроль над ФРС, будет зависеть в 2026 г. динамика курсов основных резервных валют. Достигнутые к текущему моменту результаты упомянутых действий создают впечатление, что ослабление доллара продолжится и в первой половине 2026 г., но затем возможны новые сюрпризы от Трампа. То есть, вероятно, евро будет колебаться к доллару в диапазоне 1,10–1,25 доллара, а фунт стерлингов – 1,30–1,40 доллара.

Новым фактором в валютной сфере в 2026 г. будет тема криптовалют. Благожелательное отношение к ней американской администрации вызвало уже в начале 2025 г. резкий рост на рынках цифровых активов. В дальнейшем, по мере прояснения истинных намерений президента США, эти рынки переживали резкие скачки вверх-вниз.

На данный момент из указов Трампа понятно следующее. В США запретили разработку ЦВЦБ (цифровая валюта центрального банка, англ. – CBDC), что устраняет появление серьезного конкурента криптовалютам. Однако США не будут покупать последние в государственный резерв, что исключает появление дополнительного существенного спроса на криптоактивы. При этом США будут всемерно содействовать развитию и распространению стейблкоинов, обеспеченных долларом. Успешная реализация последнего пункта дополнительно создаст долгосрочный и существенный спрос на долговые бумаги минфина США, что в свою очередь будет укреплять доминирующую роль доллара США в мировой валютной системе.

Что касается Японии, то приход к власти нового премьер-министра, выступающей в целом за смягчение денежно-кредитной политики, вероятно, приведет к продолжению ослабления японской валюты в 2026 г. до 150–160 йен за доллар.

На динамику курса китайского юаня в наибольшей степени будут влиять ход тарифной войны, начатой Трампом против этой страны, в которой Китай уже проявил твердость, отвечая практически симметричными мерами. Реагируя на такие обстоятельства, китайская валюта в основном укреплялась в течение 2025 г. – с 7,31 до 7,12 юаня за доллар. Поскольку американо-китайский торговый конфликт пока не завершился каким-либо внятным соглашением, наиболее вероятно, что в 2026 г. власти КНР не допустят ослабления юаня, чтобы не проиграть в этом конфликте. Соответственно, к другим валютам курс юаня будет симметрично отражать динамику их курсов к доллару США.

Валюты развивающихся стран дополнительно будут испытывать давление от последствий введения против этих стран тарифных мер со стороны США в рамках широкомасштабной кампании по принуждению их к торговым уступкам. Еще одним источником давления на валюты ряда стран являются дополнительные пошлины, которые США вводят в качестве наказания за торговлю этих стран с Россией. Как это, например, произошло с Индией, что способствовало постепенному ослаблению индийской валюты в течение 2025 г. с 86,27 до 88,32 рупии за доллар.

Таким образом, в следующем году угроз доминированию доллара не предвидится. Однако его доля в международном использовании, вероятно, продолжит долгосрочный тренд последнего десятилетия на медленное сокращение.

Инфляция. Во всех развитых странах, кроме Великобритании, индексы потребительских цен продолжали снижаться уже третий год подряд. Предполагается, что к концу 2025 г. глобальная инфляция за 12 месяцев составит 4,0%, против 4,9% на конец 2024 г., тогда как на конец 2022 г. этот показатель достигал 8,9%. При этом в развитых странах темпы инфляции в текущем году уменьшались не столь быстро как ожидалось в прошлогоднем прогнозе. Тогда на нынешний год прогнозировалось более медленное сокращение инфляции в развивающихся странах, чем это оказалось по факту. Однако ожидается, что в большинстве ведущих стран тенденция к снижению роста цен продолжится и в следующем году. Так, прогнозируемая инфляция на конец года в 2025 и 2026 гг. соответственно составит в развитых экономиках – 2,4 и 2,1% (США – 2,6 и 2,2%, Япония – 2,8 и 2,0, Германия – 1,7 и 1,9, Франция – 1,5 и 1,1, Великобритания – 3,4 и 2,0%). По развивающимся странам этот

показатель в среднем ожидается на уровне 5,1 и 4,4% (КНР – 0,5 и 0,8%, Индия – 3,3 и 4,4%, Бразилия – 3,3 и 3,0%, Мексика – 3,2 и 3,0%).

Заметим, что в 2023–2025 гг. практически нулевая инфляция в КНР, отражающая спад спроса в этой стране, была дополнительным фактором снижения глобальной инфляции. Однако нельзя исключать, что чрезмерное увлечение Трампа тарифными войнами, а также существенное нарастание санкций как против российской нефтегазовой отрасли, так и тарифное давление США на страны – покупатели российских энергоносителей может повлечь за собой перебои с поставками товаров, компонентов или сырья, а это в свою очередь может вернуть мировую инфляцию к росту. Так, хотя осенью 2025 г. напряженность на Ближнем Востоке в значительной степени снизилась, однако из-за упомянутых мер США, а также возможной подготовки ими военных операций против таких нефтедобывающих стран, как Венесуэла и Нигерия, мы пока не увидели существенного падения мировых цен на сырьевые товары, что, в свою очередь, пока затрудняет проявление ярко выраженных дефляционных тенденций в развитых странах.

Процентные ставки. В нынешнем году центральные банки практически всех ведущих стран мира продолжили снижение процентных ставок. Однако темпы этого процесса различались от страны к стране. При этом в США к макроэкономическим причинам, добавилась и субъективная – фактор президента Трампа. Последний не только оказывал давление на ФРС, но и предпринял шаги, чтобы изыскать какую-то возможность уволить нынешнего председателя ФРС раньше срока.

На фоне этих событий ФРС США начала снижение ставок только в сентябре 2025 г., понизив их за два месяца с 4,25–4,5 до 3,75–4,0%. Европейский ЦБ в первой половине 2025 г. понизил ставку с 3,15 до 2,15% и на последующих заседаниях сохранял ее без изменений. Предполагается, что тем самым ЕЦБ завершил цикл понижения ставок, начатый им в середине 2024 г. Банк Англии за первое полугодие сократил ставку с 4,75 до 4,0%, но в дальнейшем удерживал ее на этом уровне. Банк Японии, на протяжении многих лет сохранявший отрицательную ставку в –0,1%, в 2024 г. перешел к ее весьма умеренному повышению, доведя в январе 2025 г. до уровня в 0,5%. Затем, однако, стремление к увеличению исчезло и показатель до конца года сохранялся на достигнутом уровне. В текущем году Народный банк КНР произвел лишь однократное (в мае) снижение ставки с 3,1 до 3,0% по годовым кредитам, а по 5-летним – с 3,6 до 3,5%. Обе находятся на рекордных минимумах.

В 2026 г. центробанки ряда ведущих стран, вероятно, будут обеспокоены прогнозируемым замедлением темпов роста ВВП и как следствие будут предрасположены к снижению процентных ставок. Тогда как в других странах ожидается некоторое ускорение экономического роста, и, соответственно, центробанки этих государств, вероятно, сохранят текущие ставки. Например, в США ожидается небольшое ускорение роста ВВП до 2,1% против 2,0% в 2025 г., так же и в Германии и Франции – до 0,9% в обеих странах против 0,2 и 0,7% соответственно в 2025 г. Тогда как в еврозоне в целом в 2026 г. ожидается замедление с 1,2% до 1,1%. Также ожидается замедление в Китае – до 4,0% против 4,8% в нынешнем году, в Японии – 0,6% против 1,1%, в Индии – до 6,2% против 6,6%. В Великобритании прогнозируется сохранение нынешнего уровня роста в 1,3%.

Как представляется, динамика процентных ставок ведущих центробанков в 2026 г., возможно, будет разнонаправленной. Так, ФРС США, испытывающая сильнейшее давление президента Трампа, вероятно, продолжит снижение ставки до 3,25–3,5%. Тогда как ЕЦБ, скорее всего, будет сохранять ставку в 2,15% без изменений в течение следующего года. В Великобритании, возможно, ставка останется на нынешнем уровне или понизится до 3,75%. В Японии повышение ставки маловероятно, а если ставка ФРС в 2026 г. понизится, то даже символическое увеличение ставки Банком Японии представляется практически невероятным. В КНР, вероятно, ставка процента будет еще немного понижена до 2,9%.

Исходя из сказанного, в следующем году, вероятно, улучшатся условия кредитования во всех развитых странах по причине сопутствующего снижения процентов по ссудам. В развивающихся странах будет примерно та же картина, только при более высоком в 2–3 раза уровне ссудного процента.

Золото. В 2025 г. цена золота постоянно росла. Начав год с уровня в 2 660 долл. за унцию, уже в марте она перешагнула отметку в 3 000 долл. Однако самый резкий скачок наблюдался в III квартале, когда на пике цена достигала 4 381 долл., в начале ноября упала до 3 993 долл.

Хотя по объему мировые покупки золота за три квартала 2025 г. выросли лишь на 1% до 3 717 тонн, однако по стоимости это на 41% выше соответствующего показателя предыдущего года. Основной спрос был создан спекулятивными инвесторами (включая индексные фонды). За 12 месяцев к ноябрю 2025 г. они купили 1 909 т золота, что на 74% больше, чем за предыдущий период. При этом усилилось сокращение спроса на ювелирное золото, упавшее на 19% год к году, притом, что в предыдущем периоде также отмечалось сокращение в этом сегменте на 12%. При этом покупки золота мировыми центробанками за 12 месяцев к ноябрю 2025 г. выросли на 9% и превысили 998 т. Поскольку в предыдущем периоде центробанки сокращали покупки, то можно говорить о возвращении тенденции на увеличение золотых запасов у монетарных властей.

Основными причинами резкого роста цены золота явилась нервозность инвесторов по поводу последствий тарифных войн Трампа, а также усиление геополитической напряженности, нарастание антироссийских санкций, а также постоянное ослабление доллара США к валютам крупнейших экономик.

Как представляется на данный момент, все указанные факторы продолжат свое действие и в следующем году, возможно лишь с несколько меньшей силой. Поэтому, вероятно, в 2026 г. цена золота будет колебаться в диапазоне 3 600–3 800 долл. за унцию.

Государственные долги. В уходящем году большинство стран продолжали наращивать государственные заимствования. Ожидается, что в результате этого к концу 2025 г. совокупный госдолг всех стран мира достигнет 95% глобального ВВП, а в 2029 г. превысит 100%. Вероятно, это будет наивысшим уровнем госдолга в мире с 1948 г., при этом доля стран в мировой экономике, чей госдолг превысит 100% национального ВВП, будет расти, но их число – сокращаться. В первую очередь это относится к США и Китаю, у которых отношение госдолга к ВВП в последние пару лет росло заметно быстрее, чем в других крупных экономиках. При этом Германия в 2024 г. перешла от политики постепенного сокращения госдолга к его увеличению.

Ожидается, что к концу текущего года госдолг США вырастет с 122,3% ВВП до 125%, Китая – с 88,3 до 96%, стран еврозоны – с 87,2 до 88% (Франции – с 113,1 до 117%, Германии – с 63,5 до 65%), а Великобритании – с 101,2 до 103%. В Японии ожидается сокращения госдолга по отношению к ВВП с 236,1 до 229%.

Основные причины роста госдолга – это увеличение расходов на такие статьи, как оборона, прорывные технологии (особенно для достижения энергетической независимости), стимулирование экономического роста, здравоохранение, а также борьба с изменением климата. При этом по политическим мотивам правительства крупнейших стран воздерживаются от повышения налогов, чтобы профинансировать расширение упомянутых расходов. Хотя осенью 2025 г. в очередной раз возникла напряженная ситуация вокруг госбюджета США, вызвавшая приостановку его исполнения, тем не менее дефолт по госдолгу как в США, так и в других крупных экономиках крайне маловероятен. В основном потому, что эти страны имеют развитые и достаточно глубокие (для своего уровня долга) финансовые рынки.

Вопросы обычно вызывает ситуация в Японии, поскольку эта страна имеет очень высокий уровень госдолга, притом, что практически весь он выкуплен японским центробанком, который год назад перешел от отрицательной процентной ставки к ее умеренному повышению. В то же время хотя совокупный госдолг Японии, например в 2024 г., достигал 236,1% к ВВП страны, однако показатель чистого госдолга, т.е. за вычетом высоколиквидных активов японского государства, таких как инвалюта, облигации и др., составил в том же периоде только 133,9% ВВП.

В 2026 г. прогнозируется рост отношения госдолг/ВВП у США до 128–130%, Франции – 119–120%, Великобритании – 104–105%, а в Германии до 67–68%. Япония, вероятно, продолжит сокращение госдолга до 225–226% к ВВП. В развивающихся экономиках в целом ожидается рост госдолга до 75–76%, в том числе в Китае до 102–105%, а в Индии, возможно, продолжится тренд на снижение госдолга до 80–81%.

Рынки акций. В текущем году рынки находились под влиянием в основном фактора Трампа, резко вводившего рекордные торговые пошлины практически против всех основных торговых партнеров своей страны. Это периодически приводило к сильной реакции рынков, сопровождавшейся существенным падением фондовых индексов, как у торговых партнеров, так и в самих США. Тем не менее по итогам 2025 г. основные индексы акций выросли, достигнув новых рекордных высот. Так, DJIA вырос с начала года к 1 ноября с уровня 42 392 до 47 522, NASDAQ – с 19 281 до 23 724, а S&P500 – с 5 863 до 6 834.

Ожидания на 2026 г. смешанные – с одной стороны, Трамп добился существенных преференций практически от всех торговых партнеров и как результат этого рекордные торговые пошлины были снижены до небольших уровней. Кроме того, достигнутые соглашения предусматривают, что крупнейшие торговые партнеры инвестируют в США или закупят у них товаров на гигантские суммы на уровне полтриллиона долл. каждый. Поэтому динамика рынка акций в начале 2026 г., вероятно, продемонстрирует рост на волне оптимистических ожиданий.

Однако, поскольку обязательства по многомиллиардным суммам сформулированы не вполне конкретно, существует риск, что в следующем году Трамп может посчитать, что торговые партнеры не выполняют взятые обязательства, и начнет новый раунд тарифной воны, что снова приведет к потрясениям на фондовых рынках.

Прямые иностранные инвестиции. Согласно ЮНКТАД (январь 2025 г.), по итогам 2024 г. рост потоков прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в мире достиг 11%. (В качестве показателя этих потоков в аналитических документах ЮНКТАД используется приток ПИИ.)

Таблица 7. Объем потоков прямых иностранных инвестиций в мире (трлн долл.)*

2015	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2026
2,2	1,7	0,9	1,7	1,4	1,5	1,5	1,5	1,5

* приток ПИИ в мире за соответствующие годы.
Источники: UNCTAD World Investment Report; UNCTAD Global Investment Trends Monitor, N№48-49; UNCTAD FDI database.

Однако, по более поздним данным ЮНКТАД (июнь 2025 г.), рост потоков ПИИ в мире в 2024 г. составил всего 4%, достигнув 1,5 трлн долл. (включая потоки с использованием стран-посредников). Основные получатели: США, Сингапур, КНР, Люксембург, Канада, Бразилия (приток в КНР и Бразилию существенно снизился). Ведущие экспортеры: США, Япония, КНР, Люксембург, Канада.

Более того, ЮНКТАД в июне 2025 г. уточнила, что с исключением потоков через страны-посредники в 2024 г. произошел не рост, а существенное падение ПИИ в мире – на 11%, в развитых странах – на 22%, при росте в Северной Америке – на 25% и близком к нулю – в развивающихся странах.

С исключением подобного двойного счета в первой половине 2025 г. межстрановые потоки ПИИ в мире снизились на 3%, причем в Европе их падение достигло 25% по сравнению с первым полугодием 2024 г. Вместе с тем европейские страны часто являются своего рода перевалочным пунктом для ПИИ, направляющихся в другие страны.

Таблица 8. Объем потоков прямых иностранных инвестиций в мире, % от ВВП

2015	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2026
2,9	1,9	1,0	1,7	1,4	1,4	1,4	1,3	1,2

Рассчитано по данным UNCTAD, IMF WEO Database.

Хотя умеренно оптимистичные оценки и прогнозы на основе некоторых показателей могут на первый взгляд казаться оправданными, следует учитывать, что данные международных организаций (на основе национальной статистики) не отражают в полной мере негативных процессов в сфере ПИИ. Поэтому эксперты международных организаций, в том числе ЮНКТАД, все чаще заявляют о снижении потоков ПИИ, несмотря на некоторые формальные показатели их роста (см. выше).

Дело в том, что сегодня межстрановые потоки капитала приобретают все более замаскированную форму, в частности, из-за стремления инвесторов обойти растущие протекционистские барьеры, санкции, антисанкции и другие препятствия, тормозящие развитие международных экономических связей. Истинные источники и направления ПИИ нередко скрываются, причем не только в силу поведения инвесторов, т.к. этой ситуации прямо или косвенно способствуют действия властей принимающих или экспортирующих стран.

К тому же статистические показатели по международным финансовым потокам часто пересматриваются и уточняются экспертами.

В мире по-прежнему наблюдаются существенная конфликтность на геополитическом и региональном уровнях, повышенная волатильность на финансовых и других рынках, высокая неопределенность при принятии инвестиционных решений и иные факторы, тормозившие потоки ПИИ в последние годы. Также негативное влияние может оказать повышение тарифов в США. Эти тарифные меры способны отрицательно повлиять на международную торговлю и развитие глобальных цепочек создания стоимости, мировую экономику в целом. Тарифные меры США способны еще больше усилить отход от глобальных цепочек создания стоимости в направлении региональных или даже национальных цепочек.

С учетом этого более обоснованными представляются осторожные оценки и прогнозы потоков ПИИ в мире в 2026 г., несмотря на некоторые позитивные факторы в сфере ПИИ, обусловленные как улучшением условий кредитования вследствие перехода многих центробанков к снижению процентных ставок, так и структурными изменениями в мировой экономике.

Движущими силами роста ПИИ, в частности, могут выступать сектор полупроводников, развитие информационных технологий, а также все более привлекающий к себе внимание бизнеса и регуляторов сектор технологий с использованием искусственного интеллекта (ИИ). Однако в целом, с учетом отмечаемых негативных факторов, представляются предпочтительными осторожные оценки и прогнозные ориентиры по потокам ПИИ в мире в 2026 г., т.е., скорее всего, следует ожидать объемов ПИИ примерно в том же объеме, что и в предыдущие два года. При этом процентное отношение потоков ПИИ к ВВП может оказаться даже меньше, чем в 2023–2024 гг. и более чем в два раза ниже, чем в 2015 г.

Концентрации рисков – 2026. Два источника неопределенности. Во-первых, ситуация вокруг Украины может завершиться урегулированием, что приведет к резкому росту всех мировых финансовых рынков, а также падению цен на золото и нефть. Однако, чтобы добиться этого на выгодных для Украины условиях, западные страны могут снова пойти на серьезное ужесточение санкций как непосредственно против России, так и против третьих стран, торгующих с нашей страной. В таком случае рынки накроет волна стагнации, а цены на золото и, возможно, нефть пойдут в рост.

Вторым источником является президент Трамп, чье сильное желание добиться торговых преференций от всех стран, может вызвать новый виток тарифной войны и как следствие окажет угнетающее воздействие на мировую валютно-финансовую систему.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР: МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ

Последствия изменения климата в совокупности с глобальными технологическими, геополитическими и демографическими трансформациями будут занимать приоритетные позиции среди больших вызовов мировому устойчивому развитию. За последние два десятилетия экологические риски в целом – от расширяющихся масштабов природных бедствий до загрязнения окружающей среды, консолидировали свой статус в международной повестке дня. Они продолжают оставаться одним из постоянных источников для серьезного беспокойства мирового сообщества относительно его уязвимости перед глобальными рисками и требуют срочной имплементации конкретных действий на различных уровнях. Переход от глобальных концептуальных дискуссий об их структуре, направлениях, динамике, различиях в подходах участников к решению проблем, к действиям по их практической реализации становится особенностью современного этапа. Характерной чертой этого процесса будет продолжающееся совершенствование системы взаимодействия государств и развитие международных природоохранных режимов, предусматривающих сочетание глобальных и региональных механизмов, основанных в свою очередь на консолидации национальных и локальных действий их участников для снижения опасных последствий экологических рисков и уязвимости общества.

Ранжирование мировых экологических вызовов свидетельствует, что последствия глобальных климатических изменений и реализация международной политики и мер по ограничению выбросов парниковых газов в сочетании с мерами по адаптации и снижению ущерба и потерь от климатических изменений и стихийных бедствий как в развитых, так и в развивающихся странах, по-прежнему будут оставаться среди главных приоритетов на ближайшую перспективу. Результаты проведенного анализа указывают на трансформационные изменения в системе дизайн-имплементация многосторонних режимов устойчивого развития. Одновременно они свидетельствуют о последних новациях во взаимодействии стран Глобального Севера и Глобального Юга в области мировой климатической повестки дня и имплементации положений международного режима по изменению климата в рамках Рамочной конвенции ООН по изменению климата (РКИК). К настоящему времени серьезно возросли роль развивающихся стран в многостороннем сотрудничестве и их влияние при принятии решений в рамках климатической дипломатии. Такая тенденция надолго сохранится.

Важным драйвером в этом процессе стало их давление с использованием подходов/принципов международной ответственности и компенсации за ущерб от последствий изменения климата. Недавний и достаточно неожиданный практический результат переговорного процесса в рамках РКИК – увеличение по крайней мере в три раза к 2035 г. ежегодной международной помощи наиболее уязвимым, наименее развитым и островным государствам для обеспечения их устойчивости перед климатическими рисками. Согласно международным оценкам, такие ресурсы необходимы для имплементации действий в первую очередь для снижения риска/ущерба от природных бедствий. Конечной и достаточно амбициозной целью является международная мобилизация ежегодного климатического финансирования в размере 1,3 трлн долл. Здесь четко вырисовывается двоякий мотив для резкого роста количественных параметров климатической помощи. Так, (а) цель создания национального потенциала развивающихся стран для снижения их

климатической уязвимости, сочетается с (б) задачей усиления их пока недостаточно активной вовлеченности в процесс имплементации норм многостороннего климатического режима и выполнения их национальных обязательств. При этом на ближайшую перспективу климатическая помощь Север-Юг будет представлять один из важных инструментов многостороннего сотрудничества в реализации основных целей мирового устойчивого развития.

За последние два года произошли серьезные изменения в многостороннем режиме климатической помощи Север-Юг. Они показывают не только на недавние количественные, но и на качественные изменения в ее структуре, направлениях, инструментах и участниках. Среди важных новелл: 1) потоки финансовой помощи все чаще комбинируются с передачей технологий, компетенций, данных для реализации конкретных климатических действий; 2) расширен круг климатических доноров, ранее ограниченный списком развитых стран из Приложения 2, РКИК: теперь в него включены участники по линии взаимодействия Юг-Юг; 3) диверсификация структуры помощи, с расширением ранее традиционной многосторонней официальной помощи развитию (ОДА) за счет других источников и видов помощи, включая частное финансирование, двухстороннюю помощь, углеродные рынки, зачет задолженности; 4) разработка норм для облегченного и ускоренного доступа реципиентов к многосторонней помощи по линии климатических фондов и банков развития, а также критериев соответствия получателей помощи; это становится особо важным в чрезвычайных ситуациях стихийных бедствий; 5) координация и институционализация системы многосторонней климатической помощи, включая расширение координирующей роли режима РКИК в этом процессе и создание в 2023 г. нового многостороннего Фонда по потерям и ущербу (Fund for Responding to Loss and Damage) со штаб-квартирой на Филиппинах. В Совет фонда входят 26 представителей развивающихся (14) и развитых (12) стран. По данным на начало 2025 г. общие заявленные взносы в его бюджет со стороны доноров составили около 741 млн долл., а в ближайшее время планируется приступить к реализации его пилотных проектов.

Совокупность этих новаций одновременно может способствовать достижению намеченных целей по мобилизации ежегодно возрастающих объемов ресурсов. Изменения в системе учета их источников, расширении базы и содержания помощи поможет облегчить исполнение заявленных обязательств доноров к 2035 г. Детальное обсуждение и институционализация всех этих нововведений были продолжены на очередной международной климатической конференции сторон КОП-30 в г. Белем, Бразилия, состоявшейся 10–21 ноября 2025 г. К этой сессии была разработана главная совместная инициатива – *Дорожная карта Баку-Белем* (*Baku-Belem Roadmap*). Ее цель – обобщить итоги основных решений двух последних годовых конференций относительно возможностей по достижению в перспективе конечной цели по ежегодной мобилизации климатических ресурсов в размере 1,3 трлн долл., основываясь на промежуточной задаче в 300 млрд долл., утвержденной в прошлом году на КОП-29 в Баку. Предполагается, что ее достижение будет реализовано за счет применения пакета вышеперечисленных инновационных подходов и инструментов учета климатической помощи. По предварительным данным, примерно половина целевых международных ресурсов может быть обеспечена путем мобилизации частных средств, а остальные – за счет двухстороннего льготного финансирования,

многосторонних банков развития и климатических фондов, углеродных рынков, зачета долговых обязательств и других финансовых продуктов.

Согласно экспертным оценкам, совместные договоренности сторон, зафиксированные на КОП-30, могут оказать влияние на мировую экономику и бизнес, поскольку ожидаются изменения в институциональных рамках и конфигурации взаимодействия участников в рамках международного климатического режима и мирового устойчивого развития. Структура проведения КОП-30 была основана на использовании нового подхода, так называемой схемы взаимосвязанных «четырех колец» (Four Circles Approach). Это позволило согласовать и учесть вклад политиков, министров финансов, экспертного сообщества и общественности в принятие финальных международных решений в рамках климатической дипломатии; параллельно с основными мероприятиями КОП-30 они обсуждали специальные вопросы относительно приоритетных путей решения проблемы.

В течение 2025 г. пристальное внимание мирового сообщества привлекали маневры американской администрации по институциональным реформам федеральной системы государственного управления в США, в том числе с увольнением более 300 тыс. служащих федеральных органов. В конце апреля 2025 в Госдепе США приступили к упразднению офиса по глобальным изменениям (Office of Global Change). Среди его функций было участие в международной климатической дипломатии и переговорном процессе, а также реализация соответствующей государственной исследовательской программы. В результате произошли серьезные изменения, связанные с участием США в международных климатических переговорах, многостороннем сотрудничестве, а также в предоставлении и структуре многосторонней помощи в области изменения климата; многие климатические проекты с участием США были приостановлены.

Среди особенностей участия США в многосторонних климатических переговорах – отсутствие американской делегации высшего уровня на КОП-30 в Бразилии и представительства в ней от федеральных ведомств. Однако в ее составе было около сотни представителей от региональных и местных властей, муниципалитетов и городов, неправительственных организаций. На сегодняшний день США пока не вышли из состава РКИК, сохранив в ней членство и право голоса, а также национальную ответственность за предоставление климатической отчетности и другие обязательства. Однако уже во второй раз Трампом был инициирован выход страны из Парижского соглашения по климату, который, как ожидается, на этот раз состоится с 27 января 2026 г. В данном случае специфика правовых процедур отличается от договорно-правовых норм выхода из самой конвенции, которые предусматривают в том числе одобрение со стороны двух третей голосов в Сенате.

Новый официальный подход администрации Трампа – более агрессивная по сравнению с его предыдущим президентским сроком климатическая политика и меры, построенные на его выборе особого акцента на возможных, но относительно немногочисленных преимуществах и выгодах от глобального изменения климата. Это вызвало серьезную критику как внутри страны, так и со стороны международного сообщества, поскольку основной фокус международного климатического режима – диверсификация и укрепление взаимодействия стран и отдельных групп стейкхолдеров в совместном достижении общих целей сохранения

глобального климата и снижения уязвимости мирового сообщества перед его негативными последствиями.

В последнее время в своей новой климатической политике США используют сочетание инструментов международного лоббирования, угроз и экономических санкций для того, чтобы воздействовать на усилия стран по глобальному снижению выбросов, а также на другие многосторонние экологические инициативы. Среди последних – недавние неудачи в формировании международных природоохранных режимов, в том числе многообещающего договора по пластику, из-за отказа американской стороны от согласования каких-либо ограничений на его производство. Отмечается и давление США на европейских партнеров против ряда ранее продвигаемых ими зеленых инициатив, включая ужесточение корпоративных норм по учету экологического фактора и прав человека в международных цепочках поставок. Недавно была поставлена на паузу разработка международного соглашения ИМО (Международная морская организация) по регулированию выбросов от судоходства в открытом море – в результате лоббирования и угроз со стороны США ввести ограничения для доступа зарубежных судов в американские порты, по выдаче виз и применении других санкций против несогласных.

Представители администрации Трампа в значительной степени опираются на популистские подходы, указывая, что их новая климатическая политика и меры ограничат расходы потребителей и ущерб для американской промышленности. Как недавно заявила спикер Белого дома Т. Роджерс: «Трамп не может поставить под угрозу нашу экономику и национальную безопасность ради выполнения неопределенных климатических целей, которые при этом разрушают другие страны. Не участвуя на высшем уровне в ежегодной КОП-30, он планирует при этом усилить влияние на траекторию глобальных климатических действий, включая попытки убедить другие страны не участвовать в бесполезном энергопереходе». В подобной риторике допускается серьезная ошибка, основанная на упорном игнорировании совершенно противоположных оценок и выводов мировой науки о результатах климатических изменений.

Возникший вакуум в сложившейся глобальной системе многостороннего климатического сотрудничества из-за особенности позиций американской администрации обусловил новые перспективы для действий других членов мирового сообщества. Отмечается консолидации лидерства со стороны ЕС и Китая в рамках глобальной климатической повестки дня, с особыми акцентами на международном взаимодействии по адаптационному управлению и низкоуглеродному переходу, включая возобновляемые источники энергии, углеродные рынки, снижение выбросов метана, а также в развитии мировой зеленой экономики. От этих стран в ближайшее время ожидается «заполнение пробела» в многостороннем сотрудничестве и представление их обновленных климатических целей на перспективу.

В 2025 г. завершился первый полный 10-летний цикл имплементации Парижского соглашения по климату: от государств-участников сейчас требуется предоставление обновленных национальных обязательств НДС (Nationally Determined Contributions) на следующий период, а также планов по применению инструментов по сокращению выбросов парниковых газов и адаптации к последствиям климатических изменений. До сих пор пока еще не все стороны представили необходимую информацию: по данным на середину ноября

2025 г. 108 государств направили новые НДС согласно стандартному формату международного регистра, в том числе детализацию национальной стратегии и климатической политики, инвестиций, систему регулирования, планируемые меры по снижению воздействия и адаптации; остальным еще предстоит завершение работы по стратегическому планированию и международной отчетности. Так, ЕС – один из главных мировых источников выбросов парниковых газов, накануне КОП-30 предоставил в секретариат РКИК свое обновленное НДС. В нем определена примерная цель сокращения к 2035 г. общих выбросов парниковых газов на 66,2–72,5% от их базового уровня 1990 г. с достижением углеродной нейтральности к 2050 г. Китай также обновил национальные климатические цели к 2035 г., предоставив свое НДС в начале ноября текущего года. К этому времени планируется достичь 7–10% снижения выбросов парниковых газов от их ожидаемого пикового уровня около 2030 г. (с достижением климатической нейтральности к 2060 г.), в том числе за счет увеличения доли ветровых, солнечных и неископаемых источников энергии.

Устойчивое финансирование 2025–2026. 2025 год стал пятым по счету годом, в котором эмиссия устойчивых облигаций составит сумму около 1 трлн долл. При этом, как и в прошлые годы, основная доля устойчивых облигаций приходится на «зеленые», которые даже показали небольшой рост в первой половине 2025 г. Определенная стагнация рынка устойчивых облигаций обусловлена сохраняющимися вызовами: геополитической напряженностью, нестабильностью мировой экономической ситуации, высокими процентными ставками, а также ужесточением регуляторных стандартов, прежде всего в отношении ESG-критериев (environmental, social, governance) и раскрытия информации. Тем не менее положительным является тот факт, что инвесторы сохраняют доверие и продолжают покупать «зеленые» и устойчивые облигации.

Среди позитивных факторов можно отметить приближение даты достижения «углеродной нейтральности» во многих европейских странах; развивающуюся тенденцию к снижению процентных ставок, что обычно способствует росту рынка облигаций; активное использование новых финансовых инструментов: «переходные» и «голубые» (blue) облигации, а также так называемый *leverage finance* – финансирование с использованием рычага, т.е. привлечение заемных средств для размещения в активы, которые потенциально принесут больше дохода, чем размер долга и проценты по нему.

По данным CBI (Climate Bonds Initiative) на конец первого полугодия 2025 г. накопленный с 2020 г. объем эмитированных устойчивых облигаций составил 6,2 трлн долл., в том числе «зеленых» 3,8 трлн долл. В структуре рынка сохраняются тенденции прошлого года. Преобладают «зеленые» облигации, которые помимо собственной стандартной категории, еще входят в состав устойчивых облигаций наряду с социальными. В «зеленом» отсеке основной валютой эмиссии продолжает оставаться евро – 51%, затем следует долл. США – 17%, а третьей валютой выступает китайский юань – 13%. Основными эмитентами в секторальном разрезе остаются предприятия с государственной поддержкой, финансовые и нефинансовые компании, доля каждого из которых колеблется вокруг 20%. Важной особенностью 2025 г. стал рост эмиссии со стороны банков развития, как многосторонних (МБР), так и национальных. Заметный скачок активности этих институтов на рынке устойчивых облигаций (их доля выросла до 21%) полностью вписывается в тенденцию

последних лет, когда на самых разных уровнях продвигаются идеи о необходимости увеличения капитала и финансовой активности многосторонних и национальных банков развития в условиях дефицита ресурсов из других источников. Среди лидеров – Европейский инвестиционный банк – эмиссия на сумму 19 млрд долл. в первой половине 2025 г. В конце 2024 г. вступил в силу Европейский стандарт «зеленых» облигаций, добровольный золотой стандарт, который эмитенты могут использовать в своих сделках. Уже в первой половине 2025 г. 9 европейских эмитентов, представляющих такие отрасли как коммунальные услуги, сделки с недвижимостью, энергетическая инфраструктура и др., соответствовали этому стандарту. Однако отношение к нему участников рынка, как и к другим жестким регуляторным мерам, не является однозначным. С одной стороны, стандартизация помогает эмитентам и инвесторам более четко определить целевое использование средств, а с другой, необходимость соответствовать жестким и сложным для определения стандартам затрудняет осуществление сделки.

В отраслевой структуре «зеленого» финансирования по-прежнему лидирует декарбонизация, прежде всего возобновляемые источники энергии (ВИЭ) (35%), экологически чистый транспорт (19%), «зеленое» строительство (18%). Однако продолжает расти значимость сохранения экосистем и биоразнообразия, водных и земельных ресурсов, что особенно важно для стран Латинской Америки, Азии, Африки.

В 2025 г. переходное финансирование остается в центре внимания как эмитентов «зеленых» облигаций, так и банков, предоставляющих «зеленые» кредиты. Вызовом остается достижение консенсуса по стандартизации этих продуктов, поскольку критерии их включения в «зеленые» таксономии различаются по отдельным странам и регионам. Активными «зелеными» эмитентами являются страны Тихоокеанской Азии, среди которых лидируют Япония, Китай и Южная Корея. Но подключаются и другие государства, в частности страны АСЕАН, принявшие собственную «зеленую» таксономию. Учитывая широкое использование углеводородов в экономике этих стран, число эмитентов в данном регионе будет и дальше увеличиваться.

С ростом физических убытков от стихийных бедствий, от чего особенно страдают развивающиеся страны с низким и средним душевым доходом, все большее значение приобретает вопрос финансирования адаптации и повышения сопротивляемости к последствиям изменения климата (Adaptation & Resilience), которое по своей значимости для отдельных регионов приближается к декарбонизации, но при этом существенно отстает по масштабам. По мнению экспертов крупнейшего французского банка BNP Paribas, поскольку инвестиции в адаптацию являются капиталовложениями в общественное благо и публичную инфраструктуру, лидерство здесь должно принадлежать государствам и их агентствам, а также наднациональным организациям, включая МБР. МБР расширяют свою активность в данном направлении, однако этого недостаточно для преодоления существенного разрыва между спросом и предложением.

В 2025 г. продолжила развиваться эмиссия «зеленых» ценных бумаг, обеспеченных активами компаний (asset backed bonds – ABS). При этом важной особенностью стал значительный рост доли дата-центров (Data-centres) в общем объеме выпущенных облигаций. В страновом разрезе лидерами стали США и Германия, и это несмотря на негативное отношение

президента Д. Трампа и существенное снижение инвестиций в ESG проекты в США. В качестве примера можно привести американский дата-центр Switch, который в работе с искусственным интеллектом использует новейшие технологии, базирующиеся исключительно на возобновляемых источниках энергии (ВИЭ). В феврале 2025 г. Switch выпустил «зеленые» ABS на сумму 2,4 млрд долл., а всего с 2024 г. привлек за счет устойчивых финансовых инструментов 20 млрд долл.

В целом 2025 г. во многом продолжил тенденции 2024 г. с упором на дальнейшее развитие новых финансовых инструментов и разработку стандартов для минимизации рисков их использования. 2026 г. в количественном отношении, скорее всего, останется на плато предыдущих лет, но в качественном эксперты ожидают «перезагрузку» и еще более активное использование инноваций в том числе ИИ для создания баз данных по устойчивому финансированию в целях повышения эффективности регулирования и надзора.

ПРОГНОЗ КОНЪЮНКТУРЫ ОСНОВНЫХ РЫНКОВ РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА

Агропродовольственные товары

2025 г. стал четвертым подряд годом улучшения ситуации в мировом продовольственном хозяйстве и в обеспечении глобальной продовольственной безопасности после негативного «постковидного» пика 2021 г. (тогда голодали 697,5 млн чел., или 8,8% мирового населения). Однако позитивная динамика была явно недостаточна для достижения к 2030 г. нулевого голода в мире и даже для возврата к показателям 2015 г., когда ООН декларировала эту цель (ЦУР 2), исходя из сокращения масштабов голода в предыдущую декаду. В начале 2025 г. среднее число голодающих в мире составило 673,2 млн чел. (8,2% населения мира) против 584,1 млн чел. (7,5%) в «доковидном» 2019 г. и против 577,4 млн чел. (7,7%) в 2015 г. В числе голодающих по-прежнему доминировали регионы Глобального Юга: Азия (47%), Африка (45%), Латинская Америка и Карибы (5%). По доле голодающих в населении (более 20%) «лидировала» Африка, в 2,5 раза «превосходя» среднемировой показатель, втрое – показатель Азии и вчетверо – Латинской Америки и Карибов. Очень высоким остается показатель умеренного и острого отсутствия продовольственной безопасности. В начале 2025 г. в среднем по миру он составлял 28% – всего на 0,9 процентных пункта ниже «пика» 2021 г., оставаясь в 1,1 раза хуже, чем в 2019 г., и в 1,3 раза хуже, чем в 2015 г. Причем в производящих продовольствие сельских регионах доля страдающих от отсутствия продовольственной безопасности почти в 1,2 раза выше средней для населения в целом и в 1,3 раза – для городского населения. Масштаб отсутствия продовольственной безопасности растет в Африке (в начале 2025 г. вдвое выше среднемирового), постепенно снижаясь в Азии (в 1,2 раза ниже), Латинской Америке и Карибах (в 1,1 раза ниже), и практически стабилен в Северной Америке и Европе (в 3,5 раза ниже среднемирового).

Неоднозначна ситуация с экономической доступностью здорового рациона питания. За последние четыре года число людей, которые не могут позволить себе такого рациона, сократилось абсолютно и относительно, и в начале 2025 г. составляло 2,6 млрд чел. – почти 32% населения мира. При сохранении нынешних трендов в 2026 г. число голодающих в мире может составить около 660 млн чел., а к 2030 г., по оценке ФАО ООН, вместо «нулевого голода» в мире может насчитываться 512 млн (6% населения) голодающих, причем 60% из них – в Африке.

Смягчение, а тем более существенное изменение ситуации предполагают целенаправленные национальные и международные усилия (в том числе масштабной помощи уязвимым странам) по достижению устойчивости развития мирового производства и торговли сельскохозяйственным сырьем и продуктами его переработки. Прежде всего это меры упреждающего реагирования для предотвращения и эскалации продовольственных кризисов, а также системной адаптации к влиянию ряда негативных факторов: долговременных природно-биологических (экстремальных климатических явлений и вспышек заболеваний сельскохозяйственных культур и животных), среднесрочных экономических (ухудшения ситуации в экономике, прежде всего в АПК, нарушения транспортно-логистической системы мировой агропродовольственной торговли), средне- и краткосрочных (внутренних и международных конфликтов, особенно военно-политических).

В последние годы влияние *фактора конфликтности* усилилось. По оценке ФАО, *основная причина нынешних продовольственных кризисов – конфликты, затрагивающие почти 70% наименее обеспеченного продовольствием населения*. Согласно Global Peace Index (оценивающего степень «глобального миролюбия»), к середине 2025 г. в мире насчитывалось 59 конфликтов – самый высокий показатель после окончания Второй мировой войны. Причем 87 стран (или 44% стран, имеющих статус членов или наблюдателей в ООН) вовлечены в конфликты за пределами своих границ. Наиболее «конфликтоуязвимыми» регионами оставались Ближний Восток и Северная Африка, а также субсахарская Африка (где доля голодающих в населении вдвое выше мировой) и Южная Азия (доля не обеспеченных здоровым рационом питания вдвое выше среднемировой). Конфликты подрывают развитие национальных АПК, системы доставки и распределения внешней продовольственной помощи в нуждающихся странах, препятствуют международной торговле. Так, в первом полугодии 2025 г. конфликты поставили под угрозу оказание Всемирной продовольственной программой ООН критически важной помощи шести странам (Афганистану, Гаити, ДР Конго, Сомали, Судану и Ю. Судану), в которых число голодающих превысило 80 млн чел. Развязанная хуситами гражданская война в Йемене привела на грань голода почти 40% населения страны, а их террор в Красном море нарушил логистику мирового продовольственного хозяйства, в 1,5 раза снизив за 2023–2025 гг. число проходящих через Суэцкий канал судов, в том числе перевозящих зерно и минеральные удобрения. В 2026 г., несмотря на усилия мирового сообщества по урегулированию конфликтов, их негативное влияние вряд ли заметно ослабнет. Так, в Нигерии, Судане и Ю.Судане оно может обусловить отсутствие продовольственной безопасности примерно у 40 млн чел.

В природно-климатическом и биологическом аспектах сохраняется негативное воздействие глобального потепления на мировое производство и торговлю агропродовольственными товарами. До IV квартала 2025 г. климат оставался в «нейтральной фазе», не наблюдалось сменяющихся мегаклиматических явлений Эль-Ниньо и Ла-Нинья, способствующих, соответственно, повышению и понижению температуры на планете, провоцируя погодные экстремумы. Однако общий тренд изменения климата сохранялся, вызывая в ряде важных производящих и потребляющих продовольствие регионов мира ураганы и штормы, заморозки и тепловые волны, сильнейшие засухи и наводнения, резко повышающие волатильность сельхозпроизводства. В первой половине 2025 г. от недостаточного увлажнения почвы, засух и тепловых стрессов пострадали посевы пшеницы, кукурузы, соя-бобов в Китае, ЕС, Украине и России, сахарной свеклы, картофеля и подсолнечника в ЕС. Средиземноморский регион (в том числе Испания, Италия, Греция и Турция) пережил беспрецедентно сильную тепловую волну. Температура в некоторых районах превысила 46°С, что крайне негативно повлияло на выращивание кукурузы, оливок, винограда, фруктов и овощей, а также на ряд отраслей животноводства. В обозримой перспективе это может привести к изменению структуры регионального производства продовольствия. Ураган Мелисса, обрушившийся в октябре 2025 г. на Кубу и другие Карибские острова, нанес сильный урон посевам сельхозкультур, животноводческим фермам, аграрной инфраструктуре, резко обострив продовольственную ситуацию. Только в Гаити с острой нехваткой продовольствия столкнулись 1,4 млн чел. – около 12% населения.

Погодные колебания (в том числе повышение температуры в сочетании с ливневыми дождями) привели к активизации вредителей и болезней, снижающих производство в растениеводстве и животноводстве, даже в ряде экономически развитых стран. В 2025 г. создались идеальные погодные условия для размножения и нашествия уничтожающей посевы саранчи в Алжире, Тунисе, Ливии, Мавритании, Мали, Чаде, Нигере, а также в других местах по северной границе Сахары и в Саудовской Аравии, причем борьбе с саранчой мешают конфликты в этих регионах. Прогнозируется, что на Мадагаскаре из-за засухи, циклонов и нашествия саранчи к началу 2026 г. нехватку продовольствия будут испытывать до 1,5 млн чел. Саранча угрожала посевам зерновых и подсолнечника в южных районах Украины и зерновых – на востоке Австралии. В начале 2025 г. из-за погодных экстремумов снизилось производства какао в Западной Африке, хотя позднее ситуация стабилизировалась. Из-за плохих урожаев в Бразилии по этим же причинам прогнозируется сокращение на 12% сбора кофе сорта Арабика, на который приходится 60-70% мирового производства кофе. В животноводстве за три первых квартала 2025 г. вспышки самой опасной для свиноводства болезни – африканской чумы свиней произошли в Азии – Индии, Ю.Корее, Индонезии, на Филиппинах и во Вьетнаме, где пришлось уничтожить около 700 тыс. свиней. В ЕС только в Эстонии уничтожено более 28 тыс.свиней – 9% поголовья. Вспышки высокопатогенного птичьего гриппа, наблюдавшиеся в 10 странах ЕС и Великобритании, угрожают **почти двум третям мирового экспорта куриных яиц.**

Климатические изменения все больше влияют на ведущих мировых продуцентов продовольствия – экономически развитые страны, расположенные, в основном, в регионах с более благоприятными для сельхозпроизводства природными условиями. Например, в ЕС на фоне более быстрого, чем среднемировое, потепления, связанные с ним среднегодовые потери сельхозпродукции превышают 28 млрд евро – около 6% годового объема сельхозпроизводства.

Развитые страны пока располагают достаточными финансово-инвестиционными ресурсами для покрытия соответствующих потерь и восстановления производства продовольствия, однако такая компенсация становится все более обременительной даже для бюджетов Евросоюза и США. В проекте бюджета ЕС на 2028-2034 гг. предполагается сокращение «защищенных расходов» на Общую сельхозполитику более, чем на 25% (примерно на 80 млрд евро), что явно не компенсируется удвоением (до 6 млрд евро) резерва для поддержки фермеров в чрезвычайных ситуациях. Минсельхоз США в 2025 г. упразднил программу поддержки климатически оптимизированного земледелия стоимостью более 3 млрд долл.

У развивающихся стран, прежде всего Африки и ряда регионов Азии, такие ресурсы ограничены и не позволяют достаточно оперативно реагировать, а тем более упреждать волатильность производства и торговли рядом важных агропродовольственных товаров (кукурузой, соей, риса, сорго, сахаром), компенсируя фермерские потери. Это особенно тревожно на фоне опасений возможной в 2026 г. смены нейтральной климатической фазы чередованием явлений Ла-Нинья и Эль-Ниньо, вызывающих температурно-погодные аномалии, негативно воздействующие на мировое продовольственное хозяйство, особенно в странах Глобального Юга.

В 2025 г. *негативный эффект биоклиматического и конфликтного факторов усугублялся неравномерностью социально-экономического развития стран*. Так, в Восточной и Южной Африке из-за наложения эффекта макроэкономических стрессовых факторов на влияние природно-климатических потрясений отсутствие продовольственной безопасности в 2025 г. испытывают более 100 млн чел. Причем этот тренд, вероятно, сохранится минимум до середины 2026 г., вдвое увеличив потребность региона в продовольственной помощи по сравнению со средними показателями за последнее пятилетие.

В целом большинство национальных и глобальная продовольственные системы оставались недостаточно устойчивыми, а продовольствие – относительно дорогим для потребителей, особенно в бедных странах. По оценке Всемирного банка, рост продовольственных цен превышал 5% примерно в 53% стран с низким уровнем дохода, 46% стран с доходом ниже среднего, 50% стран с доходом выше среднего и 20% стран с высоким доходом, причем эта доля понизилась лишь в первой категории стран. В 65% стран мира продовольственная инфляция в реальном выражении опережала общую. Подобные тренды достаточно устойчивы и, очевидно, сохранятся в 2026 г.

Однако, даже при негативном эффекте вышеперечисленных факторов, в 2025/26 сельхозгоду, по оценке ФАО, *в основных секторах мирового агропродовольственного хозяйства в целом наблюдаются тренды к стабилизации и росту.* В растениеводстве ожидается неплохой (2,1%) прирост сборов основных видов зерновых (включая рис), причем по кукурузе, рису и сорго – до рекордных уровней. Рекордный сбор возможен и в целом по масличным культурам (прирост на 3%), причем увеличение производства сои компенсирует некоторое снижение сборов подсолнечника и рапса. Прогнозируется и рост производства растительных масел, благодаря наращиванию выпуска соевого масла и восстановлению уровня производства пальмового. Снижение производства возможно лишь для сахара из-за сокращения сборов сахарного тростника. В животноводстве ожидается небольшой (0,6%) прирост производства мяса, прежде всего благодаря наращиванию производства мяса птицы при стабилизации объемов производства свинины и баранины и снижении – говядины. Умеренный прирост в 1% ожидается в производстве молока и молочных продуктов. Общемировой положительный продовольственный баланс обеспечивают традиционные агропродовольственные производители и экспортеры. По пшенице – Россия, ЕС, США, Индия; кукурузе – Бразилия, США, ЕС, Украина; рису – Китай и другие страны Азии; сое – Бразилия и США; рапсу – ЕС и Канада; подсолнечнику – Россия и страны Черноморского региона; мясу – Бразилия, США, Китай, ЕС, страны Океании; молоку и молочным продуктам – Индия, Бразилия, США, страны Европы и Океании.

Для российского АПК 2025/26 сельскохозяйственный год ожидается в целом приемлемым. *В растениеводстве*, несмотря на неблагоприятные погодные условия в ряде ключевых аграрных регионов (например, на Юге России заморозки и засуха привели к потере более 12% урожая зерновых), ожидается значительный (хотя немного ниже среднего за последнее пятилетие) сбор зерна – более 138 млн т, в том числе пшеницы – свыше 88 млн т. При небольшом снижении сборов риса и стабильности сборов подсолнечника ожидается рост производства сахарной свеклы, ячменя, ржи, сои, рапса, а также увеличение производства сахара и некоторое снижение – подсолнечного масла. В целом Россия, вероятно, сохранит хорошее позиционирование в глобальном производстве (с учетом ЕС как единого

продуцента) ряда важнейших продуктов растениеводства: пшеницы – 4-е место, ячменя и ржи – 2-е, овса – 3-е, кукурузы – 11-е, подсолнечника, подсолнечного масла и кормов из подсолнечника – 1-е, сахара – 8-е место. В 2026/27 сельхозгоду ожидается увеличение или стабилизация сбора основных зерновых и масличных культур, хотя неблагоприятные погодные условия и невысокая рентабельность ряда культур могут внести негативные коррективы в посевную и уборочную кампании.

Таблица 9. Мировые и российские производство и экспорт зерна и подсолнечного масла*, млн тонн

	2022/2023	2023/2024	2024/2025	2025/2026
Мир				
Производство зерна,	2793,4	2 855,5	2 852,7	2 911,4
в т.ч. пшеницы	803,1	791,9	797,7	800,1
Экспорт зерна,	476,9	513,4	478,2	487,1
в т.ч. пшеницы	200,0	209,6	193,3	200,6
Производство подсолнечного масла	21,5	22,1	20,1	21,3
Экспорт подсолнечного масла	13,9	15,3	13,1	13,6
Россия				
Производство зерна,	121,4	157,7	147,0	138,5
в т.ч. пшеницы	76,1	104,2	92,8	88,5
Экспорт зерна,	38,1	60,0	65,0	56,0
в т.ч. пшеницы	33,0	44,0	49,0	45,0
Производство подсолнечного масла	5,3	5,9	7,0	6,8
Экспорт подсолнечного масла	3,2	3,9	5,2	4,8
Доля России (%) в мировом				
Производстве зерна,	5,6	5,1	4,4	4,7
в т.ч. пшеницы	13,0	11,7	10,4	11,1
Экспорте зерна,	12,6	12,7	11,1	11,7
в т.ч. пшеницы	22,0	23,4	22,8	21,9
Производстве подсолнечного масла	27,5	34,9	34,3	37,5
Экспорте подсолнечного масла	28,1	35	35,9	38,8

* по сельскохозяйственным годам – с 1 июля текущего по 30 июня следующего года.

Источник: рассчитано по данным ФАО ООН, Минсельхоза США, Минсельхоза РФ, отраслевых организаций продуцентов РФ.

В конечных мировых запасах пшеницы РФ может занять 5-е место, ржи, подсолнечника – 2-е, подсолнечного масла – 4-е, кормов из подсолнечника – 1-е, сахара – 11-е.

Определенные возможности открываются и *в животноводстве*. Несмотря на некоторые проблемы, в 2026 г. вероятен умеренный рост производства мяса в РФ, прежде всего свинины и мяса птицы (при снижении производства говядины и баранины), а также молочных продуктов, в том числе масла и сыров. По производству свинины и мяса птицы РФ может занять 5-е место в мире, (в том числе мяса индейки – 2-е место после США), говядины – 9 место. По производству молока и масла РФ может удержать 5-е место в мире, сыра – 3-е место (после ЕС и США).

Таблица 10. Мировые и российские производство и экспорт мяса*, млн тонн

	2023	2024	2025	2026
Мир				
Производство мяса,	372,4	378,2	380,5	383
в т.ч. мяса птицы	146,3	149,8	152,4	155
Экспорт мяса,	40,6	42,5	43	43,5
в т.ч. мяса птицы	16,2	16,6	16,9	17,3
Россия				
Производство мяса,	12	12,2	12,4	12,8
в т.ч. мяса птицы	5,3	5,4	5,6	5,7
Экспорт мяса,	0,65	0,8	0,85	0,95
в т.ч. мяса птицы	0,37	0,43	0,44	0,46
Доля России (%) в мировом				
Производстве мяса,	3,2	3,3	3,5	3,3
в т.ч. мяса птицы	3,6	3,6	3,8	3,7
Экспорте мяса,	1,6	1,9	1,9	2,2
в т.ч. мяса птицы	2,3	2,6	2,6	2,7

Источник: рассчитано по данным ФАО ООН, Минсельхоза США, Минсельхоза РФ, отраслевых организаций продуцентов РФ.

В целом к началу 2026 г. Россия полностью обеспечит себя зерном, мясом, растительным маслом, сахаром, рыбой и максимально приблизится к установленным Государственной продовольственной программой РФ до 2030 г. пороговым значениям по молоку, молокопродуктам, плодово-ягодной продукции, картофелю, овощам.

В среднесрочной перспективе достаточно устойчивый рост большинства видов продукции российского АПК, вероятно, сохранится. По прогнозу Минэкономразвития РФ, в 2028 г. против 2024 г. в России ожидается рост производства зерна на 23%, сахарной свеклы – почти на 17%, подсолнечника – примерно на 9%, скота и птицы на убой – почти на 10% и молока – примерно на 9%.

Это позволит повысить экспортный потенциал АПК РФ. Однако его реализация во многом будет зависеть от ситуации на мировом агропродовольственном рынке, степени его открытости, недискриминации и предсказуемости, в том числе снятия нарушающих правила ВТО ограничений и запретов, особенно антироссийских санкций Запада. В 2025 г. прирост объема мировой агропродовольственной торговли, вероятно, будет как минимум сопоставим с приростом общей торговли товарами (2,4%) и она вновь превысит $ 2 трлн долл. В 2026 г. возможно снижение этого прироста в рамках предсказываемой ФАО долговременной тенденции к снижению реальных мировых цен на сельскохозяйственные товары, связанной с продолжающимся повышением продуктивности аграрного сектора при близких к нормальным погодным условиям.

Эта тенденция наблюдается после пикового уровня цен в 2022 г. За июль–октябрь 2025 г. снизился общий индекс мировых продовольственных цен и цен всех базовых продуктов (кроме растительных масел). По сравнению с уровнем цен 2022 г. в октябре 2025 г. общий

индекс продовольственных цен ФАО был на 14% ниже, а индексы цен базовых продуктов (кроме мяса) – на 5-21% ниже.

Ситуацию усугубляли высокие транспортно-логистические издержки и деформирующие мировую торговлю барьеры. Так, ставка фрахта на балкеры типоразмера Panamax (перевозящих крупные партии зерна) в сентябре 2025 г. возросла на 31% против сентября 2024 г. Возможен дальнейший рост мировых ставок фрахта из-за торгового противостояния США и КНР. Не снижается число стран, применяющих ограничения на экспорт агропродовольственных товаров. По состоянию на сентябрь 2025 г., 17 стран (включая Индию, Индонезию, Турцию, Украину) осуществляли 27 таких ограничений (налоги, лицензии и квоты на экспорт или его запрет), в том числе в отношении зерна, риса, пальмового и подсолнечного масла, мяса птицы. Снятие таких лимитов может заметно повлиять на конкретные товарные и региональные рынки, прежде всего бедных стран Африки и Азии.

Волатильность мировой агропродовольственной торговли возросла, особенно из-за негативного влияния агрессивной торговой политики новой администрации США. «Войны тарифов» США с Китаем и ЕС заметно расширили доступ на их рынки товаров американского АПК (например, КНР обязалась ежегодно закупать 25 млн т американской сои – около 30% ее общего импорта, а ЕС – смягчил ограничения на ввоз из США мяса, молокопродуктов, растительных масел и др. при повышении пошлин на ввоз продукции его АПК в США до 15%). Негативный эффект этих сделок может ощущаться аграриями Китая и, особенно, ЕС минимум до 2029 г.

Негативным для мирового продовольственного хозяйства оставался эффект политически мотивированных, нарушающих правила ВТО санкций, применяемых с 2022 г. «коллективным Западом» против России. Так, из-за введенных ЕС ограничений к началу 2025 г. его агропродовольственный импорт из России снизился по сравнению с 2022 г. в 2,2 раза (примерно до 1,1 млрд долл.). В 2025-2026 гг. это снижение продолжится из-за повышения ЕС почти втрое пошлин на импорт из России большинства агропродовольственных товаров. На фоне существующего пока дисбаланса между физическими и стоимостными объемами агропродовольственного экспорта РФ его стоимость в 2025 г., вероятно, превысит 40 млрд долл. Остается актуальной цель доведения стоимости экспорта Россией продукции АПК к 2030 г. до 55 млрд долл.

В 2025/2026 сельхозгоду Россия по физическому объему, вероятно, сохранит или укрепит лидирующие позиции на мировых рынках ряда базовых продуктов. В мировом экспорте она может занять по: пшенице 1-е место, ржи – 3-е, ячменю – 4-е, кукурузе – 6-е, подсолнечнику и подсолнечному маслу – 2 -е места, свинине – 7-е, мясу птицы – 9-е, сыру – 8-е сливочному маслу – 11-е места. Преимущественным направлением российской экспортной экспансии стали дружественные страны, в т. ч. государства СНГ, Африки и Азии.

Реализация экспортного потенциала АПК РФ будет во многом зависеть от решения проблем с транспортом и логистикой, валютными курсами и взаиморасчетами с зарубежными партнерами (прежде всего в рамках ЕАЭС и БРИКС), а также стабильности национального регулирования внешнеэкономических связей.

Нефть и газ

Нефть. На мировом рынке нефти сохраняется навес предложения нефти над спросом на нее (рисунок 16). Этот навес решающим образом объясняет низкую чувствительность нефтяных котировок к периодическим обострениям конфликтов на Ближнем Востоке. Даже военные бомбардировки Ирана не смогли развернуть вспять устойчивую тенденцию к снижению цены нефти с середины 2025 г. Среднегодовая цена барреля нефти Brent в 2025 г. ожидается на уровне 68–70 долл. по сравнению с 81 долл. в 2024 г.

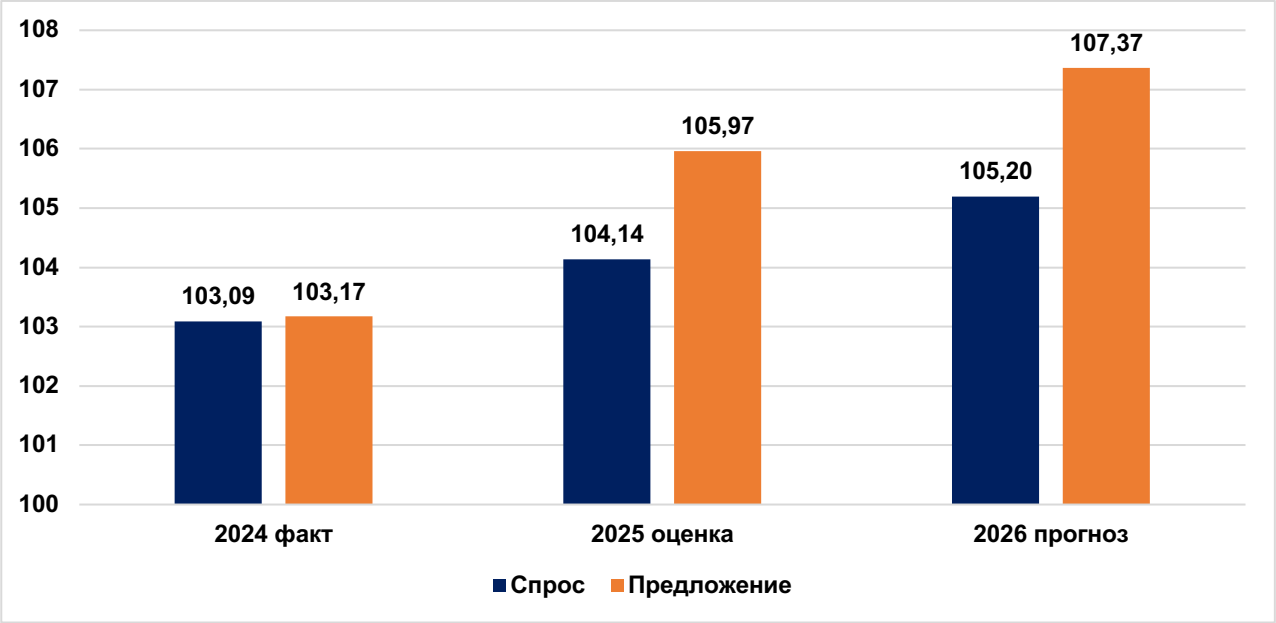


Рисунок 16. Баланс спроса и предложения на мировом рынке нефти в 2024 – 2026 гг., млн баррелей в день.
Источники: ЦЭИ ИМЭМО РАН по данным Министерства энергетики США

Продолжающийся пересмотр странами соглашения ОПЕК+ потолков добычи в сторону увеличения опережающими темпами по сравнению с договоренностями, достигнутыми в конце 2024 г., ведет к усилению затоваренности рынка нефти. В 2026 г. навес предложения над спросом может достигнуть, по оценкам Международного энергетического агентства, 4 млн баррелей в день, что вдвое превышает уровень 2025 г. В случае реализации такого сценария цена нефти может перейти в коридор 55–60 долл. за баррель. Однако, мы считаем, что цена барреля останется в коридоре 60–70 долл., тяготея к нижней границе этого коридора. В случае же входа экономики США в рецессию, например, в результате взрыва пузыря на фондовом рынке, цена нефти может кратковременно устремиться в район 40 долл. за баррель.

Газ. В 2025 г. мировой спрос на природный газ возрастет, по оценкам, на 38 млрд куб. м, что существенно меньше в сравнении с 2024 г. (таблица 11). Особенно заметным замедление роста будет в странах АТР и Северной Америке. В Евразии спрос на газ может незначительно снизиться. Ожидается, что в 2026 г. спрос на газ вырастет более ощутимо, в первую очередь за счет стран АТР и Евразии. Новым крупным источником спроса на газ, точнее газовую генерацию, могут стать дата центры, особенно в США.

Таблица 11. Прирост спроса на природный газ в разрезе регионов и стран, млрд куб. м

	2024 факт	2025 оценка	2026 прогноз
Африка	0	3	5
АТР	54	6	48
Китай	30	5	26
Центральная и Южная Америка	5	0	-2
Евразия	27	-6	19
Россия	26	-7	16
Европа	4	15	-12
Ближний Восток	6	11	24
Северная Америка	20	8	4
США	18	6	3
МИР	116	38	85

Источники: ЦЭИ ИМЭМО РАН по данным Международного энергетического агентства.

Волатильность цен на природный газ в США повысилась на фоне общего повышательного тренда газовых котировок (рисунок 17). Цены на газ в Европе и на рынках АТР конвергировали практически к одному уровню. Появляется все больше признаков, что на рынках газа формируется навес предложения над спросом, что может толкнуть цены на газ вниз. На фоне вялого роста спроса на газ ускоренными темпами продолжается структурная перестройка рынка в пользу СПГ. В 2026 – 2028 гг. ожидается ввод в эксплуатацию большого числа проектов экспорта СПГ, прежде всего из США и Катара.

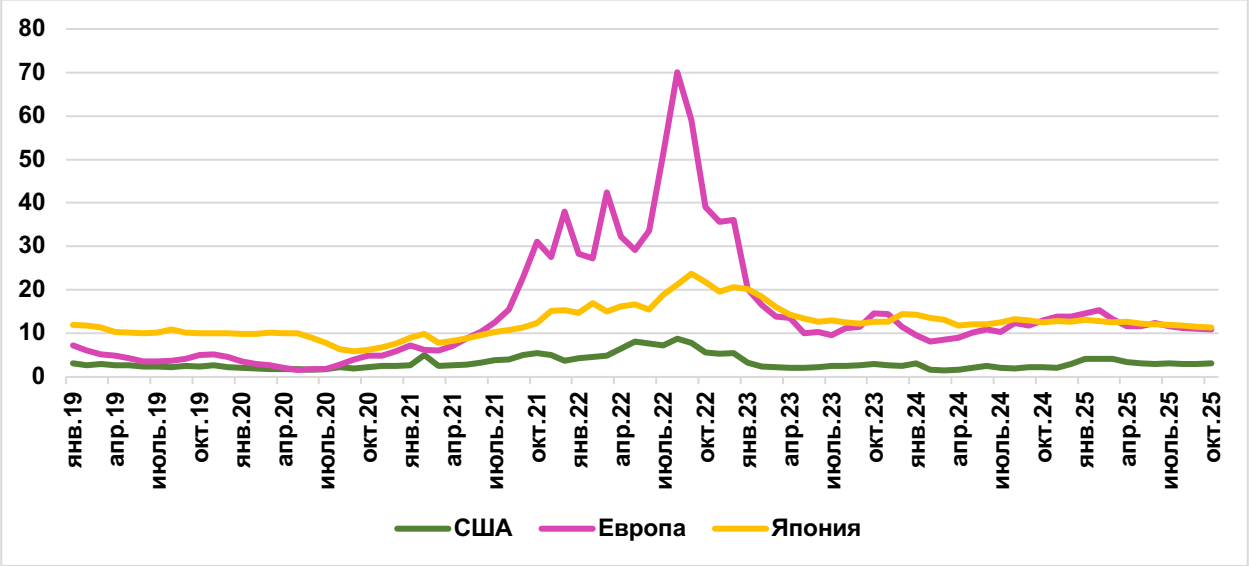


Рисунок 17. Помесячная динамика цен на природный газ в США, Европе и Японии в январе 2019 г. – октябре 2025 г., долл. за 1 млн бте.
Источники: World Bank.

Значительное влияние на трансформации газовых рынках оказывают санкции Европы и США в отношении российских компаний. В конце 2025 г. Евросоюз и США перешли к завершающей стадии вытеснения российского природного газа с европейского рынка. 19 раунд европейских санкций открыл возможность для компаний – импортеров природного газа разрывать долгосрочные контракты с российскими поставщиками, отсылаясь к форс-мажорным обстоятельствам.

Лесобумажные товары

В России, по-прежнему, главными экспортноориентированными отраслями лесопромышленного комплекса остаются заготовка деловой древесины[21] хвойных пород, производство хвойных пиломатериалов[22], клееной фанеры, древесной целлюлозы, бумаги и картона. На эти рынки в 2024 г. пришлось около 75% стоимости мирового экспорта всех видов лесобумажной продукции, производимых мировым лесопромышленным комплексом. В России этот показатель в 2024 г. был, как и раньше, существенно выше – более 80%. Такая роль нашей страны закрепляет важную особенность ее лесных ресурсов, не только самых богатых в мире, но и представленных преимущественно хвойными деревьями.

Страны Западной Европы и Северной Америки в 2024 и 2025 гг. продолжали показывать малую активность на мировых рынках лесобумажной продукции, а их доля в мировом производстве деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности продолжала снижаться. Отказ от российских энергоносителей повысил издержки европейских производств, занятых в изготовлении пиломатериалов, деревянных листовых материалов, целлюлозы, бумаги и картона.

По прогнозам, в 2026 г. на рынке лесных товаров США будет наблюдаться рост, обусловленный повышением объемов строительства, реконструкции домов и спроса на мебель. Однако рынок, вероятно, столкнется с такими проблемами, как волатильность цен и конкуренция со стороны альтернативных поставщиков, потенциальное повышение тарифов на канадские пиломатериалы.

Ожидается, что североамериканский рынок изделий из древесины значительно вырастет и, по прогнозам, достигнет 243,9 млрд долл. к 2026 г. Этот рост будет поддерживаться ростом населения, увеличением объемов жилищного строительства, спросом на офисную и домашнюю мебель, а также увеличением числа проектов по ремонту и перепланировке жилья. Рынок США остается привлекательным для иностранных инвестиций, отчасти из-за опасений по поводу возможного повышения тарифов. Некоторые компании открывают представительства в США, чтобы избежать вытеснения с рынка. Основные опасения вызывают колебания цен на североамериканском рынке пиломатериалов хвойных пород, а также возможное повторное введение пошлин на канадские пиломатериалы и связанный с ним рост цен на эту продукцию и конкуренция альтернативных материалов (металлов, синтетических материалов на основе минерального и углеводородного сырья).

Россия продолжит процесс перехода с внешнего рынка необработанного хвойного круглого леса на мировые рынки продукции его переработки, что найдет свое отражение в 2026 г. Эта тенденция отражает переход России к углублению процессов переработки собственного древесного сырья, повышению экономического эффекта от его использования и освоения зарубежных рынков изделий из древесины. Этом способствовал переход под российский контроль целого ряда производственных мощностей западных лесопромышленных фирм, действовавших на территории России до начала СВО в 2022 г. Шведские, финские и

[21] Включает пиловочник, фанерные кряжи, балансы для целлюлозно-бумажной промышленности и прочие виды круглого леса, используемого как сырье для промышленной переработки и в строительстве.
[22] Включает доски, брусья, шпалы и другую продукцию лесопиления.

австрийские деревообрабатывающие фирмы продали 11 предприятий, расположенных на территории Российской Федерации. Эти производственные мощности в основном продолжили работу под российским управлением. Ряд зарубежных компаний продолжил работу в России вопреки санкциям, в том числе австрийские компании Egger и Kronospan, швейцарская Swiss Krono Group, турецкая Kastamonu, немецкая PERI, японская Iida Holdings Group.

Проблемы со строительством в Китае, подстегивание ипотечного кредитования местными банками в КНР негативно сказались и в 2025 г. на спросе на российскую лесопродукцию. Можно ожидать, что в 2026 г. китайским властям удастся преодолеть застой в жилищном строительстве и, соответственно, изменится спрос на российские лесоматериалы (жилища, мебель).

В 2025 г. Китай продолжил играть роль важного двигателя мировой торговли лесобумажной продукцией. Китай нашел замену России как важному продавцу необработанного древесного сырья хвойных пород благодаря закупкам в Новой Зеландии и странах Западной Европы. В то же время Китай проявляет все больший интерес к наращиванию импорта древесных волокнистых полуфабрикатов, вместо необработанного древесного сырья для производства бумаги (балансы, технологическая щепа). Это меняет ориентиры для деятельности российских экспортеров на китайский рынок и стимулирует развитие соответствующих производств на Дальнем Востоке.

Ситуация в мировой целлюлозно-бумажной промышленности в 2025–2026 гг. продолжит изменяться в рамках глобальной долговременной тенденции: сокращения производства писчей и полиграфической бумаги (газетной, журнальной и т. д.) и нарастания использования электронных средств массовых коммуникаций. Эта тенденция проявилась и в Российской Федерации. Вместе с тем продолжается рост потребления санитарно-гигиенических и бытовых сортов бумаги, отдельных видов картонов, специальных сортов бумаги, а также целлюлозы, включая распушенную и растворимую.

Оценки экспертов свидетельствуют о возврате к понижательной динамике рынка бумаги и картона в 2025–2026 гг. в Европе и Северной Америке. Так можно ожидать, что производство бумаги и картона в 2026 г. сократится на 1,5%.

В промышленно-развитых странах мира в 2025–2026 гг. следует ожидать продолжения процесса структурной перестройки целлюлозно-бумажной промышленности. Эта перестройка подразумевает переориентацию на жизнеспособные сегменты рынка бумажно-картонной продукции, а также на изделия, получаемые путем так называемого «рифайнинга древесной биомассы» и нанотехнологической переработки древесного сырья. Для снижения себестоимости бумажно-картонной продукции возможно продолжение переноса производственных мощностей в привлекательные для капитала страны Южной Америки (Бразилию, Чили др.). Научно-технический прогресс в сфере использования древесного сырья, как показывает опыт Японии, позволяет ожидать освоения производства из древесины нанотехнологическими методами нового класса так называемых нановолокон, которые могут дать толчок новым производствам для получения материалов с новыми свойствами (высокая гибкость, прочность и др.), способными вытеснить пластмассы из ряда

сфер использования. Это создает благоприятные перспективы для перестройки мировой целлюлозно-бумажной промышленности и ее роста.

В целлюлозно-бумажной промышленности Китая, вышедшего на первое место в мире по производству бумаги и картона, в последние годы происходили существенные изменения. Во-первых, происходила глубокая структурная перестройка отрасли, направленная на закрытие старых, малых и неэффективных производственных мощностей по производству бумаги и картона из недревесного сырья (бамбука, хлопкового линтера и др.) и развитие современных крупных целлюлозно-бумажных комбинатов, использующих в качестве сырья древесное сырье. Во-вторых, можно отметить появление новой тенденции в импортной политике Китая, который стал активнее закупать на мировом рынке товарную целлюлозу вместо необработанной древесины в форме балансов или технологической щепы.

В Китае в соответствии с общемировыми тенденциями в динамике целлюлозно-бумажной промышленности страны продолжалась перестройка, направленная на приспособление к изменениям в характере спроса на бумагу, главным образом выражающихся в сокращении потребления информационных сортов бумаги. В 2026 г. можно ожидать замедленного роста китайского рынка бумаги и картона на 1,0% по производству и 1,5% по потреблению. В Японии в сфере целлюлозно-бумажного производства в 2026 г. можно ожидать стабилизации рынков на достигнутом уровне.

Динамика среднемировых цен на главных экспортных рынках лесобумажной продукции России в 2025-2026 годах будет отражать новую ситуацию для нашей страны, а именно уход России с мирового рынка хвойного круглого леса. Следует ожидать роста экспортных цен на древесное сырье и продукцию деревообработки (пиломатериалы, клееную фанеру) в 2026 году. Роль России, как важного игрока на мировом рынке хвойного древесного сырья, сдерживающего рост среднемировых цен на экспортную необработанную древесину, практически сошла на нет, так как в 2022 г. российские цены превысили среднемировые. Мировые цены на бумагу и картон в 2026 г. могут продолжить возрастать так же, как это наблюдалось в 2024–2025 гг. По нашему прогнозу, среднемировые экспортные цены (в скобках российские) на рынке деловой древесины хвойных пород в 2026 году составят 115–125 долл. США за куб. м (110–120), на рынке бумаги и картона – 1250–1350 долл. США за тонну (1100–1200).

Среди факторов, влияющих на динамику мировых рынков лесобумажной продукции в 2025–2026 гг., на первый план выдвинулись серьезные проблемы в сфере строительного и банковского сектора в Китае. В этих условиях китайский рынок для российских пиломатериалов и древесных плит стал проблематичным и не может компенсировать потери на рынках Запада. Это не могло не отразиться на текущей ситуации и ближайших перспективах российского производства лесоматериалов и лесопромышленного экспорта.

В этом контексте особенно велико значение перехода России на активный экспорт хвойных пиломатериалов: их доля в российском экспорте главной экспортной лесобумажной продукции составила в 2024 г. 46% против лишь 6% по хвойной деловой древесине. Доля других главных экспортных лесобумажных товаров также превысила долю необработанной древесины: на долю бумаги и картона пришлось 22%, клееной фанеры 13,3%, древесных

волокнистых полуфабрикатов 12,2%. Таким образом, для Российской Федерации ситуация на мировом рынке хвойной деловой древесина важна лишь как фактор ценообразования в отраслях, потребляющих это сырье в самой России и возможности повышения их мировой конкурентоспособности за счет относительной дешевизны своего сырья. Отныне фактор дешевизны хвойного древесного сырья стал не внешним (мировой рынок), а внутренним конкурентным преимуществом для нашей страны (относительное удешевление отечественной продукции лесообрабатывающей промышленности).

Среди нововведений в государственной политике России по отношению к своему лесопромышленному комплексу можно отметить введение новых правил по использованию отходов лесозаготовки и механической обработки древесины. Был утвержден список видов продукции деревообработки, производить которую уже с 1 января 2025 г. лесопромышленники будут с обязательным использованием высокой доли (95%) вторичного сырья – щепы, стружек, опилок и прочих отходов деревообработки. В данный список вошли предприятия по производству древесной муки, топливных пеллет и брикетов, древесно-стружечных плит. Отмечается, что данные изменения должны будут минимизировать применение круглого леса для производства побочных продуктов.

В качестве мер правительства РФ по противодействию негативным последствиям ускоренной переориентации России на новые рынки лесобумажных товаров можно отметить принятые Минпромторгом РФ меры поддержки отрасли. Для экспортеров в 2025 г. сохранена транспортная субсидия, позволяющая компенсировать часть логистических затрат при поставках за рубеж. Также была введена возможность лесоэкспортерам воспользоваться новой транспортной субсидией Минпромторга, запущенной весной 2025 г. на «раскатку» международных логистических коридоров в дружественные страны (выдается логистическим операторам, в этом году действует при поставках в несколько стран Африки и Латинской Америки. В 2025 г. на нее выделено 1,7 млрд руб.). Понятно, что освоение новых рынков сбыта требует специальной логистической подготовки и времени на обустройстве на них.

Таблица 12. Заготовка и потребление деловой древесины хвойных пород, млн куб. м

	Производство			Потребление		
	2024	2025	2026	2024	2025	2026
Мир	1179,8	1185,7	1192,1	1166,7	1176,1	1206,2
Азия	83,4	83,8	84,8	129,3	130,5	131,5
Китай	28,8	28,7	28,5	65,3	66,6	67,0
Япония	21,3	20,6	20,6	22,6	21,5	21,5
Европа	498,2	463,4	470,8	493,8	439,5	444,5
Великобритания	8,7	8,3	8,1	8,8	8,4	8,5
Германия	46,5	40,9	42,5	45,9	39,0	40,0
Россия	167,2	155,2	165,0	166,7	155,0	165,0
Финляндия	44,3	44,8	45,2	45,1	45,3	45,7
Франция	17,0	15,4	15,4	16,5	15,3	15,3
Швеция	61,8	58,1	58,1	65,0	61,8	61,8
Северная Америка	421,2	420,4	421,9	415,3	414,8	419,1
Канада	116,5	115,4	115,4	115,1	114,6	114,6
США	304,7	305,0	306,5	300,2	302,2	304,5

Таблица 13. Производство и потребление бумаги и картона, млн тонн

	Производство			Потребление		
	2024	2025	2026	2024	2025	2026
Мир	407,6	403,5	409,9	413,9	411,8	414,8
Азия	210,1	210,8	210,8	224,3	224,8	224,8
Китай	129,7	131,0	130,0	139,3	140,0	140,5
Япония	23,3	23,1	23,1	22,2	22,0	22,0
Европа	96,6	97,5	99,2	90,8	91,6	91,6
Великобритания	3,8	3,9	3,9	7,7	7,8	7,8
Германия	20,8	19,7	19,7	18,1	16,9	16,9
Россия	9,8	9,0	9,5	7,3	7,3	7,4
Финляндия	8,2	8,2	8,2	1,4	1,3	1,3
Франция	6,8	6,2	6,2	7,9	7,2	7,2
Швеция	8,8	9,0	9,0	1,3	1,3	1,3
Северная Америка	71,5	67,1	67,1	69,8	65,2	65,2
Канада	9,0	9,0	9,0	5,7	5,7	5,7
США	62,5	58,2	58,2	64,1	59,6	59,6

СОСТОЯНИЕ И ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ОСНОВНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Страны Европы

Европейский Союз

Оживление экономики и переход к более устойчивым темпам роста, наконец, произошли: Европейский союз, приспособившись к новым геополитическим условиям, перешел к позитивному экономическому тренду. Политика Д. Трампа пока сыграла положительную роль для ЕС, подтолкнув внешнюю торговлю интеграционного объединения в преддверии новых ограничений. Однако в дальнейшем эффект американской политики будет, скорее всего, иным.

Не стоит ожидать быстрого возвращения к темпам роста второй половины 2010-х гг.: восстановление, скорее всего, будет медленным. Рост экономик Евросоюза и зоны евро, по данным Европейской комиссии, обнародованным в ноябре 2025 г., составит 1,3% и 1,1% соответственно. Основной вклад в экономическую динамику внесли резкое оживление внешней торговли перед вступлением в силу американских тарифных ограничений, инвестиции, снижающаяся инфляция и увеличение доступности капитала в результате понижения ключевой ставки ЕЦБ.

Три крупнейшие экономики ЕС продолжают демонстрировать слабые темпы экономического роста с общим трендом на его дальнейшее небольшое оживление. Прогнозы о более быстром восстановлении экономического ядра Европы вновь не оправдываются. Германия по итогам 2025 г., как прогнозируется, должна выйти из периода спада – 0,2% роста ВВП. Внутреннее потребление, в первую очередь государственное, стало основным драйвером немецкой экономики. Возлагаются надежды и на меры правительства, эффект от которых в полной мере проявится в 2026 г., обеспечив экономике Германии более активное восстановление. Однако сохраняются проблемы в строительной сфере, ухудшение конкурентных позиций немецкого бизнеса в мире приводит к негативным эффектам в экспорте. Тарифная политика Д. Трампа остается значительным фактором неопределенности.

Франции не удается вырваться из начавшейся в 2022 г. полосы квази-стагнации, когда фактические темпы роста оказываются ниже потенциальных и колеблются вокруг низкой планки в 1% прироста ВВП в год. Важнейшим депрессивным фактором стала возросшая неопределенность экономического развития, которая оказывает, и, судя по всему, далее продолжит оказывать заметное воздействие на поведение хозяйственных субъектов. Ее важнейшим слагаемым является внутриполитическая нестабильность, проявившая себя после внеочередных парламентских выборов 2024 г. Их итоги обусловили формирование фрагментированного парламента, в котором исполнительной власти трудно находить большинство для успешной законодательной работы, и, как следствие, – правительственную чехарду. Сбои в бюджетном процессе вели к тому, что у предпринимателей и населения отсутствовало ясное представление об ожидающих их налоговых сборах и государственных средствах, поступающих к ним по многочисленным каналам экономического содействия и социального вспомоществования. Согласно оценкам, в 2025 г. отклонение вниз от

потенциального роста составило -0,3% ВВП из-за внутриполитической нестабильности и еще -0,3% ВВП в результате внешней неопределенности (обострение геополитической ситуации и тарифные войны).

Рост экономики Италии обеспечен увеличением частного потребления из-за возобновления роста доходов и ростом инвестиций, благодаря реализации плана восстановления. Однако, как и крупнейшие экономики ЕС, страна продолжает терять свои экспортные позиции. Испания, пройдя этап активного роста, войдет в период замедления. Здесь также проявились проблемы в экспортной сфере, а рост обеспечен частным потреблением и оживлением инвестиций.

Все страны Евросоюза преодолели снижение ВВП, однако слабая динамика все еще характерна для ряда государств: Австрии, Финляндии, Эстонии. На фоне роста инфляции, слабого внутреннего спроса и ограничений внешней торговли экономика Финляндии находится в сложном положении. В отличие от финской, шведская экономика сумела выйти на более устойчивую траекторию. Личное потребление стало основным драйвером роста ее ВВП в 2025 г.

Ирландия остается в числе наиболее динамично развивающихся европейских экономик. По итогам 2025 г. страна продемонстрирует очень высокие темпы роста ВВП, хотя и уступающие показателям 2010-х гг. Столь значительные показатели обеспечены как ростом частного потребления и государственных расходов, так и ростом инвестиций, особенно в строительство. Свою роль сыграл и экспорт, продолжающий динамично развиваться: ключевая его часть остается выведенной из-под тарифных ограничений США. Среди других стран, продолжающих демонстрировать ускоренный экономический рост, – небольшие экономики Южной Европы: Мальта, Кипр, Хорватия, Болгария, чей рост ВВП превысит планку в 3% по итогам 2025 г.

Доля трех крупнейших экономик ЕС в совокупном ВВП интеграционного объединения продолжают сокращаться. Уменьшается и доля зоны евро. Проблемы в финской экономике привели к тому, что в 2024 г. Португалия обогнала ее по объему ВВП. Более динамичными остаются страны восточного фланга – Польша, Чехия, Литва.

Превалирующая роль внутриблоковой торговли в рамках Евросоюза в условиях развития единого рынка и интеграционных процессов сохраняется, что в более яркой степени выражено в импортных потоках. После всплеска 2022 г. доля импорта ЕС извне продолжает сокращаться второй год подряд и по итогам 2024 г. достигла 38,4% общего импорта, что является одним из самых низких показателей за последние 15 лет. Наибольший прирост доли в импорте извне среди основных партнеров был характерен для Китая (21,3% импорта извне ЕС, + 0,7 п.п. по сравнению с 2023 г.), Вьетнама (2,3%, +0,4 п.п.), Индии (2,9%, +0,3 п.п..), Турции (4,0%, +0,2 п.п..). Позиции США остаются стабильными (13,8%, +0,0 п.п..). Великобритания продолжает находиться в рамках понижательной тенденции, начавшейся почти десятилетием ранее, – уже 6,7% импорта извне ЕС, -0,5 п.п.. Хотя итоги 2024 г. показали рост доли экспорта вне ЕС на 0,8 п.п. до 39,1% общего объема, сохраняется общая тенденция по снижению внеблоковой торговли в рамках экспортных потоков. Принимая во внимание текущую позицию американской администрации, резкого изменения трендов на

противоположные ожидать не стоит. Хотя итоги 2024 г. были оптимистичными: доля США увеличилась на 0,9 п.п. и достигла 20,6% экспорта вне ЕС. Остальные ключевые партнеры также демонстрировали позитивные изменения: Великобритания (+0,1 п.п., 13,2%), Швейцария (+0,1 п.п., 7,5%), Япония (+0,1 п.п., 2,6%). Турция сохранила свои позиции (+0,0 п.п., 4,4%), Китай же находится в сохраняющейся не первый год негативной динамике: -0,4% п.п. или 8,3% экспорта. Текущие тарифные и прочие торговые барьеры со стороны основных торговых партнеров ЕС будут способствовать сохранению уже сформированных тенденций во внеблоковой торговле в 2025–2026 гг., а также в целом влиять на экономическую динамику интеграционного объединения.

Таблица 14. Прогноз динамики ВВП и безработицы в ЕС

Страна	**Доля в ВВП ЕС, %**	**Динамика ВВП, %**			**Безработица, % экономически активного населения**		
	2024	2024	2025	2026	2024	2025	2026
Германия	24,1	-0,5	0,2	0,8	3,4	3,6	3,5
Франция	16,2	1,2	0,7	0,9	7,4	7,6	7,9
Италия	12,2	0,7	0,5	0,7	6,5	6,2	6,1
Испания	8,9	3,5	2,8	2,0	11,4	10,5	10,0
Нидерланды	6,2	1,1	1,7	1,3	3,7	3,9	4,0
Бельгия	3,4	1,1	1,0	1,0	5,7	6,0	6,1
Ирландия	3,1	2,6	11,1	3,2	4,3	4,6	4,7
Австрия	2,7	-0,7	0,4	1,0	5,2	5,7	5,5
Португалия	1,6	2,1	1,9	2,2	6,5	6,3	6,2
Финляндия	1,5	0,4	0,2	1,1	8,4	9,4	9,0
Греция	1,3	2,1	2,0	2,1	10,1	9,3	8,7
Зона евро – 20	***84,5***	***0,9***	***1,3***	***1,1***	***6,3***	***6,3***	***6,2***
Польша	4,7	3,0	3,3	3,2	2,9	2,9	3,1
Швеция	3,1	0,8	1,3	2,4	8,4	8,9	8,4
Дания	2,2	3,5	1,9	2,0	6,2	6,1	6,1
Румыния	2,0	0,9	0,8	1,3	5,4	6,0	5,8
Чехия	1,8	1,2	2,4	2,1	2,6	2,7	2,6
ЕС-27	***100***	***1,1***	***1,4***	***1,3***	***5,9***	***5,9***	***5,9***

Источник: данные за 2024 г. – Евростат, прогноз 2025 и на 2026 гг. – ИМЭМО РАН.

Декларированное администрацией Д. Трампа намерение повысить таможенные тарифы сразу же увеличило неопределенность экономического развития. Заключение соглашения между ЕС и США сняло эту неопределенность и позволило избежать разрушительных последствий торговой войны. В то же время ухудшились условия для европейских экспортеров, поскольку соглашение включало в себя одностороннее увеличение взимаемых с них таможенных пошлин, что подразумевает разную степень влияния на европейские страны. В частности, для французских товаров рост пошлин составил примерно 10%. Прямые негативные последствия односторонних уступок в торговом противостоянии оцениваются как незначительные для Франции: -0,13% ВВП за 2025–2026 гг. Дело в том, что вес США во

французском экспорте невысок (5-7%), а главная его составляющая – продукция аэрокосмической промышленности, вина и алкогольные напитки, фармацевтические товары и предметы косметики, выведены за рамки тарифных ужесточений.

Экономика Евросоюза все еще не вышла на устойчивый тренд. Промышленное производство подвержено негативным процессам, цены производителей продолжают расти. Переключение экономик на военные рельсы как один из способов и надежд на оживление экономического роста в целом и промышленности в частности не происходит. Вопрос банкротств, хотя и ослаб, но не исчез из европейской экономической повестки. С другой стороны, Евросоюзу удалось продемонстрировать некоторое оживление динамики производительности труда, хотя говорить об устойчивости подобного тренда и переходе к уверенному росту пока преждевременно. Положительный импульс хозяйственной динамике придает денежная политика. Вслед за многократным снижением ставок ЕЦБ последовало снижение процентов по кредитам коммерческих банков. Однако в некоторых европейских экономиках сохраняются препятствия по снятию прежних ограничений. В частности, во Франции передаточный механизм денежной политики работал со сбоями, поскольку ставки по долгосрочным долговым обязательствам в должной мере не снижались, что связывают с сохранением жестких условий размещения правительственных облигаций. В результате условия кредитования реального сектора улучшились меньше, чем можно было бы ожидать.

Дефицит финансовых ресурсов и их перераспределение среди приоритетов ЕС остается одной из актуальных проблем интеграционного объединения. Разбалансировка финансов, вызванная экстренными потребностями, включая военные цели, на фоне политической нестабильности в некоторых крупных европейских экономиках сохраняется, а в ряде направлений усугубляется. Государственный долг продолжает расти: в среднем по ЕС в 2025 г. он составит 82,8%, в зоне евро – 88,8%. В 2026 г. ожидается дальнейшее увеличение: до 83,8% и 89,8% соответственно. Согласно оценкам Еврокомиссии, средневзвешенный бюджетный дефицит составит 3,3% в Евросоюзе и 3,2% в зоне евро с последующим ростом в 2026 г. до 3,4% и 3,3% соответственно. Годом ранее еще прогнозировалось его снижение, однако реализуемая политика ЕС в отношении политических приоритетов продолжает сказываться на экономике и состоянии финансов. На страновом уровне наиболее сложная ситуация в государственных финансах характерна для Бельгии и Франции. Из-за расстройства финансов совокупного правительства, выражающегося в сохранении крупных бюджетных дефицитов и нарастании государственного долга, французские власти вынуждены вопреки вялой конъюнктуре следовать курсу на бюджетное оздоровление. По оценкам, стабилизация правительственной задолженности на нынешнем высоком уровне (115% ВВП) потребует не менее 100 млрд евро бюджетной экономии в ближайшие годы.

«Инфляционный кризис» в Евросоюзе практически завершен, хотя динамика остается неустойчивой. По итогам 2025 г. инфляция возрастет на 0,3 п.п. и составит 2,9%, благодаря ее росту в 15 странах-членах на фоне интенсивного сокращения во Франции и таких небольших экономиках, как Бельгия и Кипр. Во Франции в текущем году решающую роль в «инфляционной разрядке» сыграло снижение цен на энергоресурсы, в дальнейшем низкий уровень инфляции будет обеспечиваться ее базовыми показателями в результате замедления роста зарплат. Повышенный уровень инфляции остается в Прибалтике и Восточной Европе: Румыния – 6,7%, Эстония – 4,8%, Венгрия – 4,5%. Основной вклад в рост цен в ЕС вносят

услуги и продовольственная составляющая, однако их регулирование приведет к вероятному снижению инфляции в 2026 г.

Рынок труда Евросоюза продолжает демонстрировать относительную стабильность. Лидерами, сохраняющими низкую норму безработицы, являются Чехия, Мальта, Польша, Словения, Болгария, Германия, Нидерланды. Рост показателей характерен для 13 стран-членов. Во Франции к сокращению занятости в результате роста увольнений и резкого замедления найма подталкивает и вялый спрос, и выжидательная позиция бизнеса, диктуемая возросшей неопределенностью. К этому добавляются изменения в поведении предпринимателей, которые после стремительного пост-ковидного подъема стали ориентироваться в первую очередь на повышение производительности труда. Одновременно режим бюджетной экономии сокращает объемы государственной поддержки занятости через субсидируемые трудовые контракты, финансирование системы ученичества на предприятиях и др. Полюсами нестабильности и социальной напряженности продолжают оставаться представители Южной Европы, где проблемы остаются нерешенными уже долгие годы, – Греция, Испания, а также присоединившиеся к ним в последние годы скандинавские страны – Швеция и Финляндия. С точки зрения молодежной безработицы сложная ситуация наблюдается в тех же странах, кроме того, в 2025 г. положение усугубилось в Прибалтийских республиках, Кипре, Словакии, Финляндии, Люксембурге.

Начавшиеся восстановительные процессы в сфере ПИИ оказались неустойчивыми. Отсутствие ресурсов для активного восстановления с сохраняющимися украинским кризисом и обострением отношений с США не могли не сказаться на доверии инвесторов. Уже по итогам 2024 г. объемы накопленных ПИИ в ЕС сократились на 3,3%. Сам Евросоюз также сократил свою инвестиционную активность на 2,3%. Уже четвертый год подряд накопленные ПИИ в ЕС и из него не могут восстановиться до уровня 2020 г. Усиление разногласий с США, включая увеличение ограничительных мер, вероятно, смогут перевесить позитивные экономические ожидания в отношении перспектив европейской экономики. Ситуации в сфере ПИИ в Евросоюзе останется, скорее всего, нестабильной.

Хотя ЕС удается наращивать темпы роста ВВП, они все равно являются недостаточными для решения всех его амбициозных задач. На фоне сохраняющихся долгосрочных препятствий, включая нехватку квалифицированных кадров, дисбалансы в инновационном развитии и структурную перестройку, Евросоюз продолжает находиться в условиях значительной неопределенности, в том числе в силу политики американской администрации. Политические приоритеты сохраняют влияние на экономику, и зачастую в негативном ключе. Ожидания же положительных эффектов, в частности позитивного влияния на экономику военных расходов, пока преждевременны.

Соединенное Королевство

Промежуточные итоги правления лейбористской партии, победившей на выборах 2024 г., указывают на то, что ей пока не удается реализовать предвыборные обещания: обеспечить максимальный среди стран «Группы семи» рост ВВП, переломить негативные тенденции в экономике и стабилизировать государственные финансы.

Динамичное начало 2025 г. было обусловлено двумя основными факторами: 1) значительным ростом государственных расходов, о котором было объявлено в первом лейбористском бюджете, и 2) резким увеличением экспорта накануне ожидавшегося повышения американских пошлин. Прирост ВВП в I и II кварталах составил 0,7% и 0,3%, соответственно. Несмотря на то что результаты I квартала превзошли ожидания, полностью преодолеть негативные тенденции и выйти в лидеры «Группы семи» не удалось. Во втором полугодии наметились признаки ослабления деловой активности, сокращения спроса на рабочую силу и усиления инфляционного давления.

Среди инфляционных факторов следует отметить увеличение взносов работодателей в фонд государственного социального страхования и повышение общенационального уровня минимальной заработной платы. Фиксируемый статистическим ведомством рост цен – в сентябре 2025 г. он составил 3,8% – не только является самым высоким среди ведущих стран мира, но и существенно превышает целевое значение инфляции в 2%, на которое ориентируется Банк Англии. Неспособность Банка Англии удерживать инфляцию вблизи целевого уровня вызывает рост инфляционных ожиданий, подрывает авторитет монетарных властей и усложняет монетарную политику.

Более жесткое регулирование рынка труда посредством значительного повышения минимального размера заработной платы и расширения прав работников за счет работодателей (законопроект, принятие которого ожидается в 2026 г.) негативно отражается на развитии малого и среднего бизнеса, ведет к росту издержек на рабочую силу и, как следствие, сокращению вакансий и повышению безработицы, особенно среди лиц без опыта работы. Так, с июля по сентябрь 2025 г. общее количество вакансий снизилось на 14%, по сравнению с предыдущим годом, и оказалось почти на 10% ниже, чем до пандемии (в январе–марте 2020 г.). Уровень безработицы в июне–августе 2025 г. вырос на 0,7 п.п. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года и составил 4,8%. Доля молодых лиц, которые нигде не учатся, не работают и не стажируются (категория NEET) достигла 12,8% от общей численности молодежи 16-24 лет.

Ситуация, в которой экономика не демонстрирует устойчивого роста, инфляция растет, а рынок труда охлаждается, предъявляет жесткие требования к состоянию государственных финансов. Эта ситуация вынуждает Казначейство искать варианты ограничения расходов и повышения доходов для того, чтобы сократить дефицит бюджета и избежать роста заимствований. Потребность в повышении бюджетных доходов реализуется, вопреки предвыборным обещаниям, путем роста страховых взносов и замораживания порогов подоходного налога, а также увеличения налогов на капитал. Тем не менее, согласно оценке рисков, опубликованной Управлением бюджетной ответственности в середине 2025 г., состояние государственных финансов остается «уязвимым» (*‘vulnerable’*), а прогнозы – «пугающими» (*‘daunting’*). По размеру государственного долга относительно ВВП – 94% – Британия входит в шестерку стран с наиболее высокими показателями. Правительство вынуждено тратить огромные средства только для того, чтобы выплачивать проценты по своим обязательствам. Проблема усугубляется тем, что сомнения инвесторов в финансовой устойчивости страны выражаются в периодической распродаже государственных бумаг.

Повышение налогов и ухудшение делового климата усиливает миграцию состоятельных лиц и принадлежащих им капиталов в другие юрисдикции. По оценке Henley & Partners, крупнейшей в мире консалтинговой компании по вопросам получения гражданства за инвестиции, в 2025 г. из Соединенного Королевства уедут 16,5 тыс. долларовых миллионеров (рекордное количество среди всех стран), чьи ликвидные инвестиционные активы составляют около 66 млрд ф. ст.. Пессимистичные настроения разделяет и корпоративный сектор. Индекс экономической уверенности руководителей британских компаний в сентябре 2025 г. упал до минимального значения с начала расчета показателя в июле 2016 г. Среди причин называется рост издержек на фоне повышения налогов и усиления регулирования и отсутствие мер по поддержке экономического роста.

На этом фоне набирает популярность партия «Реформировать Соединенное Королевство» Н. Фараджа. Экономическая программа «реформистов» включает стимулирование роста, сохранение программ социальной поддержки населения, увеличение расходов на оборону и пр. при сокращении налогов на личные доходы, капитал и прибыль корпораций. Компенсировать выпадающие доходы предполагается за счет отказа от финансирования проектов по переходу к климатической нейтральности и распространению принципов *DEI* (разнообразия, равенства и инклюзивности), сокращения расходов на «кванги» (полуавтономные неправительственные организации) и содержание мигрантов.

Что касается перспектив британской экономики в 2026 г., то проблематичность дальнейшего увеличения государственных расходов и потребность в очередном повышении налогов станут факторами, которые будут сдерживать экономический рост. Охлаждение экономической конъюнктуры и ухудшение делового климата будет сопровождаться повышением безработицы и ослаблением инфляционного давления.

Таблица 15. Прогноз динамики ВВП и безработицы в Соединенном Королевстве

Динамика ВВП, %			**Безработица, % экономически активного населения**		
2024	2025	2026	2024	2025	2026
1,1	1,3	0,9	4,3	4,7	5,0

Источники: данные за 2024 г. – Office for National Statistics, 2025 и 2026 гг. – прогноз ИМЭМО РАН.

Согласно опросам, состояние экономики остается одной из важнейших тем, волнующих британцев. Как следствие, неспособность справиться с экономическими проблемами становится значимым фактором падения популярности лейбористской партии, правительства и лично К. Стармера.

Соединенные Штаты Америки

2025 год стал для экономики США годом неопределенности, причем практически исключительно из-за внутриполитических факторов. Согласно данным Бюро экономического анализа, рост реального ВВП составил 2,5% в 2022 г., 2,9% в 2023 г. и 2,8% по итогам 2024 г. В I квартале 2025 г. произошел спад в размере 0,6%, после которого во II квартале ВВП вернулся к росту в размере 3,8%. Основной причиной для такого скачка стало увеличение импорта в связи с ожиданиями введения пошлин новой администрацией Белого дома. Компании-импортеры увеличили ввоз товаров в США с 841,8 млрд долл. в IV квартале 2024 г. до 1 трлн долл. в I квартале 2025 г. Во II квартале компании распродавали ввезенные до повышения пошлин товары, и импорт снизился до 820,2 млрд долл. Таким образом, спад в I квартале 2025 г. связан с перераспределением импортных потоков во времени и не представляет собой настоящее сокращение экономической активности.

Протекционистская политика Д. Трампа стала одним из главных источников неопределенности в экономике. Резкое увеличение пошлин для практически всех торговых партнеров США 2 апреля 2025 г. не было неожиданностью, о чем свидетельствует вышеупомянутое поведение импортеров. На протяжении всего года администрация то приостанавливала, то заново вводила пошлины в зависимости от готовности отдельных стран идти на уступки в двухсторонних отношениях с США. Отсутствие возможности прогнозировать свои расходы создавало дополнительные проблемы для импортеров. Возросшие затраты импортеры будут перекладывать в потребительские цены. По данным Бюро статистики труда (БСТ), на сентябрь 2025 г. годовая общая инфляция составляла 3%, в то время как рост цен на потребительские товары за вычетом продовольствия и топлива составил 1,5%. Рост цен на данную категорию товаров оставался скромным на протяжении всего рассматриваемого периода, из чего следует, что пошлины пока не перешли в потребительские цены. Вместе с тем индекс импортных цен колебался от 0% г/г в апреле 2025 г. до -0,6% г/г в июне 2025 г. и затем снова 0% в августе. Согласно методологии БСТ, данный индекс рассчитывается до применения пошлин, из чего следует, что часть издержек все-таки взяли на себя экспортеры, но большую часть пошлин оплатили импортеры, что отразилось на прибыли компаний, которая в I квартале 2025 г. снизилась на 47,8 млрд долл., а во II квартале возросла всего на 6,8 млрд долл. В дальнейшем способность компаний переложить издержки по повышению пошлин в розничные цены будет зависеть от платежеспособности американского потребителя.

Реальные потребительские расходы росли в I квартале 2025 г. на 0,6% г/г, во II квартале 2025 г. на 2,5% г/г. Рост расходов на товары, 0,2% и 2,2% соответственно, был меньше, чем рост на услуги – 0,8% и 2,6%. Рост потребительских расходов был слабее, чем за аналогичные периоды 2024 г. По данным БСТ на сентябрь 2025 г. отсутствовал реальный рост среднего почасового заработка. Индекс потребительской уверенности Мичиганского университета, после небольшого роста с 70,8 в ноябре 2024 г. до 72,5 в январе 2025 г., снизился до 53,8 в мае 2025 г. и больше до уровня января не повышался. Одновременно с этим, согласно данным Федерального резервного банка Атланты, номинальные зарплаты нижнего квартиля по доходам упали на 1,3% г/г, в то время как у верхнего квартиля выросли на 14,5%. По сути, массовый потребитель чувствует себя хуже, а рост потребления происходит исключительно у самых состоятельных домохозяйств. Это выражается в том числе и такими косвенными

факторами, как рост просроченных платежей по кредитным картам и автокредитам, до 4,03% и 3,88% соответственно на сентябрь 2025 г. Это все еще ниже максимума 2009 г., когда процент просроченных платежей по кредитным картам достигал 7,17% и по автокредитам – 4,57%. Однако есть основания полагать, что текущая статистика по просроченным платежам занижена. Во-первых, банки сознательно продлевают сроки выплаты по кредитам, чтобы не заявлять по ним просрочек. Практика изначально применялась в области ипотеки на коммерческую недвижимость, однако затем получила распространение и в отношении автокредитов. Во-вторых, в последние годы особую популярность набрали сервисы покупок в рассрочку, которые, в отличие от кредитных карт, не требуют определенного уровня кредитного рейтинга и не отчитываются перед регулятором о просрочках и дефолтах. Таким образом, статистика по проблемным потребительским кредитам оказывается искажена.

Усугубление неравенства потребления еще само по себе не несет рисков рецессии в 2026 г., в некотором смысле это нормальное состояние для американской экономики по меньшей мере с 1980-х. Однако если администрация продолжит использовать импортные пошлины как инструмент достижения уступок по любым вопросам, а не как инструмент исключительно торговой политики, то продолжающаяся неопределенность вероятнее всего пагубно скажется на совокупном предложении. В результате может последовать увеличение цен на товары народного потребления там, где спрос неэластичен, и к падению потребления там, где спрос эластичен. Агрегированный эффект воздействия на уровень цен, таким образом, может оказаться нейтральным. Вместе с тем США уже достигли соглашений со многими ключевыми торговыми партнерами, и многие пошлины и ограничения были сняты или отложены. В отсутствие резкой смены курса есть еще вероятность, того, что экономический эффект от пошлин окажется более скромным, чем эффект политический.

Одной из заявленных целей введения пошлин было наполнение федерального бюджета и сокращение его дефицита. Всего за фискальный 2025 год, закончившийся 30.09.2025, было собрано 195 млрд долл. пошлин, что на 118 млрд долл. больше, чем в фискальном 2024 г. По оценками Бюджетного управления Конгресса (БУК), в своем нынешнем виде пошлины помогут сократить дефицит федерального бюджета на 3 трлн долл. с 2025 по 2035 гг. Одновременно с этим принятое в 2025 г. налоговое законодательство увеличит за тот же период дефицит федерального бюджета на 3,8 трлн долл. Иными словами, согласно расчетам БУК совокупность введения пошлин и понижения налогов еще может благоприятно отразиться на экономическом росте, но к снижению дефицита бюджета не приведет. В свою очередь, растущий дефицит федерального бюджета будет оставаться катализатором между- и внутрипартийных противоречий, которые привели 1 октября 2025 г. к самой длительной в истории приостановке работы федерального правительства. 12 ноября в результате компромисса работу правительства удалось возобновить, однако финансирование работы правительства удалось продлить лишь до 30 января 2026 г., и сохраняется риск новой приостановки.

Сами по себе приостановки представляют больше проблему политическую, нежели экономическую: согласно анализу БУК, большая часть потерь ВВП во время приостановки восполняема после возобновления работы правительства. Однако растущий дефицит федерального бюджета является причиной роста доходности долгосрочных гособлигаций, а вместе с ней стоимости рефинансирования госдолга. В результате повышения ставок со

стороны ФРС, доходность 10-летних гособлигаций выросла с 2,32% в марте 2022 г. до 4,69% в апреле 2024 г. В течение 2025 г. доходность долгосрочных гособлигаций продолжала держаться выше 4%, в связи с чем С. Бессент, глава Казначейства во второй администрации Трампа, был вынужден рефинансировать долг краткосрочными облигациями и векселями – подход, за который он сам в свое время критиковал своего предшественника в предыдущей администрации, Дж. Йеллен. В свою очередь, для ФРС растущая по мере замещения облигаций, выпущенных во время пандемии COVID-19, стоимость обслуживания долга ставит перед необходимостью выбора, какой из трех мандатов ФРС является приоритетным, так как полная занятость, скорее всего, будет не доступна при таргетировании инфляции, и наоборот. Если новый глава ФРС, который придет в 2026 г. на смену Джерому Пауэллу, будет ставить фискальные приоритеты выше ценовой стабильности – а именно такого главу хочет назначить Трамп – то долговые рынки могут отреагировать еще большей премией по доходности долгосрочных облигаций, усугубляя проблемы администрации с рефинансированием долга. В 2026 г., таким образом, основным экономическим риском, проистекающим из уровня дефицита бюджета федерального правительства, будет не возможная приостановка его деятельности, а риск потери ФРС возможности проводить независимую монетарную политику.

Наконец, еще одним источником риска для экономики США может стать пузырь в акциях технологических компаний. Ключевым драйвером экономического роста в 2025 г. стали инвестиции крупных технологических корпораций в инфраструктуру искусственного интеллекта. За первое полугодие связанные с ИИ инвестиции обеспечили порядка 1,1 процентных пункта в росте ВВП. Компании Google, Microsoft и Amazon постоянно повышают уровень запланированных вложений в ИИ. Почти 30% от индекса S&P 500 составляют компании, связанные с ИИ, и большая часть роста фондового рынка пришлось именно на эти компании. Однако есть риск, что объем инвестиций в ИИ значительно превышает тот доход, который эта технология способна обеспечить инвесторам, и пока что ни одна из компаний, осуществляющих эти вложения, не продемонстрировала успешную коммерциализацию этой технологии. Пока компании тратили собственные средства на расширение инфраструктуры ИИ этот риск касался только возможной коррекции на фондовом рынке. К концу 2025 г., однако, технологические компании стали выходить на рынок корпоративных облигаций и увеличивать свою долговую нагрузку. В перспективе это может грозить необходимостью реструктуризации долгов технологических гигантов, если в 2026 г. окажется, что ИИ действительно слабо коммерциализируемая технология, и происходящее на фондовом рынке – надувающийся пузырь. В 2025 г. правительство уже приобретало акции компании Intel, и возможно, что при самом неблагоприятном развитии событий дело дойдет до национализации. Впрочем, пока что соотношение активов к пассивам у этих компаний еще хорошее (28% у Alphabet, 43% у Microsoft, 49% у Amazon), и вероятнее всего 2026 г. станет для них еще одним годом роста.

Вероятно, в 2026 г. продолжится тренд по преобладанию политических рисков над экономическими. Протекционизм и навязывание регулятору фискального доминирования представляют большую угрозу экономическому росту США, нежели рыночная конъюнктура или даже финансовые рынки. Единственный чисто экономический риск технологического пузыря в сфере ИИ в 2026 г., скорее всего, будет далек от реализации. В конце 2026 г. смена

партийного контроля над одной или обеими палатами Конгресса, которая вполне вероятна, с одной стороны, еще больше усложнит положение администрации Белого дома, с другой стороны, сильнее ограничит свободу ее действий. Это в совокупности с фискальным стимулированием от снижения налогов 2025 г., которое в 2026 г. станет ощущаться в полной мере, возможно, сможет к началу 2027 г. обеспечить возвращение республиканцам часть потерянной в 2025 г. популярности.

Япония

Японская экономика вступает в 2026 год с привычным багажом фундаментальных проблем и медленно меняющихся подходов к практической экономической политике.

К числу первых относятся, в первую очередь, напряженная ситуация на рынке труда; недостаточный уровень внутренних корпоративных инвестиций; нестабильность потребительских настроений; хроническая несбалансированность государственного бюджета и неоднозначное наследие денежно-кредитной политики предшествующих периодов.

Практически все эксперты уже длительное время называли ситуацию на рынке труда едва ли не главным ограничителем роста японской экономики. В последние годы это положение перекочевало и в правительственные документы, которые ранее, в 2010-е гг., видели основные проблемы, скорее, на стороне спроса и делали упор на преодоление дефляции, оживление потребительского оптимизма и запуск восходящей спирали роста цен, доходов и платежеспособного спроса.

Малая результативность политики стимулирования экономического роста посредством кредитно-денежной и фискальной экспансии заставила правительственных экономистов переместить фокус внимания на ограничители со стороны предложения, и в первую очередь дефицит трудовых ресурсов, особенно актуальный с учетом качественных характеристик и способности адаптации к меняющимся требованиям. Снижение численности населения, «старение» его возрастной структуры, профессиональная и психологическая негибкость основного контингента занятого населения и фрагментированность рынка труда (наличие явных и неявных барьеров для смены работодателя и формы найма) не позволяют бизнесу оперативно откликаться на рост спроса увеличением занятости и оплаты труда. С другой стороны, политические соображения и институциональные ограничения сдерживают привлечение иностранной рабочей силы, не позволяя быстро расширять ее предложение в тех сегментах, где ее дефицит ощущается особенно остро. Консенсус относительно необходимости реформировать рынок труда и систему профессиональной подготовки пока не привел к решительным мерам, хотя и позволил значительно увеличить государственные программы в этой области. В нынешнем же виде японский рынок труда слабо реагирует на дополнительные стимулы в виде административно продавливаемого повышения норм оплаты и налоговых льгот, не обеспечивая ни расширения предложения, ни желаемого повышения производительности и качества.

Другим существенным ограничителем со стороны предложения остается вялая внутренняя инвестиционная активность японских корпораций, которые в последние десятилетия фокусируют свою стратегию на освоении внешних рынков с использованием зарубежных инвестиций. При высокой насыщенности внутренних рынков и дефиците трудовых ресурсов, в том числе высокомобильных и способных к быстрому самообучению молодых специалистов, даже обилие дешевых кредитных ресурсов слабо стимулировало расширение внутреннего производства. Одновременно инертность кредитных учреждений и институтов инвестиционного финансирования сдерживали развитие независимых стартапов и других форм высокорискового инновационного бизнеса. Желаемый переток капитала и экономической активности в перспективные и высокорентабельные сегменты по-прежнему

протекает трудно и не сопровождается прорывом на новые высокотехнологичные международные рынки. Изменения в структуре экспорта происходят очень медленно, что порождает беспокойство за будущую международную конкурентоспособность японской экономики.

Наконец, последние годы усугубили опасения, связанные с несбалансированностью государственного бюджета в условиях максимального среди развитых экономик размера государственного долга по отношению к ВВП[23]. Долгое время этот долг оставался, хотя и крупным, но необременительным в обслуживании, в частности благодаря тому, что центральный банк (Банк Японии), будучи крупнейшим покупателем госдолга, удерживал доходность долгосрочных государственных облигаций почти на нулевом уровне. Это было частью государственной стратегии активной бюджетной и кредитно-денежной экспансии, предполагавшей скорый запуск механизмов самоподдерживающегося роста, которые бы сняли долгосрочные бюджетно-финансовые и инфляционные риски.

Однако соответствующие предположения так и не реализовались, а ускоренный рост денежной массы как следствие активной скупки Банком Японии выпускаемых правительством облигаций создал высокорисковый фон, отчетливо проявившийся в 2025 г. Существенное ослабление иены, вызванное продолжающимся на фоне разницы в процентных ставках оттоком краткосрочного капитала, подогрело инфляцию, которая более 40 месяцев подряд превышает декларируемый Банком Японии 2%-ный целевой уровень. Высказываемые монетарными властями предположения, что рост цен в большой мере связан с непредсказуемыми внешними факторами, а монетарная инфляция остается под жестким контролем, выглядят все менее правдоподобными. Соответственно, нарастает давление в пользу ужесточения кредитно-денежной политики.

Объявленное Банком Японии некоторое повышение порога регулируемой доходности облигаций и, соответственно, уровня процентных ставок на денежном рынке, не оказало существенного воздействия на общую ситуацию. В то же время более резкое повышение ставок грозит обернуться весомым увеличением стоимости обслуживания государственного долга в долгосрочной перспективе. Отказаться же от дефицитного финансирования государственных расходов и дальнейшего наращивания долга правительство в сколь-либо обозримой перспективе не сможет в силу неотвратимости роста социальных расходов и твердого намерения увеличить темпы дорогостоящего военного строительства.

В этих условиях низкие темпы роста ВВП, вот уже три десятилетия являющиеся особенностью экономической динамики в Японии, представляются малоприятной, но объективно обусловленной характеристикой экономики сейчас и на ближайшие годы. Ожидаемые результаты 2025 г. будут немного лучше, чем зафиксированный в 2024 г. прирост ВВП в пределах статистической погрешности – 0,2%, но и однопроцентный рост в годовом выражении выглядит реалистичным порогом для ожидаемой динамики в 2025–2026

[23] Объем совокупного государственного долга в Японии, согласно методологии МВФ, учитывающей задолженность региональных органов власти и фондов социального обеспечения, в 2025 г. превышала 250% ВВП – вдвое больше, чем в США. Приблизительно две трети долга центрального правительства аккумулируется на балансе Банка Японии.

гг.[24] Учитывая достигнутый Японией уровень, качество роста в 1% может быть достаточно высоким, но на фоне текущих результатов американской экономики, равно как и успехов ряда быстрорастущих азиатских экономик, такой результат выглядит скромно.

Одновременно возможности более энергичного стимулирования экономики методами из нынешнего арсенала японских правительственных кабинетов весьма ограничены, а радикальной смены инструментария не ожидается, даже с учетом смены в октябре 2025 г. главы правительства и конфигурации проправительственной коалиции. Вопреки рассуждениям о высокой вероятности нового витка бюджетной экспансии, занявшая премьерское кресло С. Такаити крайне осторожно формулирует свои намерения в этой области, подтверждая преемственность экономического курса не столько по отношению к политике своего бывшего босса и наставника, автора «абэномики» С. Абэ, сколько к методам двух предшествующих кабинетов. Соответственно, в основе ее публичной политики, скорее всего, будут не столько меры для расширения совокупного спроса, сколько «поддержка и защита» экономически уязвимых слоев населения от негативных внешних шоков, угрожающих жизненному уровню.

Реально эти меры будут сведены к точечной поддержке некоторых категорий домохозяйств и мелкого бизнеса субсидиями и/или налоговыми льготами, или, возможно, разовыми денежными пособиями. Возможна отмена временных дополнительных акцизов на моторное топливо, а также уменьшение платного компонента образовательных и медико-социальных услуг населению. Все эти меры будут традиционно оформлены в виде пакета дополнений к текущему бюджету. Однако размеры дополнений, равно как и параметры бюджета на 2026/2027 фин. год, будут ограничены возможностями дополнительных заимствований, учитывая, что никакие масштабные налоговые новации, способные существенно увеличить доходную часть бюджета, пока не обсуждаются.

Менее рекламируемая часть мер будет включать в себя изменения в порядке налогового учета и обложения отдельных статей расходов бизнеса, в том числе крупных корпораций; в правилах найма и увольнения работников; дальнейшую институционализацию новых практик и форм занятости, а также использования труда иностранцев. Акцент на институциональные изменения и содействие бизнесу административными рычагами позволит избежать новых крупных финансовых обязательств государства, нежелательность которых подчеркивают близкие к мейнстримным политикам эксперты-экономисты.

Что же касается денежно-кредитной политики, то новый кабинет вряд ли будет активно идентифицировать себя с той или иной линией монетарных властей, ограничиваясь общим призывом к Банку Японии аккуратно подходить к определению приоритетов и избегать резких движений и пересмотров ориентиров. Скорее всего, причастные к этой сфере ведомства будут способствовать плавному и поэтапному ужесточению денежной политики и сворачиванию активной скупки госдолга центральным банком, даже если это будет сопровождаться ростом стоимости обслуживания долга.

[24] Официальный прогноз реального прироста ВВП на 2025 фин. год (апрель 2025 г. – март 2026 г.), уточненный в середине 2025 г., составляет 0,7%, на 2026 фин. год (апрель 2026 г. – март 2027 г.) – 0,9%.

Новым и весьма сложным вызовом будет регулирование торгово-инвестиционного режима в отношениях с США. Ушедший в октябре 2025 г. в отставку кабинет С. Исибы смог договориться с командой Д. Трампа об ограничении введенных американской администрацией таможенных пошлин на импорт японских товаров универсальной 15%-ной ставкой, однако согласился на ряд дополнительных условий в виде увеличения импорта из США по ряду позиций и финансирования инвестиций в базовые и инфраструктурные отрасли американской экономики на сумму 550 млрд долл. В 2026 г. японскому правительству придется конкретизировать и детализировать согласованные понимания, носящие рамочный и во многом неопределенный характер. Это тем более актуально, если учесть, что американская сторона открыто заявила, что может пересмотреть заявленные условия, если сочтет японские усилия по выполнению своих обязательств недостаточными. Пересмотр согласованных позиций может означать дополнительные потери для японских экспортеров в США, которые и без того оцениваются ими миллиардными (в долл. США) суммами. Несмотря на критические высказывания по поводу сделанных предшествующим кабинетом уступок и принятых обязательств, глава нового правительства будет вынуждена приспосабливаться к стилю и требованиям Д. Трампа и его администрации, с тем чтобы минимизировать потери и сохранить позиции японских компаний на американском рынке. Корпорации, наиболее заинтересованные в сбыте своих товаров на этом рынке, уже начали корректировку своих инвестиционных программ в сторону увеличения вложений в производственные активы на территории США.

Одновременно уменьшаются стимулы для работы японских компаний в Китае. Учитывая идеологический профиль нового премьера, следует ожидать усиленного акцента на экономическую безопасность, включая реорганизацию торгово-производственных цепочек с их максимально возможной локализацией и снижением присутствия в них политически рискованных юрисдикций, главной из которых в последние годы называется КНР. До массового исхода японского бизнеса из Китая ситуация пока не доходит, но политические ограничители проступают все более отчетливо.

Характерно также, что тема экономической безопасности как важнейшего приоритета трактуется все более расширительно. Система мер на этом направлении разрастается за счет профилактики преступлений в киберпространстве, детализации массива и категорий охраняемых интеллектуальных прав собственности, противодействия краже технологий и неконтролируемому сбору цифровой информации. Ужесточается и контроль за хозяйственной активностью в Японии иностранных субъектов, прежде всего в «серой зоне» и в чувствительных областях.

Китай

В 2025 г. экономическое развитие Китая происходило в условиях разнонаправленных тенденций и многочисленных факторов риска в части возможности поддержания устойчивого и сбалансированного роста в 2026 г.

По итогам первых трех кварталов 2025 г. ВВП КНР вырос на 5,2% (при росте на 4,8% в аналогичном периоде прошлого года) при установленном годовом целевом ориентире около 5%. В III квартале 2025 г. темпы роста замедлились до 4,8% (в I и II кварталах – 5,4% и 5,2% соответственно). Показатель роста в III квартале оправдал прогноз МВФ, а также ожидания аналитиков, опрошенных Trading Economics.

На экономическую динамику в Китае оказывают давление как циклические факторы (низкий внутренний спрос, многолетний кризис сектора недвижимости, отток капитала), так и долгосрочные, системные проблемы: чрезмерная доля накопления капитала в структуре ВВП, высокий уровень расширенного госдолга (провинциальные правительства и местные органы власти) и корпоративного долга, структурная безработица (среди молодежи), начавшийся демографический кризис (старение и сокращение численности населения).

Все больше экономистов рассматривают низкий удельный вес конечного потребления в структуре ВВП как признак долгосрочной неустойчивости экономической модели Китая. По данным Всемирного банка (ВБ), уровень потребления домохозяйств в КНР составляет около 40% ВВП (в США – около 70% ВВП).

В промышленности на протяжении 2025 г. в целом наблюдалась разнонаправленная динамика. Однако по итогам октября 2025 г. индекс промышленного производства (PMI) снизился до 49 п. – минимального значения с апреля и оказавшегося ниже прогнозов (консенсус-прогноз Reuters составлял 49,6 п.).

Как и в экономике в целом, динамика промышленности существенно снизилась во второй половине 2025 г. В летние месяцы это во многом было обусловлено неблагоприятными погодными условиями и неопределенностью относительно возможности достижения торговых договоренностей с США. Начиная с осени к факторам торможения промпроизводства добавились падение инвестиций и внутреннего спроса (что нашло объективное отражение в статистике капиталовложений в основные фонды и розничных продаж). Так, августовские темпы роста промпроизводства в 5,2% (против 5,7% в июле и 6,8% в июне) не только оказались значительно ниже прогнозов (5,8%), но и стали минимальными за год.

Вместе с тем главным драйвером роста экономики в 2025 г. выступал экспорт. За десять месяцев 2025 г. его объем вырос на 5,3% до 3,1 трлн долл., импорт же снизился на 0,9% до 2,1 трлн долл. Однако ближе к концу года и этот показатель оказался под давлением. Так, в октябре экспорт сократился на 1,1% (вопреки прогнозам роста на 3% после увеличения на 8,3% в сентябре) до минимального значения за восемь месяцев.

В частности, поставки Китая в США в октябре 2025 г. обрушились на 25,2%, в Республику Корея – на 13,1%, в Японию – на 5,7%. Экспорт же в страны АСЕАН увеличился на 11%, в ЕС – на 0,9%, в Австралию – на 5,8%.

На общем проблемном фоне китайской экономики нарастает такая негативная тенденция, как чистый отток капитала из страны. Так, объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Китай в 2024 г. сократился на максимальные с 2008 г. 27% до 115 млрд долл. Вместе с тем чистый отток ПИИ по итогам 2024 г. достиг 168 млрд долл. (против 142 млрд долл. годом ранее) – худший показатель с 1990 г. В 2025 г. только в июле зафиксирован рекордный с 2010 г. месячный чистый отток капитала в размере 58,3 млрд долл.

Еще одна назревающая структурная проблема китайской экономики – это дефляционное давление. За десять месяцев 2025 г. индекс потребительских цен (показатель инфляции) снизился на 0,1% против роста на 0,2% по итогам 2024 г.

В 2025 г. дефляция была зафиксирована по итогам шести из десяти истекших месяцев, тогда как в 2024 г. – по итогам только трех месяцев. Таким образом, дефляционное давление явно усиливается, что отражает слабый внутренний спрос, наличие избыточных мощностей и, как следствие, фактически кризис перепроизводства в стране. Явление долгосрочной дефляции указывает на то, что китайской экономической модели требуется полномасштабная перезагрузка.

По мнению аналитиков Morgan Stanley, для успешного перезапуска экономики Пекину необходимо выработать правильную комбинацию мер, направленных на стимулирование потребления, в сочетании с реформой системы социальной защиты населения.

В докладе ВБ по Азии отмечается, что меры, предпринятые китайским правительством для поддержания экономики, не могут заменить глубоких структурных реформ, необходимых для долгосрочного экономического роста.

По прогнозу ОЭСР, вклад КНР в прирост мирового ВВП к 2050 г. упадет с нынешних 0,9 п.п. (почти треть мирового прироста) до нуля. А по оценкам банка HSBC, в ближайшие годы Китай начнет отставать от других азиатских стран (включая Японию) по темпам роста ВВП на душу населения.

В 2025 г. правительство проводило умеренно мягкую денежно-кредитную политику с целью поддержания устойчивого экономического роста. Оптимизировалась структура бюджетных расходов, осуществлялось более активное фискальное стимулирование, включая увеличение дефицита бюджета и выпуск сверхдлинных специальных облигаций (срок обращения – 30 лет и более), а также облигаций специального назначения местных органов власти.

В рамках мер фискального стимулирования экономики на 2025 г. правительством был утвержден рекордный объем выпуска специальных государственных облигаций на 3 трлн юаней (411 млрд долл.) против 1 тлрн юаней в 2024 г. Средства от эмиссии направляются главным образом на финансирование программы двух обновлений – промышленного оборудования и потребительских товаров длительного пользования по схеме трейд-ин, а также на инвестиции в передовые инновационные отрасли: электромобили, робототехника, чипы. Эти облигации, являясь сверхдлинными, не учитываются в центральном бюджете, а рассматриваются в качестве дополнительного способа привлечения средств на конкретные проекты.

Программа трейд-ин была запущена в марте 2024 г.: потребители могут менять с доплатой старые автомобили и бытовую технику на новые. По оценкам экспертов, программа обеспечила некоторое улучшение потребительских настроений начиная с конца 2024 г. По итогам 9 месяцев 2025 г. рост розничных продаж достиг 4,5% против 3,3% годом ранее. Однако во второй половине 2025 г. эффективность программы заметно снизилась, и в III квартале розничные продажи выросли всего на 3%.

В III квартале 2025 г. использовались в основном фискальные меры поддержки, в том числе нацеленные на борьбу с избыточными мощностями. Процентные ставки остались неизменными – текущий потенциал их снижения в значительной мере исчерпан. Вместе с тем внутреннее потребление сдерживалось высоким уровнем внешней неопределенности и рисками эскалации торговой войны с США.

С 1 сентября 2025 г. в дополнение к вышеупомянутым мерам стимулирования внутреннего потребления правительство начало субсидировать процентные ставки по потребительским кредитам. Льготная ставка предоставляется по кредитам размером до 50 тыс. юаней (около 7 тыс. долл.) сроком на один год. Мера также призвана переломить дефляционный тренд на рынке потребительских товаров.

Вместе с тем, учитывая в целом успешные результаты переговоров председателя КНР Си Цзиньпина и президента США Д. Трампа, состоявшихся 30 октября в г. Пусане (Р. Корея), до конца 2025 г. не стоит ожидать резких поворотов в макроэкономической политике китайского правительства.

Главным экономическим (и политическим) событием осени стало проведение IV пленума ЦК КПК XX созыва (20–23 октября 2025 г.), утвердившего «Рекомендации по разработке 15-го пятилетнего плана» на 2026–2030 гг. Базовой задачей 15-й пятилетки обозначено «развитие при обеспечении стабильности». В свою очередь, поддержание стабильности должно быть обеспечено «пятью устойчивостями»: стабильные и устойчивые занятость, рынки, деловая активность, экономические ожидания и фундамент экономики. Основным посылом пятилетнего плана станет смещение акцента с количественных показателей роста на обеспечение безопасности через достижение экономической устойчивости к внешним шокам, сокращение зависимости от внешних факторов.

По оценкам западных аналитиков, новый план обоснованно акцентирован на необходимости решения ключевой проблемы – низкого внутреннего спроса, одновременно предлагает, в сущности, старое решение, эффективность которого уже близка к исчерпанию, а именно государственные инвестиции в производственную сферу. Таким образом, документ внутренне противоречив, поскольку обозначенное стремление правительства стимулировать конечное потребление не согласуется с заявленными планами дальнейшего наращивания промышленного сектора.

В части прогноза экономического развития Китая здесь важно, что, по подсчетам китайских экспертов, для выполнения сохраняющейся задачи удвоения объема ВВП за период с 2020 по 2035 гг. минимальный средневзвешенный показатель экономического роста для двух последующих пятилеток должен быть не менее 4,4% ежегодно (при том, что в истекающей пятилетке он составляет около 5,5% в год).

По оценкам скептически настроенных экономистов, дальнейшее наращивание капиталовложений в производственную сферу без параллельного, балансирующего развития внутреннего потребления в перспективе лишь усугубит проблему избыточных мощностей и приведет к новому витку торговых войн при стремлении Пекина экспортировать избыточную продукцию на западные рынки.

Еще одной серьезной структурной проблемой китайской экономики является стремительно растущий госдолг. В соответствии с центральным бюджетом на 2025 г. Госсовет КНР одобрил очередное повышение верхнего предела госдолга до 41,86 трлн юаней (5,76 трлн долл.), в том числе общий объем новых правительственных долговых обязательств достигнет 11,86 трлн юаней (+2,9 трлн юаней к 2024 г.). Дефицит бюджета увеличен до рекордных 4% ВВП (+1 п.п.).

Лимит обычных долгов местных правительств утвержден в объеме 18,06 трлн юаней (2,48 трлн долл.) против 17,3 трлн юаней в 2024 г., а лимит их целевых долгов увеличен на 4,4 трлн юаней до 39,9 трлн юаней (5,49 трлн долл.).

Ранее, в ноябре 2024 г. Пекин инициировал долгосрочную программу рефинансирования долгов местных правительств в объеме 10 трлн юаней (1,4 трлн долл.).

В январе–сентябре 2025 г. местные правительства эмитировали новые облигации в объеме 4,36 трлн юаней (614,7 млрд долл.), в том числе выпуск обычных облигаций составил 675,8 млрд юаней, а целевых облигаций – около 3,69 трлн юаней (из 4,4 трлн юаней, утвержденных на 2025 г.). По данным министерства финансов КНР на конец сентября 2025 г., общий остаток долговых обязательств местных правительств составил около 53,7 трлн юаней. Вместе с тем скрытые долги местных правительств оцениваются ведомством в 14,3 трлн юаней. До 2028 г. Минфин рассчитывает сократить их до 2,3 трлн юаней.

В 2024 г. госдолг КНР вырос на 12% до 4,3 трлн долл. (около 24% ВВП). С учетом внутреннего долга и задолженностей провинциальных и местных правительств совокупный долг Китая составляет около 16,5 трлн долл., и этот показатель удвоился с 2019 г.

Крупнейшая программа господдержки сектора недвижимости, реализуемая правительством с мая 2024 г., до сих пор не принесла ожидаемых результатов. Негативную динамику в секторе преодолеть не удалось: падение инвестиций в отрасль за январь–сентябрь 2025 г. достигло 13,9%, а продажи жилья за тот же период сократились на 7%.

С учетом сектора недвижимости общий объем инвестиций в основные фонды по итогам трех кварталов 2025 г. снизился на 0,3% (показатель в отрицательной зоне зафиксирован впервые со времен пандемии). Капиталовложения, очищенные от сектора недвижимости, за тот же период выросли на 3%, однако еще по итогам января–августа 2025 г. прирост достигал 4,2%. Эти данные наглядно демонстрируют, что начиная с осени 2025 г. китайская экономика, как и годом ранее, вступила в фазу замедления.

Что касается актуальных прогнозов, Международный валютный фонд (МВФ) в октябре 2025 г. подтвердил свой июльский прогноз по росту ВВП Китая в 2025 г. на 4,8%, в 2026 г. – на 4,2%. Экономисты МВФ отмечают снижение темпов роста экономики Китая во II и III кварталах 2025 г. ввиду сокращения вклада экспорта. Компенсирующим фактором роста

стала положительная динамика внутреннего потребления благодаря адекватным мерам стимулирования со стороны правительства.

Всемирный банк (ВБ) в октябре 2025 г. улучшил свой прогноз темпов роста ВВП Китая до 4,8% (с 4,0% в апрельском прогнозе) в 2025 г. и до 4,3% в 2026 г. По мнению экспертов ВБ, в условиях внешней неопределенности, вызванной тарифной политикой США, экономика Китая демонстрирует уровень устойчивости выше ожиданий. Отмечена позитивная роль стимулирующих мер правительства и господдержки на динамику в 2025 г., однако ожидается ослабление этого фактора в 2026 г. В 2025 г. решающий вклад в прирост ВВП Китая обеспечило динамичное наращивание экспорта за счет успешного перенаправления товарных потоков с американского рынка в Юго-Восточную Азию и Европу. Также производители опережающими темпами отгружали продукцию в ожидании повышения пошлин. Однако, по оценкам ВБ, в 2026 г. и этот позитивный для Китая фактор в целом сойдет на нет.

В качестве факторов риска ВБ выделяет проблемы в сфере занятости (по оценкам, каждый седьмой молодой человек в Китае не может найти работу), демографический кризис (старение населения), а также сложности в технологическом развитии КНР. Так, стартапы в Китае создают рабочие места в четыре раза медленнее, чем в США. Этот разрыв, в частности, подчеркивает доминирующую роль госсектора в китайской экономике даже в высокотехнологичной сфере.

По оценкам ряда аналитиков, поддержание текущей динамики (рост ВВП на 4,8% в III квартале) до конца 2025 г. будет достаточным для достижения целевого показателя роста экономики в 5% без задействования масштабной господдержки наподобие пакета стимулирующих мер, принятого в октябре 2024 г. Принимая во внимание, что по состоянию на середину ноября 2025 г. такие меры объявлены не были, вероятнее всего, Пекин руководствуется именно этой логикой.

Однако непринятие в 2025 г. пакетных мер стимулирования экономики наряду с отсутствием кардинальных решений долгосрочных структурных проблем (это, в частности, вытекает из установок 4-го пленума ЦК КПК в части разработки 15-го пятилетнего плана, о чем говорилось выше), с высокой степенью вероятности окажут мощное давление на перспективы роста китайской экономики в 2026 г.

Новым, мощным фактором риска для китайской экономики уже фактически стала дефляция. Дефляционная спираль демонстрирует признаки нарастания, побуждая домохозяйства еще больше сокращать расходы или откладывать покупки в ожидании дальнейшего снижения цен. В условиях дефляции можно прогнозировать дальнейшее ухудшение динамики розничных продаж.

На перспективы внешней торговли КНР в 2026 г. главным образом будет влиять продолжительность и устойчивость торгового перемирия с США (вступившего в силу с ноября 2025 г.), а также перспективы заключения полноценной торговой сделки. В случае очередного витка обострения торгового противостояния с США нарастают риски существенного падения объемов китайского экспорта, поскольку уже в значительной мере исчерпаны позитивные стимулы 2025 г., связанные с успешной переориентацией поставок на

другие направления (АСЕАН, Европа, Австралия), а также опережающим ростом экспортных заказов в преддверии повышения тарифов.

Ввиду вышесказанного и с учетом всех проанализированных факторов риска по итогам 2025 г. Китаю с высокой долей вероятности удастся достичь целевого показателя роста экономики в 5%. Темпы роста ВВП в 2026 г., по нашей оценке, будут находиться в диапазоне 4,3–4,7%.

Индия

В 2026 г. Индия может стать четвертой экономикой мира[25], темпы роста ВВП которой составят 6,5-7%. Экономическая активность в стране останется достаточно высокой благодаря активному внутреннему спросу, государственным вложениям в инфраструктуру, а также росту потребления, особенно среди городского населения.

К драйверам экономического роста Индии также можно отнести следующие факторы. Во-первых, значительный демографический дивиденд (медианный возраст – 28,8 лет, 66% населения моложе 39 лет), который потенциально может сформировать широкий внутренний рынок. Во-вторых, планомерная структурная перестройка экономической системы, ключевую роль в которой играют государственные программы, например, Make in India, Digital India, PM Gati Shakti и т.д.

Однако, несмотря на амбициозные заявления индийского правительства, страна продолжает сталкиваться с серьезными внутренними проблемами, которые вкупе с продолжающейся глобальной экономической неопределенностью могут несколько замедлить рост Индии. К основным вызовам индийской экономики можно отнести недостаточно развитую транспортную инфраструктуру, избыток рабочей силы, высокую скрытую безработицу (особенно среди молодежи), низкую рентабельность аграрного сектора. Поэтому в ближайшие несколько лет, прежде чем занять прочные позиции в мировой экономике, страна будет больше уделять внимания именно внутренним социально-экономическим проблемам и реализации национальных программ.

Углубление торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества между Индией и Россией остается одним из ключевых приоритетов в контексте особо привилегированного стратегического партнерства. При этом развитие торговых отношений с РФ в значительной степени будет определяться масштабом западных санкций и их реализацией. Также возможность дальнейшего укрепления отношений между странами напрямую зависит от продолжительности и итогов СВО. В 2024-2025 фин.г. товарооборот между Индией и Россией составил 68,6 млрд долл. (индийский импорт был 63,8 млрд долл., экспорт – 4,8 млрд долл.). В настоящее время более 85% российского экспорта составляют поставки нефти и нефтепродуктов, причем часть из них перепродается в Европу. При условии, что санкции останутся неизменными на длительный срок и не усилятся, а стороны продолжат дальнейшую отладку взаиморасчетов в национальных валютах, будут развивать маршруты транспортных коридоров, товарооборот будет увеличиваться и вполне вероятно к 2030 г. достигнет 100 млрд долл. При этом торговый дефицит со стороны Индии может начать постепенно снижаться за счет диверсификации торговли.

[25] При расчете по среднегодовому курсу национальной валюты к доллару США. По ППС Индия уже является третьей экономикой мира.

Анализ достоверности прогноза

Прогнозы на 2024 г. разрабатывались осенью 2023 г. на основании имеющихся данных за первые три квартала 2023 г., то есть в условиях большой неопределенности. Основная проблема при прогнозировании – количественная оценка действия тенденций, учитываемых авторами. Представленные в таблице 16 оценки МВФ (октябрь 2023 г.) и оценки ИМЭМО РАН (ноябрь 2023 г.) оказались очень близки к реальным показателям развития мировой экономики. Об этом свидетельствует сопоставление этих оценок с фактическими данными за 2024 г., опубликованными МВФ в октябре 2025 г.

Таблица 16. Сопоставление прогнозов темпов прироста ВВП с фактическими данными на 2024 г.

	МВФ	ИМЭМО	Фактические данные
Мир	3,2	3,2	3,3
Развитые страны	1,8	1,8	1,8
США	2,8	2,9	2,8
Япония	0,3	0,5	0,1
Великобритания	1,1	1,0	1,1
Зона евро	1,1	0,9	0,9
ЕС	0,8	0,8	1,1
Германия	0,0	-0,1	-0,5
Франция	1,1	1,1	1,1
Италия	0,7	0,6	0,7
Развивающиеся и страны с формирующимся рынком	4,2	4,2	4,3
Китай	4,8	4,8	5,0
Индия	7,0	6,8	6,5
Бразилия	3,0	3,4	3,4
Россия	3,6	3,7	4,3

Отклонение прогнозных оценок от фактических данных хорошо видны на гистограммах, на которых эти отклонения указаны на оси абсцисс, а доли оценок, попавших в соответствующий интервал – на оси ординат (гистограммы 1, 2).

Из этих гистограмм видно, что оба прогноза показали большую точность. Если следовать гистограммам, то ошибки обоих прогнозов полностью совпадают. Однако статистический анализ показывает, что прогноз ИМЭМО несколько точнее. Для того чтобы эта разница была видна на гистограммах, нужно брать гораздо меньший интервал ошибок, чем это сделали мы (мы взяли интервал 0,3 п.п.). В прежние годы мы использовали интервал 0,5 п.п. В этом варианте гистограммы также полностью совпадают. Для того чтобы увидеть разницу в оценках надо было бы взять интервал 0,1 п.п., но тогда получились бы очень растянутые в ширину гистограммы.

Рисунок 18. Распределение ошибок прогнозов ИМЭМО на 2024 г.

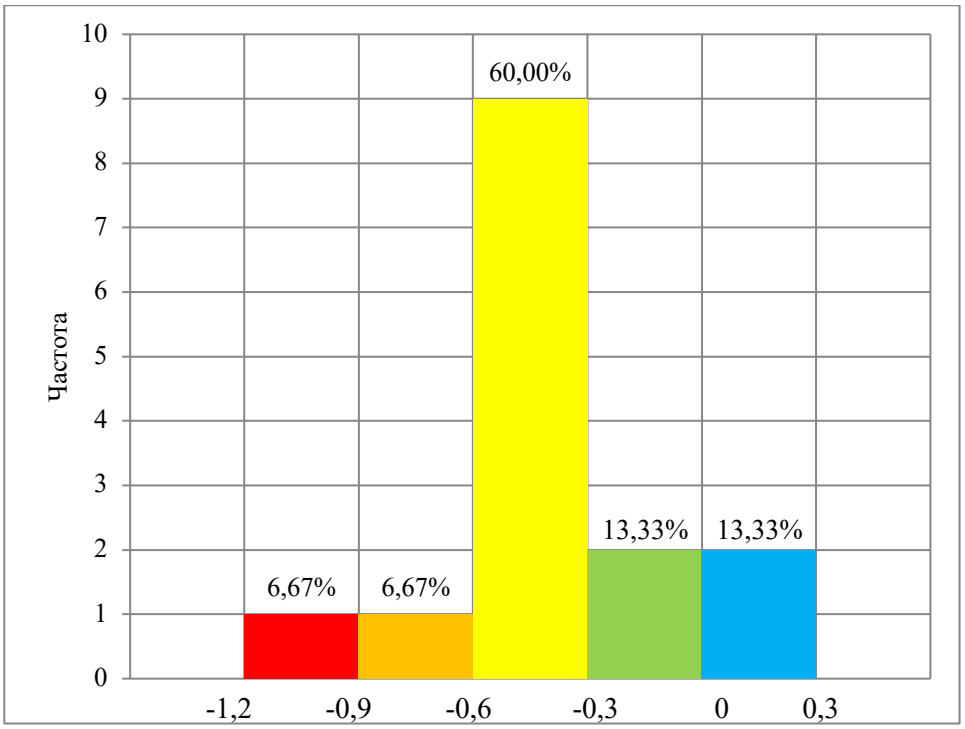
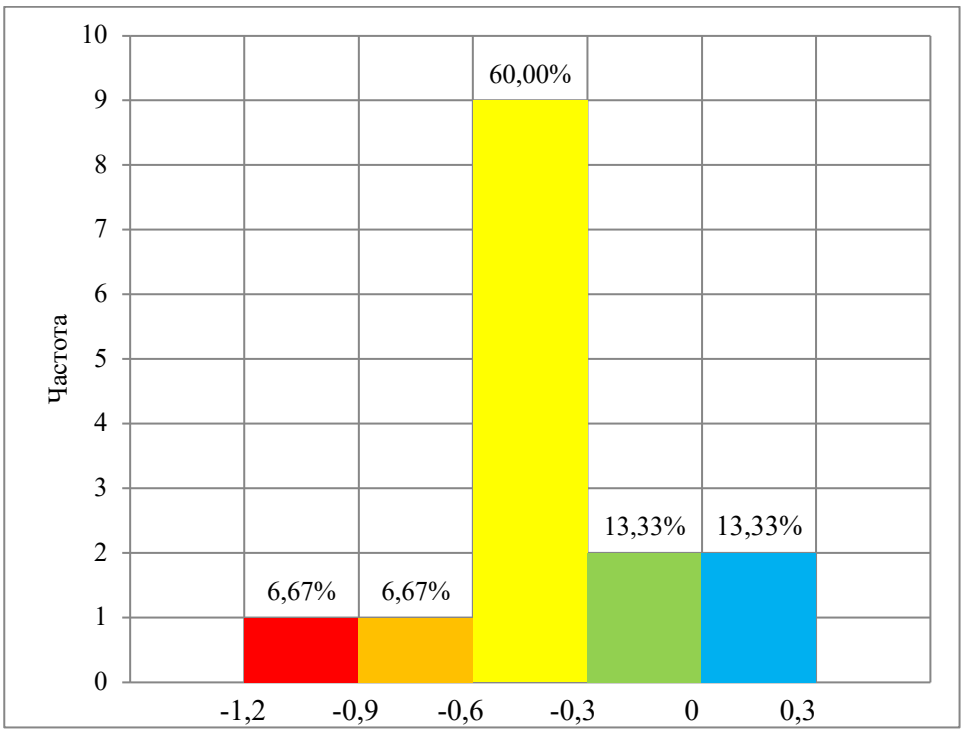


Рисунок 19. Распределение ошибок прогнозов МВФ на 2024 г.



По результатам статистического анализа максимальное отклонение прогноза ИМЭМО – 0,6 п.п.; МВФ – 0,7 п.п. Пять оценок МВФ и четыре оценки ИМЭМО полностью совпали с реальными показателями. Стандартная ошибка прогноза ИМЭМО составила 0,067; МВФ – 0,081. Средний квадрат ошибки прогноза ИМЭМО равен 0,063, а МВФ – 0,092. Среднее абсолютное значение ошибки прогноза ИМЭМО – 0,180; а МВФ – 0,213. Эти данные статистического анализа свидетельствуют о большей точности прогноза ИМЭМО.

На гистограммах видно, что в интервал ошибок -0,3 – +0,3 попало по 11 ошибок МВФ и ИМЭМО. В интервал ошибок -0,6 – +0,6 попали по 14 ошибок ИМЭМО и МВФ; и по одной ошибке оказались в интервале -0,9 – -0,6. То есть интервалы ошибок на гистограммах полностью совпали.

Статистический анализ показывает, что стандартная ошибка прогноза ИМЭМО составила 0,124, а прогноза МВФ – 0,110. Средний квадрат ошибки прогноза ИМЭМО оказался равен 0,25, а прогноза МВФ – 0,46. Среднее абсолютное значение ошибки прогноза ИМЭМО – 0,29, а МВФ – 0,44. Приведенные данные свидетельствуют о том, что в условиях высокой степени неопределенности перспектив развития мировой экономики в конце 2022 г. оба прогноза оказались на высоком уровне.

ЧАСТЬ III

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Ключевым событием для США в 2026 г. станут промежуточные выборы в Конгресс, которые пройдут в ноябре. Фактически весь год политическая элита и общество будут жить в новой избирательной кампании, борьба в которой будет определять как внутреннюю политику, так и внешнюю.

Очередной референдум по Трампу

Исход выборов во многом будет зависеть от экономической ситуации в стране, где к концу года после избрания Д. Трампа начали прослеживаться негативные тренды. Эффект политики высоких пошлин, как и ожидалось, постепенно начал сказываться на потребителях – цены на продовольственные товары вновь пошли вверх. Также в результате сокращения предложения на мировом рынке нефти и нефтепродуктов стали расти цены на бензин.

При сохранении такой динамики у демократов есть очень хорошие шансы увеличить свою численность в Конгрессе, а в Палате представителей даже получить какое-то большинство. Растущий идейный раскол все больше ограничивает возможности партий на масштабные прорывы в Конгрессе даже в случае победы их кандидата в Белый дом или на промежуточных выборах в ответ на традиционное разочарование граждан действующим президентом. Ситуация, при которой победившая партия получает очень шаткое большинство в несколько мест, постепенно становится новой нормой. Понимание этого заставляет партии прибегать к сомнительным схемам повышения своих шансов на победу – таким как внеочередной перенос границ округов в ключевых штатах, который они провели в 2025 г. В итоге исход выборов в Палату представителей в 2026 г. будет во многом зависеть от того, чья сторона сумела более выгодно перерисовать границы округов. Однако даже это вряд ли поможет демократам получить масштабную «синюю волну».

В Сенате по мере нарастания напряженности и недовольства в обществе больше штатов становятся открытыми для смены партийного контроля. В 2026 г. в Сенате переизбирается 35 мест, из оставшихся 65 мест – 34 остается за демократами, 31 – за республиканцами. В текущих условиях республиканцам придется приложить усилия, чтобы сохранить большинство. Они защищают 22 места против 13 у демократов, а демократам для получения большинства необходимо получить дополнительные 4 места.

Основная борьба развернется в пяти штатах – Мэне, Северной Каролине, Огайо, Джорджии и Мичигане. Мэн в 2024 г. проголосовал за К. Харрис и в нем растут продемократические настроения, но действующая сенатор-республиканка Сьюзен Коллинз как раз отвечает таким настроениям – она одна из немногих республиканцев проголосовала против основных законодательных инициатив Д. Трампа. В Северной Каролине республиканец Том Тиллис не будет переизбираться, и демократы постараются использовать эту возможность, чтобы перетянуть штат на свою сторону. Финальная гонка может пройти между бывшим губернатором штата демократом Роем Купером и бывшим главой Национального комитета Республиканской партии Майклом Уотли, которого поддержал Д. Трамп. Также демократы рассчитывают побороться за Огайо, где республиканец Джон Хастед баллотируется впервые после того, как его назначили на место, которое освободил Джей Ди Вэнс. В Джорджии один из самых молодых сенаторов – демократ Джон Оссофф активно использует социально

болезненную тему здравоохранения и получает одни из самых высоких показателей по финансированию кампании, что серьезно увеличивает его шансы на победу. В Мичигане, на президентских выборах победил Д. Трамп, а действующий сенатор-демократ Г. Петерс не будет баллотироваться, что открывает возможности для республиканцев.

В пользу демократов будет работать нарастающее недовольство не только среди демократов, но и среди умеренных избирателей методами, которые использует Д. Трамп для борьбы с преступностью и нелегальной миграцией. С большой вероятностью они будут поддерживать и нагнетать массовые протесты, создавая «нужное» настроение в предвыборный год, которое приведет на избирательные участки как можно больше противников Д. Трампа и тех, кто сомневается в его методах решения проблем.

Логика избирательной борьбы еще больше сократит пространство для диалога между демократами и республиканцами в Конгрессе и усилит фракционные расколы внутри партий. В частности, в рядах республиканцев могут стать громче голоса умеренных консерваторов, не согласных с методами президента, которые будут стремиться дистанцироваться от него, а в Демократической партии будет нарастать давление на руководство партии прогрессистов, требующих более жесткого и активного противостояния действиям администрации. Необходимость зарабатывать очки у избирателей может заставить отдельных конгрессменов, особенно в колеблющихся штатах, отклоняться от линии партии. Руководству обеих партий будет сложнее добиваться партийной дисциплины от конгрессменов. С большой вероятностью США ждут новые шатдауны в результате неспособности Конгресса принять законопроекты о финансировании федерального правительства. С другой стороны, общественный запрос, актуализированный избирательной кампанией, может заставить партии «сдавать» какие-то внешнеполитические вопросы, как менее приоритетные, в обмен на компромисс по социально-политической повестке.

Реализация приоритетов консервативной повестки: борьба с мигрантами

Основные усилия Администрации Трампа в выборный год будут направлены на стабилизацию экономической ситуации и на реализацию тех задач, которые были заложены в «Одном большом прекрасном законе» (BBB), принятом 4 июля 2025 г. В частности, фокусом станет продвижение реформирования миграционной системы, заложенного в законе. Тема ограничения миграции входит в топ-10 наиболее важных вопросов для избирателя. И по ней Д. Трамп все еще получает высокие показатели общественного одобрения – 47,9% одобряют его политику в миграционной сфере[26].

Закон выделяет Министерству внутренней безопасности (DHS) 45 млрд долл. до 30 сентября 2029 г. на содержание иммигрантов. Эта сумма более чем в четыре раза увеличивает годовой бюджет Иммиграционной и таможенной службы (ICE), добавляя примерно по 11,25 млрд долл. в год, а также финансирует частные тюремные компании, которые составляют 10% от всех пенитенциарных заведений в США. BBB разрешает использование этих средств для семейного содержания, в том числе допускает бессрочное содержание под стражей детей и семей с детьми. Также закон BBB предусматривает финансирование на сумму более 75 млрд

[26] Trump Job Approval on Issues. RealClearPolitics. https://www.realclearpolling.com/polls/favorability/donald-trump/issues.

долл. приграничных районов до 30 сентября 2029 г., включая 47 млрд долл. на продолжение строительства стены с Мексикой. Закон прямо одобряет долгосрочное и бессрочное содержание детей под стражей, в том числе без родителей или других сопровождающих лиц. В соответствии с законом также вырастут штрафы за нелегальное пребывание и все возможные сборы и пошлины по оформлению легального пребывания в стране.

Закон предоставляет Администрации Трампа максимальную гибкость для реализации своих предвыборных обещаний, практически без контроля и возможности корректировки этой политики со стороны законодательной власти или организаций по соблюдению прав человека в США. Хотя большинство мер направлено на так называемого неэффективного иммигранта, который по логике Республиканской партии является не драйвером экономики, а социальной обузой, и вызывает наибольшее раздражение у избирателя, долгосрочная антимиграционная платформа коснется и легальных иммигрантов.

Администрация Д. Трампа вернется к восстановлению барьеров, на пути мигрантов: законом значительно усложнена и удлинена по времени процедура получения гражданства, иностранцев обяжут приобретать дорогостоящую медицинскую страховку, платить высокий визовый сбор, при этом привлекаемые работники, въехавшие в США, могут оказаться «пораженными» в правах, в том, что касается социального пакета, а также возможности перевезти с собой семью. В среднесрочной и долгосрочной перспективе прием меньшего числа иностранных студентов, отказ от привлечения их к производственной практике после окончания обучения, приведет к снижению числа остающихся работать в США, заключающих браки с гражданами США, ассимилирующихся и приносящих налоги в казну. Ущемление прав иностранных родственников (т.е. супругов, детей или родителей) граждан США окажут наиболее существенное влияние на сокращение легальной иммиграции в ближайшие годы.

По данным Национального фонда анализа государственной политики США (National Foundation for American Policy), политика Администрации Трампа в отношении нелегальной и легальной иммиграции приведет к сокращению прогнозируемого числа работников на 6,8 млн чел. к 2028 г. и на 15,7 млн чел. к 2035 г., и соответственно, к снижению ежегодных темпов экономического роста почти на треть: на $1,9 трлн, или 5 612 долл. на человека, в период с 2025 по 2028 гг. и на 12,1 трлн долл., или 34 369 долл. на человека, в период с 2025 по 2035 гг.[27]

Оптимизм текущей администрации относительно освободившихся рабочих мест, которые займут американские граждане, с большой долей вероятности не оправдает себя, поскольку низкооплачиваемый неквалифицированный труд непривлекателен, как для работников, привыкших к определенным условиям и оплате своей работы, так и для работодателя, для которого уход сезонных или постоянных работников-иностранцев будет означать полную перестройку бизнес-модели, или даже необходимость вовсе закрывать бизнес, что опять будет вести к растущей безработице.

[27] The Economic Impact of the Trump Administration’s Immigration Policies. National Foundation for American Policy. 2025.17.10. https://nfap.com/wp-content/uploads/2025/10/Economic-Impact-of-Trump-Admin-Immigration-Pollicies.DAY-OF-RELEASE.Oct-2025.pdf.

Идейный раскол: нарастание страха и пессимизма

Тема регулирования миграции остается также одной из самых острых с точки зрения общественного раскола[28]. Демократы и республиканцы по-разному видят приоритетность этой темы и по-разному оценивают успехи Администрации Трампа в этой сфере. В 2024 г. для республиканцев эта тема была вторая по важности после экономики, а для демократов – только 10-я[29]. В 2025 г. 43% республиканцев и только 19% демократов одобряли политику президента в иммиграционной сфере[30]. В отличие от республиканцев, которые поддерживают в своем большинстве рейды Иммиграционной службы, демократы считают их нарушением прав человека и отказом от американских ценностей. Тема нарушения прав человека республиканцами и Д. Трампом может стать ключевой для демократического электората на промежуточных выборах и будет выноситься в ценностную плоскость.

В очередной раз выборы станут столкновением двух Америк. И каждая из них видит в этих выборах еще одну возможность сохранить свою особую ценностную модель, разрушаемую другой стороной. Страх перед противоположной стороной достиг таких масштабов, что представители обеих частей рассматривают победу как обязательное условие своего будущего. Демократы прямо заявляют, что если не выиграть промежуточные выборы в 2026 г., возможно, в 2028 г. выигрывать будет уже нечего, намекая на то, что Трамп может отменить выборы, чтобы остаться президентом. Пока такой сценарий представляется маловероятным, в силу свой неконституционности. Однако каждый 7 из 10 опрошенных американцев полагает, что президент злоупотребляет властью[31].

Идейный раскол в наибольшей степени проявляется в том, как американцы оценивают своего президента. Рейтинг Д. Трампа постепенно снижается, и общество остается расколотым по партийному принципу в своем отношении к нему. Согласно опросу Исследовательского центра Пью, проведенному в конце сентября 2025 г., только 40% американцев одобряют работу Трампа, из них 6% – демократы и 78% – республиканцы[32]. Можно предположить, что в 2026 г. этот раскол только усилится и будет определять исход выборов.

Раскол нарастает и внутри обеих партий, и он будет обостряться в ходе электоральной борьбы. В Республиканской партии нарастает противоречие между крайне правыми, институционализированными «трампистами», прагматичными консерваторами и умеренными[33]. Основные линии конфликта между ними обусловлены прежде всего

[28] Sharry F., Hincapier M. The Democrats and Immigration. Where does the party goes now on its most contentious issue. A debate // Democracy A journal of Ideas. Summer. №77. 2025. https://democracyjournal.org/magazine/77/the-democrats-and-immigration/.
[29] The Pew Research Center Report. September. 2024. https://www.pewresearch.org/politics/2024/09/09/issues-and-the-2024-election/.
[30] Sharry F., Hincapier M. *Op. cit.*
[31] Cerda A. and Shepard, S. Most Americans think Trump is trying to exercise more power than previous presidents // Pew Research Center. 2025.08.10. https://www.pewresearch.org/short-reads/2025/10/08/most-americans-think-trump-is-trying-to-exercise-more-power-than-previous-presidents/.
[32] Americans View Trump, Vance and Congressional Leaders in Both Parties More Negatively Than Positively // Pew Research Center. 2025.30.10. https://www.pewresearch.org/short-reads/2025/09/30/americans-view-trump-vance-and-congressional-leaders-in-both-parties-more-negatively-than-positively/sr_25-09-30_us-leaders_5/.
[33] Шаброва П.И., Войтоловская А.Р. Типология партийных фракций США на фоне правления второй администрации Д. Трампа. США & Канада: экономика, политика, культура. 2025; 12:70–83.

необходимостью поиска компромисса между собственными принципами и лояльностью Президенту и его MAGA концепции. Этот конфликт будет обостряться по мере приближения окончания срока Д. Трампа, когда перед партией встанет вопрос о необходимости пересмотра ее идеологии.

Идеологический центр Демократической партии в 2026 г. продолжит сдвигаться влево под давлением радикального фланга прогрессистов как наиболее активной силы в предвыборных условиях. Основной проблемой демократов останется электоральная привлекательность для «колеблющегося» электората, а также бывшего ядра, оттянутого Трампом: белых мужчин с невысоким уровнем дохода, женщин, латиноамериканцев. При этом конкурирующие между собой фракции – прогрессисты, левоцентристский истеблишмент и умеренные – пока не способны выработать компромиссную стратегию возвращения власти после проигрыша на всеобщих выборах 2024 г. Однако, чем глубже раскол в самой партии, тем острее они воспринимают борьбу с Трампом как «экзистенциальную». На этой почве они будут готовы не только саботировать федеральные реформы, подогревать общественное недовольство на уровне штатов, манипулируя финансированием и массовыми протестами, но и нарушать консенсус во внешней политике.

Внешняя политика Д. Трампа

Тем временем в условиях жесткого противостояния и неспособности договориться по текущим социально-экономическим темам внешняя политика становится для обеих партий и для президента Д. Трампа возможностью продемонстрировать свою результативность. Поэтому можно предположить, что 2026 г. будет отмечен еще большей активностью США и их президента на международной арене.

Внешняя политика Администрации Д. Трампа по-прежнему будет выстраиваться на принципах экономического прагматизма и приоритете национальной безопасности. Ультиматумы и угрозы останутся ее основным тактическим инструментом. При этом они будут сочетаться с гибкостью, направленной на достижение репрезентативных для избирателя побед. США продолжат использовать таможенные пошлины, экспортные и инвестиционные ограничения в качестве инструментов для принуждения ключевых игроков к заключению асимметричных сделок в интересах США и ослабляющих позиции Китая и России на мировой арене.

Внешнеполитическая деятельность во многом будет подчиняться императиву ключевых задач республиканской повестки национального развития: укреплению трансграничной безопасности и оборонного потенциала, повышению автономии американской промышленности и экономики в целом.

В области укрепления оборонного потенциала США продолжат развивать программы по наращиванию систем ПРО, ПВО и ядерной триады, развитию судостроения и обновления парка ВМС и другой стратегической инфраструктуры, включая коммуникации. В военном бюджете также заложено увеличение финансирования на 71 млн долл. обороноспособности в рамках НАТО. В частности, увеличится финансирование программы по оборонным инвестициям НАТО (NATO Security Investment Program), среди приоритетных направлений

которой выделяются развитие ядерной инфраструктуры и обеспечение безопасности стратегических вооружений[34].

Обеспечение трансграничной безопасности будет включать в себя не только интенсификацию борьбы с нелегальными мигрантами, укрепление и техническое оснащение границы, но и противодействие распространению наркотиков. Решение этой задачи будет преимущественно состоять в принуждении стран – экспортеров наркотиков к введению значимых мер со своей стороны и проведению кампаний по борьбе с наркокартелями. Демонстрация решимости применить ВС и присутствие ВС США в районе Карибского моря для решения этой задачи будет сохранять там высокую напряженность до тех пор, пока страны Южной Америки не предпримут приемлемых, с точки зрения команды Д. Трампа, шагов по искоренению наркооборота. Использование силового аргумента при этом, как ожидается, будет ограничено наращиванием рассредоточенного присутствия американского контингента и – реже – точечными операциями.

Сохранение вектора на сдерживание Китая

В региональной политике доминирующим вектором останется сдерживание Китая, что будет определять форматы отношений как с союзниками и партнерами, так и с противниками США. Сами отношения с КНР будут выстраиваться на основе достигнутых в конце 2025 г. договоренностей[35], а основной фокус противостояния будет направлен на косвенное воздействие на ход конкуренции, что снижает вероятность преждевременной эскалации. Разрабатываемое Администрацией Д. Трампа предварительное соглашение с Китаем будет ограничено сроком в один год. Достигнутый консенсус может снять ряд раздражающих факторов в двусторонней торговле и создать основу для более позитивных и стабильных отношений, но вряд ли приведет к стратегической перезагрузке отношений в прогнозируемый период. Уровень неопределенности хотя и понизится, но сохранится высоким, поскольку Администрация Д. Трампа остается на позиции, что Китай является «ненадежным партнером», которому «нельзя доверять».

Пошлины на импорт китайских товаров закрепятся на начало будущего года на уровне 47 % при том, что средняя тарифная ставка для других стран составит 19,5%. Восстановлению параметров американского экспорта в Китай будут способствовать принятые Пекином обязательства по приостановке действия 24-процентной дополнительной тарифной ставки на импорт из США сроком на один год, отмена ответных пошлин на американскую сельхозпродукцию и возобновление закупок сои. Будет приостановлено применение мер, касающихся портовых сборов для судов, принадлежащих китайским компаниям. Пекин приостановит на один год введение новых экспортных ограничений на РЗЭ и разрешит китайским предприятиям Nexperia в Нидерландах возобновить поставки, что снимет опасения по поводу обеспеченности микросхемами автомобильной отрасли США и ЕС.

[34] Department of Defense Military. Construction Program. Fiscal Year 2026 Budget. North Atlantic Treaty Organization // Under Secretary of War (Comptroller). June 2025. https://comptroller.war.gov/Portals/45/Documents/defbudget/FY2026/budget_justification/pdfs/11_NATO_Security_Investment_Program/fy26_NATO_Security_Investment_Program.pdf. P. 4.

[35] President Donald J. Trump Strikes Deal on Economic and Trade Relations with China // The White House. 2025. 01.11. https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/11/fact-sheet-president-donald-j-trump-strikes-deal-on-economic-and-trade-relations-with-china/.

Пекин прекратит расследование в отношении американских компаний, участвующих в цепочке поставок полупроводников. Вместе с тем сохранится направленность США на сдерживание развития передовых технологий в Китае и может даже усилиться на таких направлениях, как производство полупроводников, квантовые технологии и ИИ. Останутся, в частности, актуальными барьеры, затрудняющие доступ Китая к флагманским чипам для ИИ. Нельзя исключить также введения новых мер экспортного контроля в отношении программного обеспечения, фармацевтических товаров и дронов.

Обе стороны сохранят курс в направлении «сырьевого и технологического национализма». США будут добиваться снижения зависимости от поставок РЗЭ из Китая, используя достигнутые рамочные договоренности с Австралией, Японией, Малайзией и Таиландом по развитию сотрудничества в добыче и переработке критических минералов.

Принцип экономического прагматизма и ресурсной конкуренции с Китаем в выстраивании форматов отношений с партнерами и союзниками повысит уровень внимания к ранее периферийным для США регионам, таким как Южный Кавказ и Центральная Азия. Следует ожидать практических шагов команды Д. Трампа по закреплению значимости Центральноазиатского региона и Закавказья и продвижения урегулирования армяно-азербайджанского конфликта через инициативу TRIPP[36]. Достигнутые договоренности со странами региона станут отправной точкой для расширения сотрудничества по стратегическим ресурсам и снижению барьеров для торгово-инвестиционного взаимодействия.

Республиканская администрация продолжит отказ от помощи развивающимся и наименее развитым странам в пользу обычных коммерческих отношений. Это увеличит потоки ПИИ США и программы кредитования через механизмы американской Корпорации международного развития (DFC) и Глобального партнерства по инфраструктуре и инвестициям (PGII). Через эти механизмы США продолжат продвигать свои экономические стандарты в ключевых регионах в противовес китайским. Среди традиционных направлений инвестиций сохранится вовлеченность США в Юго-Восточной Азии. Особый же фокус будет направлен на Латинскую Америку.

Подход команды Д. Трампа к традиционным союзникам будет направлен на стимулирование одновременно самостоятельности и созвучности их политик вектору США на сдерживание и изоляцию Китая. В частности, усилия будут направлены на унификацию протекционистских мер в стратегических отраслях в отношении Китая.

Такая политика США сохранит напряжение в отношениях с ключевыми евроатлантическими партнерами. Они будут чаще дистанцироваться от политики Д. Трампа, особенно в том, что касается взаимодействия с Китаем, согласования уровней импортных пошлин и нетарифных ограничений, а также регулирования рынка цифровых услуг. Повысится вероятность применения единичных скоординированных ответных мер на действия США, при том, что будут доминировать попытки добиваться уступок на двустороннем уровне. Однако

[36] Joint Statement of Intent on Economic Cooperation. US Department of State. 2025.07.11. https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2025/11/joint-statement-of-intent-on-economic-cooperation.

обеспокоенность «китайской угрозой» будет стимулировать поиск точек соприкосновения в решении общих задач.

В рамках политики сдерживания Китая сохранится на высоком уровне поддержка союзников в Индо-Тихоокеанском регионе. Американо-индийские отношения будут балансировать в поиске взаимовыгодных договоренностей и согласования приемлемых для обеих сторон «сделок». Продолжится наращивание потенциала ИНДОПАКОМ (US Indo-Pacific Command – INDOPACOM) в условиях подготовки к потенциальному конфликту в Тайваньском проливе. Можно также ожидать рост числа операций по защите свободы судоходства в Южно-Китайском море и дислокацию ВМС США на Тихоокеанском театре.

Посредничество в урегулировании конфликтов

Попытки усилить позиции страны на международной арене и повысить рейтинг республиканцев и лично Д. Трампа в выборный год приведут к сохранению высокой посреднической активности США.

Главный фокус по-прежнему сохранится на Ближнем Востоке, который останется одним из важнейших направлений внешнеполитической деятельности администрации Д. Трампа. Основные усилия будут направлены на палестино-израильское урегулирование, продвижение «соглашений Авраама», сдерживание Ирана и укрепление отношений с союзниками.

Палестино-израильское урегулирование будет требовать от США выработки устойчивого и деликатного компромисса между Израилем и группой арабских союзников. США на всех этапах разрешения ситуации останутся в числе главных действующих акторов. Однако это участие преимущественно будет косвенным, через воздействие на союзников и партнеров в регионе, из-за нежелания администрации Д. Трампа нести репутационный или материальный ущерб от непосредственного военного участия в конфликте.

Администрация Трампа может интенсифицировать усилия по реализации «соглашений Авраама», которые предполагает нормализацию отношений еще большего числа стран с Израилем. Это потребует также новых поисков компромисса с Ираном. Потенциал силового воздействия уже исчерпан, в условиях выборной кампании использование военных ударов возможно только в крайнем случае – в ответ на агрессивные действия Ирана, затрагивающие сами США. Скорее всего, администрация Д. Трампа будет проявлять ситуативную гибкость – показывая готовность перейти от расширения давления к переговорам. Нельзя полностью исключать, что при позитивном развитии в разрешении украинского конфликта, урегулирование ситуации с Ираном может стать темой двустороннего диалога с Россией.

США также продолжат дипломатические усилия по продвижению мира в Африке к югу от Сахары и странах Магриба с акцентом на конфликт ДРК-Руанда, суданский и ливийский конфликты[37].

[37] Advancing Trump Administration Priorities in Sub-Saharan Africa // U.S. Embassy in South Sudan. 2025.29.09. https://ss.usembassy.gov/advancing-trump-administration-priorities-in-sub-saharan-africa.

2026 г. может стать решающим в урегулировании украинского конфликта. Логика электорального процесса требует от Д. Трампа представить какие-то серьезные достижения своих посреднических усилий. Демократы в условиях выборной борьбы будут очень критичны в отношении как России, так и усилий Президента по урегулированию конфликта. В случае подписания соглашения и завершения военных действий, США будут готовы играть активную роль по гарантированию мира как минимум до конца срока президентства Д. Трампа, для которого это мирное урегулирование будет эталоном решения неразрешимых задач, подтверждающих уникальную роль США как мирового лидера. Также в случае завершения конфликта в течение первого полугода 2026 г., Администрация Д. Трампа может интенсифицировать диалог с Россией по нормализации двусторонних отношений. Перспективным направлением взаимодействия вновь может стать стратегическая безопасность, как тема, по которой наработан наибольший опыт взаимодействия. Также может получить новое развитие координация действий по борьбе с терроризмом и наркотрафиком и совместное урегулирование ситуации с Ираном и Северной Кореей.

Однако приближающиеся выборы 2026 г. и их неясный исход с точки зрения потерь республиканцев серьезно ограничивают временные рамки для Администрации Д. Трампа в урегулировании украинского конфликта. В случае затягивания конфликта есть вероятность, что Д. Трамп постарается представить конфликт как «неурегулируемый» по причине агрессивной политики России. В таком случае, он перейдет к применению более серьезных санкционных мер в отношении России с использованием уже имеющихся в Конгрессе инициатив. Также он продолжит оказывать давление на ЕС, настаивая на сокращении экспорта энергоресурсов из России в пользу увеличения роли США как основного поставщика для ЕС[38] и других партнеров. Увеличению поставок американского СПГ будет способствовать завершение строительства терминалов Golden Pass и Corpus Christi к концу 2026 г[39]. Нельзя исключать также, что отсутствие прогресса по урегулированию к середине лета 2026 г. заставит республиканскую администрацию занять более консолидированную с европейскими странами позицию в отношении России. США также усилят давление на Китай и Индию, чтобы заставить их полностью прекратить экспорт российской нефти, а также на страны Центральной Азии, чтобы блокировать альтернативные логистические пути.

[38] Speech by President of the Republic of Finland Alexander Stubb at the opening of the 254th National Defence Course at the House of Nobility in Helsinki on 3 November 2025 // Office of the President of the Republic of Finland. https://www.presidentti.fi/en/speech-by-president-of-the-republic-of-finland-alexander-stubb-at-the-opening-of-the-254th-national-defence-course-at-the-house-of-nobility-in-helsinki-on-3-november-2025/.

[39] Short-Term Energy Outlook // US Energy Information Administration. 2025.12.11. https://www.eia.gov/outlooks/steo/report/natgas.php.

ЕВРОПА

Тенденции перемен в партийно-политическом ландшафте Европейского союза

Первым важным отличием 2026 году будет снижение рисков значительного усиления влияния крайне правых сил в государствах-членах ЕС. Этому будут способствовать несколько факторов.

Не произошел повсеместный отказ от неформального соглашения системных партий не входить в правительственные коалиции с правыми радикалами, а получить последним абсолютное большинство на всеобщих парламентских выборах для создания однопартийного правительства представляется затруднительным в условиях фрагментации партийных систем в государствах-членах. В тех же случаях, когда праворадикальным партиям удавалось прийти во власть, они оказывались перед дилеммой – адаптироваться к новым институциональным условиям, произвести ребрендинг и начать движение к центру, как это произошло в Италии с партией «Братья Италии» Джорджи Мелони, либо – вернуться в оппозицию, как в случае Партии свободы Герта Вилдерса.

Несмотря на многочисленные инициативы признать праворадикальные партии экстремистскими с целью «защиты демократии», как это происходит в настоящее время в Германии в отношении АдГ (Альтернатива для Германии), наиболее влиятельной оппозиционной силы в стране, или в Испании – в случае с «Вокс» («Голос»), в политических элитах государств-членов постепенно будет происходить переосмысление эффективности таких запретительных мер в пользу продуманного и последовательного оспаривания политических платформ крайне правых и устранения ключевых причин их популярности, в первую очередь, социально-экономических.

Одновременно системные правоцентристские партии продолжат попытки заимствовать и адаптировать отдельные программные положения крайне правых для расширения собственного электората, в частности, предлагая ужесточить миграционное регулирование в стране и более последовательно бороться с нелегальной миграцией (так происходит уже сейчас в Германии, Испании, Франции).

Тем не менее последствия подобных действий не так просто прогнозировать. Так, высказывания лидера ХДС и канцлера ФРГ Ф. Мерца о том, что миграция меняет образ немецких городов, вызвали критику и уличные протесты и, возможно, не увеличат, а напротив, сократят число сторонников ведущей правительственной партии.

На этом фоне, однако, нельзя игнорировать и вторую тенденцию – дальнейшую радикализацию крайне правого спектра. Этот тренд имеет риски усилиться в краткосрочной перспективе. Его симптом – появление новых, пусть и маргинальных мелких партий неофашисткого толка в Германии, Испании, Франции, Хорватии и других странах ЕС. Они привлекают сторонников из молодежной среды, используя аргументы экономической нестабильности и молодежной безработицы, накапливают опыт онлайн-мобилизации и активно формируют субкультурную среду в социальных сетях, для которой антииммигрантский дискурс и ксенофобия фактически стали нормой.

Есть также вероятность того, что продолжится радикализация молодежных отделений праворадикальных партий (АдГ в Германии, «Вокс» в Испании, «Братья Италии» в Италии, пр.), в том числе в связи с приходом представителей этой субкультуры в молодежные партийные организации, а затем и в сами партии. Это, с одной стороны, грозит конфликтами и расколами в таких партиях, а значит, может ослабить их позиции, но с другой, не исключено, будет способствовать превращению праворадикальных партий в ультраправые в результате смены поколений и ухода в прошлое семейных историй о Второй мировой войне.

Отметим, что государства-члены и сам Евросоюз оказываются во многом неготовыми результативно запрещать такие организации, осуществлять действенный надзор за ними, а также выявлять неонацистские группировки и ячейки, которые не всегда регистрируются официально и часто примыкают к спортивным и бойцовским клубам. Так, в январе 2025 г. АдГ приняла решение распустить свою молодежную организацию «Молодая альтернатива» после того, как Федеральное ведомство по охране Конституции последовательно признало несколько земельных отделений этой организации правоэкстремистскими. Однако уже в ноябре 2025 г. партия провела учредительный съезд новой молодежной организации «Поколение Германии», лидером которой стал Жан-Паскаль Хом, 28-летний депутат ландтага земли Брандербург (Восточная Германия), известный своими публичными антисемитскими высказываниями. На съезде присутствовал Маттиас Хельферих, ранее временно исключенный из АдГ за провокационные заявления и откровенные симпатии национал-социализму.

Третья тенденция обусловлена Украинским конфликтом и в целом консенсусом национальных правительств по поводу укрепления «жесткой силы» ЕС и наращивания доли расходов на оборону в ВВП в соответствии с целевыми показателями НАТО. Этот тренд в 2026 г. останется вызовом для системных партий и особенно – для европейского левого движения. Левые партии уже несколько десятилетий переживают кризисы и идейно-политические трансформации в связи с политикой СССР/Российской Федерации, распадом Советского Союза и изменениями международной среды.

С одной стороны, в 2026 г. продолжится адаптация экономик ЕС к условиям все более жестких антироссийских санкций и запланированному полному отказу от российского как трубопроводного, так и сжиженного газа к 1 января 2028 г. С другой – ожидаемые дальнейшие целевые траты на оборону незначительно повлияют на рост совокупного ВВП государств-членов, однако одновременно приведут к увеличению госдолга и ускорению инфляции, тем более что в плане вооружения и военной техники Евросоюз по-прежнему зависит от импорта из США, а в некоторых областях такая зависимость носит критический характер. В совокупности с военной и гуманитарной помощью Украине эти финансовые расходы если не в краткосрочной, то в среднесрочной перспективе будут иметь негативные социально-экономические последствия и тем самым содействовать укреплению позиций маргинальных крайне правых и крайне левых сил на волне антиправительственных и в целом антиэлитных настроений в обществе.

Что касается европейских левых, то в первую очередь испытанию на прочность подверглись их пацифистская позиция и противостояние крайне правым. Очевидно, способность совместить поддержку помощи Украине, в том числе военной, с сохранением своих

традиционных антивоенных установок представляется в этих условиях наиболее оптимальным вариантом будущих электоральных успехов. Подобную креативность демонстрирует испанская леворадикальная партия «Подемос» («Мы можем»), входящая с 2020 г. в правительственную коалицию вместе с Испанской социалистической рабочей партией, что нетипично для нынешнего Европейского союза. «Подемос», как и «Вокс», выступала против военной помощи Украине и отправки испанского миротворческого контингента и за дипломатическое урегулирование конфликта. Тем не менее министры от «Подемос» молча согласились с планами правительства Педро Санчеса направить военную помощь Украине и повысить долю оборонных расходов в соответствии с целевыми показателями НАТО. По официальным данным на ноябрь 2025 г., Испания направила более 3 млрд евро на военную помощь украинской стороне.

В случае продолжения конфликта на Украине левым партиям необходимо будет приспосабливаться к новым реалиям, учитывая прошлые электоральные неудачи, календарь новых выборов и задачи избирательных кампаний различного территориального уровня. В 2026 г. очередные всеобщие парламентские выборы пройдут в Венгрии, Дании, на Кипре, в Латвии, Португалии, Словении и Швеции, а в 2027 г. – в Греции, Испании, Италии, на Мальте, в Польше и Словакии. Впрочем, подобный адаптационный потенциал обязаны будут демонстрировать и праворадикальные партии, сознательно занижая внешние риски в собственных электоральных интересах. Попытки учесть такого рода риски правыми радикалами уже наблюдаются. Так, в ноябре 2025 г. сопредседатель АдГ Алис Вайдель, стремясь избежать обвинений АдГ в «работе на Кремль», осудила намерение своих однопартийцев – депутатов Бундестага поехать в Россию для участия в Международном симпозиуме БРИКС–Европа в Сочи.

ФРГ

Основным политическим вызовом для ФРГ в 2026 г. будет сохраняющийся высокий рейтинг правопопулистской «Альтернативы для Германии» (АдГ) и падение поддержки правящих партий.

В 2026 г. в Германии состоятся выборы в региональные парламенты пяти земель. Наибольший вызов для политической стабильности представляют выборы в Саксонии-Анхальт и Мекленбурге-Передней Померании. В обеих землях АдГ может приблизиться к 40% и занять первое место. Это не гарантирует партии участие в правительстве, однако высокий результат «Альтернативы» исключит возможность формирования в данных регионах стабильных правящих коалиций.

Следствием высокой поддержки «Альтернативы для Германии» станут следующие политические процессы. Во-первых, в партии Христианский демократический союз (ХДС) обострятся дискуссии об отказе от «брандмауэра»[40]. Во-вторых, на муниципальном уровне «брандмауэр» продолжит размываться, партии политического мейнстрима будут взаимодействовать с АдГ. При этом отмена запрета на сотрудничество с «Альтернативой для Германии» пока маловероятна. В-третьих, усилится кризис в правящей коалиции: для того, чтобы вернуть голоса сторонников АдГ, блок ХДС/ХСС будет сдвигаться в социально-

[40] Брандмауэр – запрет на сотрудничество с «Альтернативой для Германии».

экономических мерах и риторике вправо, а Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) останется на левоцентристских позициях. Распад коалиции не исключен, но очень маловероятен.

Низкий рейтинг правительства будет связан с недовольством населения экономическими сложностями и разногласиями внутри правительственной коалиции.

Важнейшей целью руководства Германии станет стимулирование экономического роста. В правительстве усилятся дискуссии между ХДС/ХСС и СДПГ о мерах помощи бизнесу, налоговой реформе и сокращении расходов на социальную политику. Однако пока быстрого роста экономики не ожидается.

Сохранится внимание к миграционному вопросу. ФРГ не столкнется с миграционными вызовами, подобными 2015–2016 гг., но повышенное общественное внимание к этой теме приведет к выработке политических мер, направленных на снижение уровня миграции. На европейском уровне Германия продолжит имплементацию Пакта о миграции и предоставлении убежища. На национальном – большое значение будет уделяться ускорению процедуры высылки лиц, не получивших убежище: снижение бюрократических норм, расширение списка безопасных стран, двусторонние договоренности со странами исхода. Проблема репатриации повлияет на внешнюю политику, в частности, обеспечит более мягкую позицию Берлина в отношении режимов Афганистана и Сирии.

ФРГ повысит расходы на оборону более чем на 20% (около 105 млрд евро). Вероятно, в 2026 г. будет запущена реформа военного призыва. Германия нарастит закупки вооружения и военной техники, преобладающая доля заказов придется на немецкие компании. Основным зарубежным поставщиком останутся США.

Серьезным вызовом немецкой внешней политики станут возможные торговые ограничения со стороны США и КНР. В связи с этим ФРГ будет продолжать работать над диверсификацией торговых отношений, развивая экономические связи с Индией и другими странами АТР.

Несмотря на сложности в выстраивании коммуникации с Д. Трампом, важность трансатлантических отношений останется константой для Германии. Одной из тактик улучшения отношений с Вашингтоном будут высокие расходы на оборону и закупки американского вооружения. В сфере безопасности трансатлантические связи только укрепятся: в ФРГ продолжится размещение американской 2-й Многосферной оперативной группы (Multi Domain Task Force), возрастет зависимость Берлина от американского ВПК в чувствительных областях – авиация, радары, крылатые ракеты. В диалоге с американским президентом немецкие политические элиты будут подчеркивать, что выполняют обязанности по НАТО, стремясь таким образом заручиться большей американской поддержкой в вопросах конфликта на Украине, гарантий безопасности, снижения таможенных пошлин.

Другим императивом внешней политики Берлина останется приверженность евроинтеграции. Германия примет участие в оборонительных программах ЕС, в том числе совместных закупках вооружения для Украины. Однако ФРГ не будет во всех вопросах поддерживать французский курс на укрепление стратегической автономии и интеграцию

закупок и военного производства стран – членов ЕС. Задержки в реализации проектов совместного франко-германского танка Main Ground Combat System (MGCS) и франко-германо-испанского истребителя Future Combat Air System (FCAS) могут вызвать дополнительные сложности между Берлином и Парижем.

В Германии сохранится поляризация по вопросу палестино-израильского конфликта. Во-первых, останется расхождение между позицией большинства населения и правительства. Отношение рядовых немцев к Израилю сильно ухудшилось после начала конфликта. 62% опрошенных граждан ФРГ считают, что действия Израиля в Газе можно назвать геноцидом, лишь 17% не согласны с этим утверждением[41]. При этом правительство воздерживается от резкой критики Израиля и употребления понятия «геноцид». В случае обострения конфликта официальный Берлин не будет поддерживать жестких мер в отношении Израиля, но, вероятно, сократит поставки наступательных вооружения. Немецкое правительство продолжит ограничивать антиизраильские выступления населения.

Во-вторых, в общественных дискуссиях о палестино-израильском конфликте сохранится высокий эмоциональный уровень с использованием обвинений в антисемитизме, расизме или поддержке геноцида. Это связано с сохраняющимся в Германии вниманием к истории национал-социализма. С одной стороны, осмысление преступлений Третьего Рейха затрудняет для немецкого правительства и части общества критику Израиля, а с другой – приводит к обостренному болезненному отношению к темам геноцида и прав человека.

В вопросе поддержки Украины подобная поляризация не ожидается. В условиях украинского конфликта ФРГ продолжит военную и финансовую помощь Киеву, что будет находить одобрение значительной доли граждан. Объемы военной помощи могут возрасти до 11,5 млрд евро[42], возможна отправка ВСУ ЗРК Patriot, ЗРК IRIS-M, ББМ, дронов, артиллерийских снарядов. Однако передача новых наименований, в том числе дальнобойных ракет «Таурус», и перенос на Украину немецкого оборонного производства маловероятны.

Германия не станет инициатором урегулирования украинского конфликта и будет выстраивать свою политику в зависимости от позиции Киева, европейских союзников и США. Для преобладающей части населения также будет характерно представление, что решение о переговорах с Россией должна принимать украинская сторона[43]. В качестве гарантий безопасности ФРГ будет выступать за укрепление обороноспособности Украины, но не членство в НАТО.

Германия сохранит жесткий курс в отношении России. Официальный Берлин продолжит риторику о том, что к 2029-2030 гг. РФ нарастит достаточный потенциал для агрессии в отношении НАТО. Алармистская риторика будет использоваться немецкими элитами для обоснования высоких военных расходов, реформы призыва, военных закупок. При этом,

[41] 44 Prozent der deutschen Wahlberechtigen sprechen sich für die Anerkennung Palästinas als eigenständiger Staat aus // YouGov.de. https://yougov.de/politics/articles/53032-44-prozent-der-deutschen-wahlberechtigen-sprechen-sich-fur-die-anerkennung-palastinas-als-eigenstandiger-staat-aus.

[42] Deutschlands Ukraine-Hilfen steigen 2026 auf 11,5 Milliarden Euro // Die Welt. https://www.welt.de/politik/deutschland/article69122d4d111dd875f6257f02/haushaltsvorlage-deutschlands-ukraine-hilfen-steigen-2026-auf-11-5-milliarden-euro.html.

[43] Sorge vor einem erneuten großen Krieg in Europa // Tagesschau. https://www.tagesschau.de/inland/deutschlandtrend/gedenken-zweiter-weltkrieg-102.html.

вероятно, Берлин будет воздерживаться от спланированных провокаций в отношении Москвы.

На постсоветском пространстве усиление политического влияния ФРГ маловероятно. В связи с сокращением финансирования политики развития гуманитарно-политическая активность немецких НКО в этих странах сократится.

Франция

Динамика социально-экономического развития Франции в 2026 году ожидается столь же слабой, как и в 2025 году. По прогнозу Банка Франции ожидается крайне слабый рост ВВП (0,7-0,9%[44] при среднем показателем по еврозоне в 1,2%[45]), что при ожидаемой инфляции (1,7%[46]) фактически означает стагнацию. По темпам роста ВВП Франция будет отставать от Китая (4,8%) и США (2%)[47]. Дефицит госбюджета должен остаться на уровне 4,7%[48], но для этого сам бюджет еще предстоит принять. Текущий проект бюджета предполагает рост доходов за счет налогообложения самых богатых слоев и устранения налоговых лазеек, и снижения госрасходов – за исключением сферы обороны. Госдолг должен вырасти на 2 п.п. – до 117,6% ВВП[49], уровень безработицы также ждет рост с 7,5 до 8,2%[50]. Покупательная способность французов (РРД по ППС) должна упасть с 0,8% до 0,4%[51].

Основные причины такой стагнации, как считает экспертный центр OFCE – ослабление внутреннего спроса, усиление напряженности в международной торговле и неопределенность политической обстановки[52]. Не зря, согласно соцопросам, 2/3 населения (69%) Франции испытывают пессимизм относительно будущего для себя и своих детей, и эта цифра возросла на 15% по сравнению с январем 2022 г. Наиболее оптимистично в будущее смотрит молодежь до 35 лет, но чем старше респонденты, тем более пессимистично они настроены. Спектр наиболее волнующих тем: здравоохранение и образование, преступность

[44] PIB : le gouverneur de la Banque de France confirme la bonne tenue de la croissance française en 2025 et en 2026 // Boursorama. 2025. 12.11. https://www.boursorama.com/actualite-economique/actualites/pib-le-gouverneur-de-la-banque-de-france-confirme-la-bonne-tenue-de-la-croissance-francaise-en-2025-et-en-2026-3f49e21801811d27a01e92f69672aa3c.

[45] IMF hikes eurozone growth forecast despite ‘elevated’ economic uncertainty // Euractiv. 2025. 14.10. https://www.euractiv.com/news/imf-hikes-eurozone-growth-forecast-despite-elevated-economic-uncertainty/.

[46] Décisions de politique monétaire // *Banque de France*. 2025. 11.09. https://www.banque-france.fr/fr/communiques-de-presse/decisions-de-politique-monetaire-19.

[47] IMF hikes eurozone growth forecast despite ‘elevated’ economic uncertainty.

[48] Moins optimiste que le gouvernement, l'OFCE anticipe une croissance de seulement 0,7% en 2025 et 2026 et ne croit pas à un déficit ramené à 4,7% l'année prochaine // BFM TV. 2025. 15.10. https://www.bfmtv.com/economie/economie-social/france/moins-optimiste-que-le-gouvernement-l-ofce-anticipe-une-croissance-de-seulement-0-7-en-2025-et-2026-et-ne-croit-pas-a-un-deficit-ramene-a-4-7-l-annee-prochaine_AD-202510150347.html.

[49] Ibid.

[50] France – La Banque de France révise à son tour sa prévision de croissance à la hausse pour 2025 // Crédit Agricole. Etudes économiques. 2025.22.09. https://etudes-economiques.credit-agricole.com/Publication/2025-septembre/france-la-banque-de-france-revise-a-son-tour-sa-prevision-de-croissance-a-la-hausse-pour-2025.

[51] Heyer E., Timbeau X., Plane M., Briodeau C., Daudignon S., et al.. Déficit de confiance : Perspectives 2025-2026 pour l’économie française // OFCE Policy Brief. 2025. 149. 10 p. https://sciencespo.hal.science/hal-05322467v1/document P. 8.

[52] Moins optimiste que le gouvernement... *Op. cit.*

и борьба с терроризмом, экономические проблемы (рост цен/инфляция, покупательная способность населения)[53].

Внутриполитическое развитие Франции в 2026 г. во многом будут определять два основных фактора. Первый – отсутствие у президента Э. Макрона парламентского большинства после провальных парламентских выборов 2024 г., что оборачивается чехардой премьер-министров. За два последних года в стране сменилось уже три премьер-министра, каждый из которых отработал меньше 12 месяцев: на смену М. Барнье (3 месяца), назначенному осенью 2024 г. и не сумевшему принять бюджет страны на 2025 г., пришел Ф. Байру (8,5 месяцев), которого по той же причине год спустя сменил С. Лекорню. Его первое правительство просуществовало 1 день, второе пока что держится 2 месяца, но его судьбу во многом определит исход борьбы в парламенте за принятие законопроекта о бюджете на 2026 год. В случае провала не исключены отставка Лекорню и новые чрезвычайные парламентские выборы, которые, судя по соцопросам, вряд ли принесут успех макронистам, укрепив позиции ультраправых.

На ситуацию может повлиять и ряд значимых внутриполитических событий. В январе-феврале будет вынесен судебный вердикт по делу лидера ультраправой партии Национальное объединение М. Ле Пен. Скорее всего, ее лишат права баллотироваться на выборах на 2 года, что означает, что основным кандидатом партии станет воспитанник Ле Пен Ж. Барделла. На февраль намечен референдум об автономном статусе Новой Каледонии – французского владения в Тихом океане. Там же в мае-июне должны пройти региональные выборы, значимые для понимания нового расклада сил на архипелаге между лоялистами и автономистами. В марте же Францию ждут муниципальные выборы, которые станут проверкой популярности политических сил на местном уровне.

Второй фактор – подготовка страны к новым президентским выборам в 2027 г., которая де-факто стартует уже осенью 2026 г. Поскольку Э. Макрон не сможет баллотироваться на выборах, список основных кандидатов в президенты определится уже к концу 2026 г. Не исключены первичные выборы («праймериз») в левом, центристском и правом лагерях. По соцопросам у М. Ле Пен или Ж. Барделла есть солидные шансы пройти во 2-й тур. Набрать очки они могут на фоне экономических трудностей страны. У прочих кандидатов многое будет зависеть от их способности консолидировать свой лагерь.

В стране наблюдается некоторая поляризация населения в отношении двух основных конфликтов, важных для официальной Франции – Украинского и Ближневосточного. Тема отношений России и Украины останется для французов скорее важной, чем вторичной, но точно не приоритетной, серьезно уступающей внутренним проблемам. В наибольшей степени она сейчас волнует лиц старшего поколения (от 35 лет и выше, особенно 50–65–летних), обеспеченных и горожан, избирателей макронистов, социалистов, «Зеленых». В наименьшей степени она волнует молодежь (18–35 лет), особенно необеспеченную и из

[53] Balise d'opinion №301 – L'état d'esprit des Français à la rentrée 2025 // IFOP. 2025.01.09. https://www.ifop.com/article/balise-dopinion-301-letat-desprit-des-francais-a-la-rentree-2025/.

сельской глубинки, избирателей крайне левых сил, умеренных правых («Республиканцев») и ультраправых[54].

Тема войны Израиля с Хамасом/Хезболлой будет привлекать внимание французов почти так же, как российско-украинские отношения. В наибольшей степени она волнует молодежь (18–24 года) и 50–65–летних, в партийном плане – избирателей левых. В наименьшей степени – лиц наиболее активного экономического возраста (25–34 и 35–49), особенно с низким достатком и из сельской глубинки, особенно умеренно-правых и ультраправых настроений[55]. В то же время в фокусе внимания может оказаться проблема всплеска антисемитизма в самой Франции: число антисемитских актов в 2023–2024 гг. выросло в 3–4 раза по сравнению с 2022 г. – после терактов 7 октября 2023 и израильского наступления в Газе[56]. Считается, что основными носителями антисемитской риторики являются приверженцы крайне-левых сил и часть молодых мусульман (в знак солидарности с Палестиной), а также носители традиционных антисемитских взглядов в рядах крайне правых[57].

Внешнеполитический курс. В условиях бурной внутриполитической жизни, когда Макрон становится «уходящим президентом», от Франции вряд ли ожидать особых внешнеполитических инициатив. Скорее она будет поддерживать общие демарши союзников по ЕС/НАТО – Германии, Великобритании, Испании и др., например, по повышению экономической конкурентоспособности ЕС, ее социального сплочения и энергетического потенциала, совместным закупкам вооружений (в том числе в рамках проектов SAFE и Readiness 2030). Оборонный бюджет Франции должен вырасти на 6,7 млрд евро (+13% к 2025 г.), составив 57,1 млрд евро[58]. При обсуждении возможных перспектив расширения ЕС на Балканы (например, в отношении Албании и Черногории) ее позиция останется сдержанной: она не станет его форсировать, но вряд ли будет выступать против.

Отношения Франции с США останутся сложными: союзнические связи отчасти будут нивелированы трениями по экономическим (протекционистская политика Д. Трампа, непопулярного среди французов[59]) и международным вопросам (отношения с Китаем, в отношении палестино-израильского конфликта и т.д.). Введенные Д. Трампом таможенные пошлины в отношении ЕС на 15% затрагивают французский экспорт в США, которые в 2024 г. были 4-м рынком для Франции и первым после стран ЕС. Уже за 2025 г. французский экспорт в США упал на 5% – это меньше, чем в целом по ЕС (8%), но все же чувствительно. Особенно сильным за 1 половину 2025 г. был спад экспорта стали и алюминия (-25%), фармацевтики (-20%), косметики (-12%) и автомобилестроения (-10%), хотя продажи

[54] Balise d'opinion №301 – L'état d'esprit des Français à la rentrée 2025 // IFOP. 2025.01.09. https://www.ifop.com/article/balise-dopinion-301-letat-desprit-des-francais-a-la-rentree-2025/.
[55] Ibid.
[56] Deshautels L. Vrai ou faux. La France fait-elle face à une "flambée de l'antisémitisme" ? // La Dépêche. 2025.25.08. https://www.ladepeche.fr/2025/08/25/vrai-ou-faux-la-france-fait-elle-face-a-une-flambee-de-lantisemitisme-12892550.php.
[57] Tacchi N. Exclusif. Les chiffres chocs de l'antisémitisme à l'école // Le Point. 2025.05.03. https://www.lepoint.fr/education/sondage-exclusif-les-chiffres-chocs-de-l-antisemitisme-a-l-ecole-05-03-2025-2584010_3584.php.
[58] Projet de loi de finances des Armées 2026 – LPM année 3 // Ministère des Armées et des Anciens combattants. 2025.31.10. https://www.defense.gouv.fr/ministere/politique-defense/loi-programmation-militaire-2024-2030/projet-loi-finances-armees-2026-lpm-annee-3.
[59] Les Français et les Etats-Unis // IFOP. 2025.20.03. https://www.ifop.com/article/les-francais-et-les-etats-unis/.

авиастроения поднялись на 21%. Президент Макрон, вошедший в когорту лидеров, которые нашли общий язык с Трампом, скорее всего, будет пытаться убедить последнего пересмотреть свою политику, возможно предлагая за это какие-то уступки в других сферах, или же стимулировать страны ЕС ввести ответные меры. Значимыми в этом плане могут стать встречи Макрона и Трампа на многосторонних саммитах: июньском G7 в Эвиане (Франция), июльском НАТО на Аляске и декабрьском G20 во Флориде.

Отношения Франции с Китаем также сохранят двойственный характер: с одной стороны, Париж, учитывая важность КНР как своего 5-го торгового партнера[60] и 3-го торгового партнера ЕС[61], вряд ли последует за жестким нажимом США на КНР. С другой стороны, Франция будет видеть в КНР политического соперника ЕС и сохранит курс в ИТР на формирование группы стран, создающей альтернативу и США, и КНР. Скорее всего, Франция будет оказывать давление на китайский бизнес, участвующий в поставках высокотехнологических продуктов в Россию.

Франция продолжит курс на поддержку Киева в Украинском конфликте. Уже обещаны поставки вооружений – ракеты *Aster* для систем ПВО и истребители-бомбардировщики *Mirage*[62], не исключены дальнобойные ракеты *Scalp*, – но их количество вряд ли существенно повлияет на ситуацию на фронте. Продолжится наращивание военного производства (артиллерии, боеприпасов, дронов), в т. ч. для передачи Киеву: в 2025 г. вступил в строй пороховой завод в Бержераке, который в 2026 г. должен выйти на производство 1800 т пороха в год[63]. В качестве одной из гарантий безопасности Украине рассматривается сценарий ввода туда французских военных – совместно с другими союзниками по ЕС/НАТО, хотя если это случится, то скорее всего после установления перемирия между Москвой и Киевом. Более вероятен сценарий того, что вместе с союзниками Франция может одобрить новые меры давления на Россию, включая пакеты санкций и изъятие российских активов в ЕС, хотя вряд ли первая пойдет на этот шаг.

Сохранится посильная борьба Парижа с российским влиянием на постсоветском пространстве (Молдавия, Грузия, Армения и проч.), в том числе и по энергетическим соображениям (Азербайджан, Казахстан, Узбекистан). В целом, настрой Парижа на долгосрочное военно-политическое и экономическое сдерживание России силами Запада останется прежним, и о каких-либо подвижках здесь можно будет говорить лишь после избрания нового президента Франции в 2027 году. При этом проблемы российско-украинских отношений, как и палестино-израильских, волнуют французов в разы меньше (важными их назвали не более 30% населения), чем социально-экономические трудности (60-80%)[64].

---

[60] Fiche Pays – Repères économiques. Chine // France Diplomatie. Octobre 2025. https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/fichepays_chine_20251107_1646_cle848a38.pdf.

[61] Commerce UE-Chine: faits et chiffres // Europa.eu. 2025.08.08. https://www.consilium.europa.eu/fr/infographics/eu-china-trade/.

[62] Emmanuel Macron annonce que la France livrera des missiles Asters supplémentaires à l'Ukraine "dans les prochains jours" // BFM TV. 2025.24.10. https://www.bfmtv.com/economie/entreprises/defense/emmanuel-macron-annonce-que-la-france-livrera-des-missiles-asters-supplementaires-a-l-ukraine-dans-les-prochains-jours_AD-202510240731.html.

[63] Macron chez Eurenco Bergerac – "L'économie de guerre crée de la richesse" // Pax Aquitania. 2024.12.04. http://www.paxaquitania.fr/2024/04/macron-chez-eurenco-bergerac-leconomie.html.

[64] Balise d'opinion №301… *Op. cit.*

Франция критически относится к идее существования какого-либо единого блока «Глобального Юга». В блоке БРИКС она выделяет группы стран, занимающих более жесткие антизападные позиции (Россия, Иран) и более дружелюбные к Западу (Бразилия, Индия, ЮАР), предпочитая усиливать сотрудничество с последними. Саммит ШОС в Пекине в 2025 г. вызвал у французских наблюдателей беспокойство относительно возможного укрепления китайско-индийских отношений. Скорее всего, Париж продолжит попытки усиления связей с отдельными государствами БРИКС – например, с Индией, Индонезией, ОАЭ – в рамках формирования в Индо-Тихоокеанском регионе своей коалиции «третьего пути», альтернативной как США, так и Китаю.

Франция, скорее всего, постарается повлиять на палестино-израильское урегулирование в связи с признанием ею Палестины в 2025 году. С высокой вероятностью, французы сохранят неприятие израильской военной операции против Газы, требуя принятия сдерживающих мер против Израиля – особенно за это будут выступать левые силы и молодежь[65]. Эффективность принятия таких шагов трудно прогнозировать, но ЕС в их отношении, скорее всего, останется расколотым.

Франция продолжит борьбу за сохранение своих позиций в Африке, адаптируя свою политику под новые условия: гибкое военное присутствие с переложением ответственности за проблемы безопасности на международные миротворческие силы и армии африканских стран, противодействие политике конкурирующих держав – Китая, Турции, России и других, социально-экономические инициативы, способные заинтересовать африканскую молодежь и бизнес. Особый акцент будет сделан на страны, никогда не входивших во французскую колониальную империю, а значит, не имеющих исторических травм в отношении Парижа. Это, в частности, быстро развивающиеся англоязычные страны, где идет урбанизация и растет средний класс – Нигерия, ЮАР, Кения. Важным событием в этой сфере станет майский саммит Франция–Африка в Найроби – первый в нефранкоязычной стране.

Великобритания

Внутренняя политика

Рейтинги правящей лейбористской партии на протяжении 2025 г. продолжали снижаться. Британские граждане невысоко оценивают достижения правительства под руководством премьера Кира Стармера, а сохраняющиеся вызовы и внутрипартийные противоречия означают, что и в 2026 г. лейбористам будет непросто преодолеть накопившиеся проблемы. Даже обладая уверенным большинством в Палате общин (на ноябрь 2025 г. у лейбористов 406 из 650 мест), партия не может продемонстрировать гражданам убедительных результатов своей работы. Оказавшейся по результатам выборов 2024 г. в оппозиции Консервативной партии на протяжении 2025 г. также не удалось укрепить свое положение. Ее лидер, Кеми Баденок, выглядит неубедительно на фоне конкурентов, даже по сравнению со своим предшественником Риши Сунаком, одобрение работы которого также было

[65] См. например, соцопросы от мая и сентября 2025, накануне признания Францией Палестины: Baromètre politique // Odoxa. Mai 2025. pp. 5–8. https://www.odoxa.fr/wp-content/uploads/2025/05/Barometre-Politique-Odoxa-Mai-2025.pdf; Hamiti I. Sondage BFMTV. Les Français divisés sur la reconnaissance de l'État de Palestine // BFM TV. 2025.20.09. https://www.bfmtv.com/international/moyen-orient/palestine/sondage-bfmtv-les-francais-divises-sur-la-reconnaissance-de-l-etat-de-palestine_AN-202509200058.html.

невысоким. Фактором, который сегодня играет на консерваторов, является разве что разделяемое большинством населения недовольство лейбористами.

Растет популярность правопопулистской партии «Реформировать Соединенное Королевство» под руководством Найджела Фараджа. Согласно опросам общественного мнения граждане считают, что именно она обладает наиболее высокими шансами на победу на следующих всеобщих парламентских выборах, запланированных на 2029 г., и считают ее самой патриотичной из политических сил, а также той, что предлагает радикальные перемены. С другой стороны, партия значительно чаще, чем ее оппоненты, рассматривается респондентами опросов как обладающая крайними взглядами и «странная». Для того чтобы предотвратить дальнейшее укрепление партии Н. Фараджа, как лейбористы, так и консерваторы пытаются инкорпорировать элементы повестки правых в свою программу. В частности, лейбористское правительство анонсировало меры, направленные на существенное ужесточение миграционной политики. Можно ожидать дальнейшего усиления конкуренции на правом фланге политического спектра и в 2026 г.

К осени 2025 г. несколько повысились рейтинги «Зеленой партии Англии и Уэльса», которую в сентябре возглавил Зак Полански. Вместе с новой партией, созданной экс-лейбористами Джереми Корбином и Зарой Султана под названием «Твоя партия» (или «Ваша партия» – англ. Your Party), зеленые стремятся привлечь на свою сторону избирателей с левыми взглядами, обеспокоенных растущим неравенством и недовольных правящей партией. Либерально-демократическая партия во главе с Эдом Дейви незначительно уступает в рейтингах консерваторам, лейбористам и зеленым.

На этом фоне в ноябре 2025 г. противоречия в лейбористской партии обострились и вышли в публичное пространство – в прессе появились материалы, свидетельствующие о намерениях заменить лидера партии К. Стармера[66]. Усугубляют положение не самая благоприятная экономическая ситуация, протесты против нелегальной иммиграции, растущая поляризация общества. Непоследовательные заявления лейбористов относительно налоговой политики и государственных расходов на следующий год в еще большей степени вредят имиджу правящей партии и усиливают противоречия в самом кабинете Стармера. Таким образом, к концу 2025 г. вероятность смены лидера партии возросла и в 2026 г. сохранится. В то же время проведение досрочных парламентских выборов в 2026 г.у маловероятно.

Недоверие к политическим элитам в целом способствует как дальнейшему росту рейтингов популистов, так и возникновению стихийных протестов при появлении значимых новостных поводов. Такой информационный фон, а также давление из-за низких рейтингов правительства и разногласия в самом кабинете К. Стармера могут привести и к обострению внутрипартийной борьбы и появлению в прессе обвинений в коррупции или разоблачений, в том числе, от источников в самой лейбористской партии.

Опросы общественного мнения показывают, что самыми острыми проблемами граждане Великобритании считают неудовлетворительное состояние национальной экономики и

[66] Crerar P. Starmer allies issue warning to PM’s rivals as fears grow over leadership challenge // The Guardian. 2025.11.11. https://www.theguardian.com/politics/2025/nov/11/keir-starmer-allies-ousting-pm-would-be-reckless-fears-leadership-challenge.

инфляцию, недостатки системы здравоохранения и иммиграцию. Ни на одном из направлений лейбористам пока что не удалось продемонстрировать убедительных достижений. В предвыборном манифесте правящей партии экономический рост был обозначен одним из приоритетов, говорилось даже о стремлении выйти на первое место по показателю роста ВВП среди стран «Группы семи», однако предварительные результаты за 2025 г. не демонстрируют устойчивого экономического подъема. В октябре 2025 г. Международный валютный фонд пересмотрел прогноз роста ВВП Британии в сторону повышения: по оценкам МВФ, он составит 1,3% (вместо 1,2%). Ожидания роста ВВП на 2026 г. пересмотрены и понижены с 1,4 до 1,3%[67].

Иммиграция остается одной из самых поляризующих общество тем. Согласно данным опросов, проведенных организацией *Ipsos* в партнерстве с Королевским колледжем Лондона, 84% британцев считают общество разделенным, и наиболее заметным расколом респонденты считают напряженность между иммигрантами и родившимися в Великобритании. При этом особенно остро оценивают ситуацию респонденты, поддерживающие партию «Реформировать Соединенное Королевство»[68]. Рост обеспокоенности темой иммиграции и накапливающееся недовольство ситуацией в этой сфере, особенно в отдельных, социально неблагополучных районах, может выплескиваться в 2026 г. в новые протестные акции.

Внешняя политика

Второй президентский срок Д. Трампа в США оказал существенное воздействие на британскую внешнюю политику. «Особые отношения» с США и ранее рассматривались британскими элитами как приоритетные, однако резкие заявления и не всегда предсказуемые шаги администрации Д. Трампа заставляли британскую сторону реагировать и предпринимать ответные шаги в короткие сроки. На протяжении 2025 г. были организованы разного рода встречи и визиты, в особенности – в ответ на инициативы Д. Трампа в отношении Украины. С подачи лидеров Великобритании и Франции сделана попытка объединить западные страны в рамках «Коалиции желающих». По словам премьера К. Стармера, занятость на внешнеполитическом направлении привела к тому, что он упустил из виду проблемы в собственной партии.

В целом наиболее пессимистичные ожидания британских экспертов и политиков в связи с приходом к власти Д. Трампа не оправдались и К. Стармеру удавалось демонстрировать приверженность Великобритании трансатлантическим отношениям. Для Британии, тесно связанной с США практически во всех сферах – от экономики и технологий до обороны, разведки и ядерного сдерживания, взаимодействие с Вашингтоном неизбежно.

Высокая степень неопределенности также связана с торговыми войнами Д. Трампа и повышением таможенных пошлин на товары из-за рубежа. США является крупнейшим торговым партнером Великобритании, объем экспорта товаров и услуг из Соединенного

[67] World Economic Outlook // IMF. 2025.14.11. https://www.imf.org/en/publications/weo/issues/2025/10/14/world-economic-outlook-october-2025.
[68] The UK’s changing ‘culture wars’. Division, tension and common ground // IPSOS, King’s College London. November 2025. https://www.kcl.ac.uk/policy-institute/assets/uks-changing-culture-wars-division-tension-and-common-ground.pdf.

Королевства ко II кварталу 2025 г. вырос и за четыре предшествующих квартала составил 204,3 млрд ф. ст.[69] В мае 2025 г. Британии удалось заключить торговое соглашение с США, а в сентябре 2025 г. – соглашение о технологическом сотрудничестве, предусматривающее американские инвестиции в британский технологический сектор. Таким образом, в целом правительству удавалось в течение года относительно успешно выстраивать взаимодействие с ключевым партнером. Однако сохраняющаяся неопределенность оказывает дестабилизирующее воздействие на британскую политику. Такое воздействие, вероятно, сохранится и в 2026 г.

В отношениях Британии и Евросоюза намеченный лейбористами в предвыборном манифесте курс на сближение в 2025 г. получил свое подтверждение. В мае 2025 г. прошел первый после выхода из Евросоюза саммит Великобритания – ЕС[70]. Стороны наметили направления для более тесного сотрудничества, в том числе, для снятия торговых барьеров, упрощения передвижения людей между ЕС и Великобританией и другие. В 2026 году такой курс будет продолжен. Все чаще звучат тезисы о том, что выход из ЕС (Брекзит) оказался ошибкой, однако вопрос об официальном возвращении Британии в объединение не стоит. Готовность некоторых членов кабинета К. Стармера признать ущерб, который нанес Брекзит британской экономике, может также быть связана с попытками противодействия партии Н. Фараджа, так как именно он и возглавляемые им ранее политические силы агитировали за выход из Евросоюза.

Политика, направленная на максимальное противодействие России сохраняется. В 2025 году Британия стремилась играть значимую роль как один из главных сторонников Украины и предпринимала значительные дипломатические усилия, чтобы уравновесить не всегда последовательные шаги Д. Трампа и сплотить европейские и другие западные страны в рамках «Коалиции желающих». Введены новые пакеты санкций против российских компаний и частных лиц, а также так называемого теневого флота. В то же время К. Стармер неизменно на словах выражал поддержку инициативам Д. Трампа по мирному урегулированию конфликта. В самой Британии как в парламенте, так и в обществе в целом сохраняется консенсус относительно необходимости усиления поддержки Украины. Это одна из немногих тем, не вызывающая существенных противоречий. Британия также стремится сохранить вовлеченность США в европейскую безопасность.

Риторика в отношении Израиля со стороны британского правительства на протяжении 2025 года трансформировалась и становилась все более жесткой. В сентябре 2025 г. К. Стармер заявил о формальном признании Палестины как суверенного государства. Однако после октябрьского «саммита мира» в Египте в свете надежд на стабилизацию ситуации, в центре внимания британских политиков оказалось восстановление сектора Газа и гуманитарная помощь. По словам К. Стармера, Британия претендует на роль лидера в усилиях по

[69] United States. Trade and Investment Factsheet. Department for Business and Trade. 2025.31.10. https://assets.publishing.service.gov.uk/media/69135e9a5dec0071ce4963e5/united-states-trade-and-investment-factsheet-2025-10-31.pdf.

[70] Харитонова Е.М. Итоги саммита Великобритания – ЕС // ИМЭМО РАН. 2025.22.05. https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/uk-eu-summit-results.

постконфликтному восстановлению[71]. Общественное мнение в Британии неоднородно: согласно данным опросов за последнее время снизилась доля британцев, сочувствующих Израилю, а более половины респондентов в сентябре назвали действия Израиля в Газе неоправданными[72]. По данным исследовательской организации «Институт исследований политики в отношении евреев», заметен рост антисемитизма: по мнению 82% респондентов опроса, проведенного среди британских евреев летом 2025 г., антисемитизм является теперь «довольно большой» или «очень большой» проблемой. 2025 году 35% респондентов этого опроса оценили свою безопасность в Великобритании от 0 до 4 баллов по 10-балльной шкале (в 2023 г., до атак 7 октября, такую оценку давали всего 9% респондентов)[73]. Нападение на синагогу в Манчестере в октябре 2025 г. могло только подтвердить указанные опасения. Дальнейшее развитие ситуации в 2026 г. зависит, в первую очередь, от ситуации в самом регионе. Новое обострение конфликта будет способствовать усилению поляризации в британском обществе и оказывать давление на правительство с противоположных сторон, в то время как стабилизация может несколько снизить напряженность и в самой Британии. При этом, даже в случае благоприятной ситуации, амбиции Британии играть существенную роль в восстановлении Газы будет непросто реализовать с учетом непростой экономической ситуации и сокращения финансирования программ содействия международному развитию со стороны крупнейших международных доноров, включая и само Соединенное Королевство.

Китай остается одним из наиболее сложных для Британии направлений, в том числе, из-за необходимости учитывать позицию США. В новом «Стратегическом обзоре в сфере обороны», опубликованном в 2025 г., Китай назван «многогранным и постоянным вызовом» (*a sophisticated and persistent challenge*). Парламентский комитет по разведке и безопасности еще в 2023 году назвал британскую политику в отношении этой страны «абсолютно неадекватной» и несоответствующей размеру, амбициям и возможностям Китая. В то же время, КНР является одним из крупнейших торговых партнеров Британии и находится на четвертом месте по объему двусторонней торговли. Китайские студенты – на втором месте по численности среди иностранных студентов в Соединенном Королевстве. Политика Великобритании была в последние годы непоследовательной и разнонаправленной, и в течение 2025 г. проводился аудит двусторонних отношений, призванный выработать более ясную и уравновешенную стратегию[74]. В то же время поиск баланса между экономическими соображениями, учитывая роль Китая в мировой экономике, и воспринимаемыми угрозами в сфере безопасности представляется крайне сложной задачей.

[71] Prime Minister pledges UK leadership in Gaza's reconstruction at historic Egyptian Peace summit // Press release. UK Government. 2025.12.10. https://www.gov.uk/government/news/prime-minister-pledges-uk-leadership-in-gazas-reconstruction-at-historic-egyptian-peace-summit.

[72] Smith M. Two years into the Gaza conflict, record numbers of Britons say Israeli action is not justified. https://yougov.co.uk/international/articles/53115-two-years-into-the-gaza-conflict-record-numbers-of-britons-say-israeli-action-is-not-justified.

[73] Boyd D. Two years after the October 7 attacks: British Jewish views on antisemitism, Israel and Jewish life // JPR. 2025.06.10. https://www.jpr.org.uk/reports/two-years-after-october-7-attacks-british-jewish-views-antisemitism-israel-and-jewish-life.

[74] Oral statement to Parliament China audit: Foreign Secretary's statement // UK Government. 2025.24.06. https://www.gov.uk/government/speeches/china-audit-foreign-secretarys-statement.

Центрально-Восточная Европа

Общие тренды региона Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ), включающего 11 стран – членов ЕС (Болгарию, Венгрию, Латвию, Литву, Польшу, Румынию, Словакию, Словению, Хорватию, Чехию, Эстонию) в 2025 г. заметно различались в экономической и политической сферах.

Экономическая динамика была в целом положительна, несмотря на внутренние и внешние проблемы, прежде всего в области энергообеспечения и внешней торговли (из-за агрессивной торговой политики США и усилившейся экспансии Китая на рынке ЕС). В пяти странах ЦВЕ прирост ВВП был выше среднего по ЕС (ниже был прирост в Венгрии, Словакии, Румынии и Эстонии). При этом в семи странах доля дефицита госбюджета в ВВП и уровень безработицы были ниже еэсовского (выпадали из общего позитивного тренда Венгрия, Польша и Румыния по дефициту бюджета, Латвия, Литва, Румыния, Эстония по безработице). Хуже среднего страны ЦВЕ были по уровню инфляции (ниже среднего по ЕС он был лишь в Словении и Чехии).

В 2026 г., по прогнозам Еврокомиссии (ЕК), позитивный в целом для экономик стран ЦВЕ тренд сохранится. Опережающими темпами по сравнению со средней по ЕС будет прирастать экономика 9 стран ЦВЕ, безработица будет ниже средней в 8 странах, хотя уровень инфляции ниже среднего по-прежнему сохранится лишь в Словении и Чехии, а число «младоевропейцев» с долей дефицита бюджета в ВВП ниже средней снизится до пяти. Тем не менее по уровню тяжелой материальной и социальной депривации (недоступности минимума вещей для достойной жизни) в начале 2025 г. четыре страны (Болгария, Венгрия, Словакия и Румыния) были в 1,2–2,7 раза хуже среднего для ЕС. Жители Болгарии и Румынии были самыми бедными, что вело к политической нестабильности. За 2022–2025 гг. там сменилось по шесть правительств, в том числе по два в 2025 г. В большинстве стран стали хроническими ряд социальных проблем, прежде всего, в здравоохранении, жилищном строительстве, удорожании энергии для домохозяйств. Однако в целом экономика пока создает в большинстве стран ЦВЕ потенциально благоприятный фон для политического развития.

Реализация этого потенциала во многом зависела и будет зависеть от способности основных политических сил стран преодолеть или хотя бы сгладить нынешнюю неустойчивость, турбулентность, а нередко, и непредсказуемость национального политического развития и его влияния на позиционирование стран ЦВЕ в рамках ЕС и в мире. Прошедшие в 2025 г. президентские и парламентские выборы выявили основные проблемы стран ЦВЕ: смена преобладающего политического тренда и соответствующие сдвиги в расстановке политических сил; неэффективное взаимодействие главных звеньев исполнительной власти – президента и правительства; различия во внешнеполитических предпочтениях – глобализация vs изоляционизм, ЕС vs США; несогласованность позиций по развитию ЕС и региональных групп ЦВЕ, в том числе Вишеградской группы; разногласия по перспективам разрешения конфликта на Украине.

В 2025 г. в целом для стран ЦВЕ было характерно дальнейшее усиление правой части политического спектра. Фактически лишь в одной стране, Хорватии, на президентских

выборах победил представитель левоцентристских социал-демократических сил З. Милановић. В Румынии президентом стал центрист, сторонник социально-экономического либерализма, про-европеист Н. Дан. Однако он сумел победить лишь после аннулирования под предлогом «иностранного вмешательства» итогов выборов 2024 г., которые убедительно выиграл крайне правый, националистический, евроскептический и проамериканский политик К. Джорджеску. Сменивший его лидер ультраправой, националистической, антиевропейской партии Д. Симион в первом туре новых выборов набрал вдвое больше голосов, чем его соперник. Но во втором – проиграл с небольшим отставанием, что приписывают административному давлению со стороны правительства, возглавляемому правоцентристской проевропейской Национальной либеральной партией (НЛП), а также вмешательству Еврокомиссии.

В Польше президентом с небольшим перевесом над выдвиженцем правящей консервативно-либеральной проевропейской Гражданской коалиции (ГК) Р. Тшасковским стал выдвинутый правой, националистической, католически-ориентированной и евроскептической партией «Право и справедливость (ПИС)» К. Навроцки (51%). Причем в целом за кандидатов всех партий правого спектра в первом туре проголосовали 52%, а за левых – лишь 9%. Фактически избиратели разделились на два лагеря – центристов и левоцентристов и правых, включая крайне правых, что провоцирует постоянную политическую неопределенность. Кроме того, усиление правого лагеря ослабляется разногласиями между «старыми правыми», вышедшими из движения «Солидарность» (ПИС), «новыми правыми» («Конфедерация») – по идеологии и возрасту партийцев и их избирателей, а также «суперкрайними» элементами -партией жесткого националиста, антиевропеиста, гомофоба Г. Брауна. Согласно опросам конца 2025 г., в 2026 г. раскол в польском обществе сохранится.

В Чехии парламентские выборы убедительно (более 49% голосов) выиграла коалиция популистской либерально-консервативной, евроскептичной партии «Акция недовольных граждан (АНО)» и двух правонационалистических и евроскептичных партий, причем левые партии в парламент не прошли.

В целом, общее поправение политического спектра усилило соперничество между двумя центрами высшей исполнительной власти – президентом и правительством (страны ЦВЕ являются парламентскими республиками), особенно если они контролируются конкурирующими партиями. В Хорватии выбор президентом З. Милановича, по сути, был сделан в противовес правительству А. Пленковича, опирающегося на правоконсервативную и, по мнению общества, чрезмерно поддерживающую Украину, партию Хорватское демократическое содружество. В Румынии ключевым лозунгом избирательной кампании Н. Дана была борьба с коррупцией и неэффективным госуправлением. Глубокое разочарование в правящем классе по этим причинам привело к тому, что по опросам 2025 г., более 50% румын считало коммунистический режим скорее благом для Румынии, а последнего главу компартии Н. Чаушеску – хорошим лидером страны. А именно поддержавшая Дана НЛП возглавляла или входила в большинство вызывавших недовольство населения «постсоциалистических» румынских правительств. В Чехии расхождения между либеральным консерватором, евроэнтузиастом и евроатлантистом президентом П. Павелом и новым правым кабинетом А. Бабиша заметнее, в том числе по кандидатурам некоторых министров и особенно по внешнеполитическим вопросам. В Польше К. Навроцки, метко

названный одним из сатириков «не президент-элект, а президент-деликт» (т.е. правонарушитель), сразу развернул агрессивное наступление на правительство, фактически граничащее с саботажем. Ввиду разных трактовок положений Конституции, он вместо арбитра, поддерживающего социально-политический баланс в стране, и «нотариуса», почти формально утверждающего решения правительства, стремится стать высшим органом власти. За первые 4 месяца у власти он отказался утвердить назначение 40 послов, 46 судей и присвоение первых офицерских званий 136 сотрудникам спецслужб. Он также наложил вето на 17 подготовленных правительством и одобренных парламентом законов (от запрета держать собак на цепи до регулирования криптовалют), получив прозвище «ветомат». Для сравнения – самый успешный президент «постсоциалистической» Польши А. Квасьневский за 10 лет заветировал лишь 34 закона. Кроме того, К. Навроцки внутри страны предложил ряд социальных мер, не обеспеченных уже утвержденным госбюджетом, а на международной арене выступил с инициативами, фактически противоречащими внешнеполитическому курсу правительства Д. Туска. В Болгарии социал-демократически ориентированный президент Р. Радев на фоне массовых протестов из-за запланированных на 2026 г. перехода на евро (против чего выступает около 50% болгар) и повышения налогов солидаризировался с оппозицией правому правительству и призвал к его отставке, которая и состоялась в декабре 2025 г.

Национальный «правый уклон» заметно влияет на международные предпочтения политического класса ЦВЕ, одновременно отражая воздействие на национальную политику основных мировых акторов, прежде всего ЕС и США. В осложнившихся геоэкономических условиях ряд стран (Венгрия, Словакия, Польша) в отличие от общей линии ЕС активизируют связи с Китаем, в то же время фактически тормозят оформление соглашения о свободной торговле с МЕРКОСУР. Евроскептические страны (прежде всего Венгрия и Словакия) фактически апеллируют к США при отстаивании своих позиций внутри ЕС. Администрация Д. Трампа практически открыто поддерживала на выборах К. Джорджеску и К. Навроцкого, положительно относилась к А. Бабишу. Опираясь на поддержку США, Венгрия и Словакия добиваются исключений из запрета на импорт энергоресурсов из РФ, миграционной политики. В опубликованной в декабре 2025 г. новой Стратегии национальной безопасности США приоритетом объявляется поддержка правых «патриотических» сил для ослабления наднациональных стратегий и институтов, нацеленных на укрепление регионального единства и автономии ЕС, отмечается, что «растущее влияние патриотических европейских партий действительно дает повод для большого оптимизма».

В регионе ЦВЕ (фактически кроме стран Балтии), несмотря на политические расхождения, явно усиливается евроскептический настрой, противодействие общей миграционной энергетической и экологической политике Брюсселя. Это отчетливо проявилось при обсуждении предложенного ЕК проекта бюджета ЕС на 2028-2034 гг., намечающего серьезную реструктуризацию стратегий внутреннего и международного развития ЕС при соответствующем перераспределении финансирования[75]. Применительно к Венгрии,

[75] Вартазарова Л.С., Фрумкин Б.Е. О процессе принятия бюджета ЕС на 2028–2034 гг. // ИМЭМО РАН. 2025.29.10. https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/on-the-process-of-adopting-the-eu-budget-for-2028204.

Словакии, Чехии (частично Болгарии и Румынии) это противостояние с Брюсселем и рядом «старых» стран ЕС принимает жесткий характер. Тон начал задавать К. Навроцки, заявив, что нынешний ЕС «это не союз нашей мечты» и обнародовав не согласованные с правительством Д. Туска предложения по реформированию ЕС, по сути, нацеленные не на углубление интеграции, а возвращение к ее более ранним формам. При этом, отказавшись встретиться с В. Орбаном, он фактически сорвал наметившееся после победы А. Бабиша в Чехии «возрождение» сотрудничества Венгрии, Словакии, Польши и Чехии по защите их общих интересов в рамках Вишеградской группы. Навроцкий также, по сути, дезавуировал линию Д. Туска, соглашавшегося ради укрепления связей с Германией ограничиться получением от ФРГ компенсаций для польских граждан, пострадавших от нацистского режима. Новый президент Польши требует выплаты репараций за ущерб от германской оккупации, оцененных еще правительством ПИС в 1,3 трлн евро, что сопоставимо с общим семилетним бюджетом ЕС на 2021-2027 гг. или почти девятилетними доходами госбюджета Польши.

Существенные разногласия сохраняются и по вопросам связей с Россией, в том числе по путям завершения конфликта на Украине. На фоне жесткой антироссийской риторики стран Балтии и Польши (в том числе предложения демонтажа в Латвии железнодорожных путей к российской границе) Венгрия, Словакия, а теперь, возможно, и Чехия придерживаются более прагматичной позиции. Более сдержанный подход эти страны, а также Болгария, проявляют по вопросу поддержки Украины (в том числе исключают посылку туда своих военных), а также скорейшего достижения мира. Об изменении условий помощи Украине, за 2022–2023 гг. составившей около 4% польского ВВП (больше, чем расходы на выплату пенсий в бюджете Польши на 2026 г.), заявил К. Навроцкий. В то же время большинство стран ЦВЕ поддерживают курс на достижение стратегической автономии в военной и военно-промышленной сфере. Так, Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Хорватия, Эстония подали заявки на финансирование из нового фонда ЕС (SAFE) в размере 150 млрд евро, созданного для содействия оборонным инвестициям.

Высока вероятность сохранения политической фрагментации и раскола в рамках ЦВЕ и в 2026 г., особенно с учетом курса США на поддержание центробежных трендов в ЕС. На перспективы политического развития могут повлиять намеченные в пяти странах парламентские или президентские выборы, особенно парламентские выборы в Венгрии и президентские – в Болгарии. В Венгрии, главном «внутреннем» оппоненте ЕК, угроза смены евроскептического, поддерживаемого Д. Трампом и, по сути, дружественного России курса В. Орбана «пробрюссельской» и антироссийской линией П. Мадьяра несколько снизилась. По опросам ноября 2025 г., доминирующая в венгерской политике с 2010 г. партия Орбана «Фидес» вместе с потенциальным союзником – ультранационалистической и популистской партией «Наша родина» – может набрать на выборах 46% голосов, практически сравнявшись с 47% оппозиционной партии «Тиса» П. Мадьяра. Для закрепления успеха с сентября Орбан запустил программу субсидирования ипотеки для покупателей первого жилья, снижения налогов для семей и новых пенсионных выплат в феврале 2026 г. за 2 месяца до выборов, а также предотвратил резкий скачок цен энергоносителей, получив от Трампа отсрочку от санкций на российские нефть и газ. Опорой Орбана остается «Национальная система взаимодействия» (NER) – сеть связанных с его правительством и партией «Фидес»

политических, культурных и бизнес-структур, формирующих костяк лояльных элит. Кроме того, связанные с В. Орбаном структуры контролируют основную часть венгерских медиа (включая цифровые платформы). Победа Орбана будет важна для успеха проводящего схожий курс премьера Словакии Р. Фицо в 2027 г. и для укрепления Вишеградского регионального сотрудничества. В Болгарии в 2026 г. завершится второй президентский срок Р. Радева, заявлявшего о крахе архитектуры геополитической безопасности, нереалистичности «евросоюзного» плана достижения мира на Украине и возможности восстановления диалога с Россией. Однако вероятное создание им нового социал-демократического и евроскептического движения может способствовать позитивным сдвигам в этих направлениях.

В 2026 г. развитие политической ситуации в ЦВЕ будет определяться ходом конфликта на Украине и интеграционного процесса в ЕС (включая подготовку к его расширению к 2030 г.). В то же время роль стран ЦВЕ в экономической, политической, военно-политической, оборонной сферах при обострении – в том числе, под влиянием самих стран ЦВЕ – имеющихся политических и идеологических противоречий, но сохранении в Евросоюзе центростремительных интеграционных тенденций будет усиливаться[76].

Представляется, что ключом к пониманию текущих процессов в ЕС, и еще в большей мере роли в них ЦВЕ является процесс геополитизации (а в исторической ретроспективе – регеополитизации), а также цивилизационные сдвиги на европейском пространстве. В историческом контексте на нынешнем, третьем большом цикле в истории европейской экономической интеграции, который начался в ноябре 2019 г. и ознаменовался пандемией COVID-19, экономическая интеграция ЕС вступила в период радикальных перемен. Она разворачивается не в сторону большей унификации экономической, фискальной и других направлений политики государств-членов, то есть фактической федерализации, о чем мечтали архитекторы ЕЭС в 1960-е гг., а в сторону реагирования на внешние вызовы[77].

[76] Богданов К.В., Кобринская И.Я., Фрумкин Б.Е. Роль Центральной и Восточной Европы в трансформации ЕС // Современная Европа. 2025. №7. С. 29–40/.
[77] Буторина О. Европейский Союз и большие циклы экономической интеграции // Международные процессы. 2025. Том 23, №1. С. 1–23.

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

Регион Ближнего и Среднего Востока в 2026 г. будет характеризоваться высоким уровнем нестабильности. Ожидать урегулирования наиболее острых конфликтов нет оснований, однако не исключено снижение уровня напряженности на ряде направлений, поскольку Ближний и Средний Восток не представляет собой единого конфронтационного поля. Арабские монархии Персидского залива, заинтересованные в развитии и обладающие необходимыми ресурсами, считаются не просто островками стабильности, но и агентами перемен, деятельность которых направлена на деэскалацию существующих конфликтов как в регионе, так и за его пределами. Невелики риски обострения обстановки в Северной Африке.

Наиболее взрывоопасным субрегионом остается Левант (Сирия, Ливан, Палестина, Израиль), где сохраняется острая военная напряженность. Сложной останется ситуация в Секторе Газа, связанная с отсутствием перспектив урегулирования палестинской проблемы. По периметру Ближнего Востока продолжаются конфликты, в которые вовлечены как государственные, так и негосударственные акторы – гражданская война в Судане, нестабильность в Афганистане, военная активность йеменских хуситов в Красном море. Однако не исключены изменения – есть вероятность заключения соглашения о нормализации отношений между Израилем и Сирией. Для России важно сохранить присутствие на Ближнем Востоке, в частности в Сирии и защитить экономические интересы на фоне усиливающегося санкционного давления.

Динамика региональных конфликтов

Обстановка в Леванте, Персидском заливе и Красном море будет зависеть в первую очередь от действий Израиля. Высока вероятность нового витка боевых действий между Израилем и Ираном, а также новых израильских ударов в Ливане, Сирии, Йемене. Риски усиливаются в связи с тем, что даже позиция администрации Д. Трампа не является сдерживающим фактором для правительства Б. Нетаньяху, которое продемонстрировало в 2024–2025 гг. готовность наносить превентивные удары по всем возможным источникам угроз.

В первой половине года правительство Б. Нетаньяху, вероятнее всего, попытается дать шанс американской дипломатии для решения «иранской проблемы», как минимум для того, чтобы не раздражать Д. Трампа, пытающегося выступать в роли миротворца. Однако если появятся признаки активизации иранской ядерной программы или быстрого восстановления ракетного потенциала Исламской республики, то может состояться новый обмен ударами. Нельзя исключать, что в случае израильско-иранской эскалации целями станут не только ядерные и военные объекты ИРИ, но также элементы критической инфраструктуры, электростанции, нефтяные месторождения и нефтеперерабатывающие заводы.

В свою очередь, Иран, чей военный потенциал был ослаблен в ходе «12-дневной войны», с высокой вероятностью продолжит вести себя сдержанно, чтобы выиграть время для пополнения арсеналов и ликвидации последствий боевых действий. В случае новой израильской агрессии ответная реакция Тегерана, скорее всего, будет включать массированное применение баллистических ракет нового поколения, обладающих улучшенными возможностями преодоления ПВО/ПРО. Наиболее пессимистичный сценарий предполагает вмешательство и активное участие в конфликте США. Тогда значительно возрастает риск масштабной и неконтролируемой дестабилизации.

Следует ожидать, что Израиль продолжит операции против иранских прокси-группировок с целью полной ликвидации остатков «шиитской оси», разгромленной в 2024-2025 гг.[78] Уже в начале года вероятны новые точечные израильские удары по движению «Хизбалла» в Ливане, если правительственная армия не справится с его разоружением, предусмотренным договоренностями о прекращении огня. При наличии явных признаков восстановления военного потенциала «Хизбаллы» можно прогнозировать проведение Израилем комбинированной (воздушной и наземной) операции против основных баз движения прежде всего в приграничных районах[79].

Другим источником напряженности станет противостояние Израиля с йеменским движением «Ансар Аллах» (так называемые хуситы), союзным Ирану. По состоянию на конец 2025 г. атаки из Йемена с применением БЛА и баллистических ракет носили единичный характер и не причиняли видимого ущерба целям на территории Израиля. Этот театр военных действий, скорее всего, останется для Израиля второстепенным, однако, нельзя полностью исключать активизации хуситов и повышения интенсивности ракетных обстрелов, что повлечет за собой новые акции возмездия. В случае эскалации в Красном море следует ожидать активизации действий американского флота и ВВС для защиты Израиля и судоходства от хуситов.

Сирия, с высокой вероятностью, останется зоной повышенной напряженности. Основными факторами риска будут активность исламистских группировок и обострившееся в 2025 г. противостояние по линии Израиль-Турция. Под предлогом купирования террористических угроз со стороны радикальных исламистских группировок Израиль сохранит буферную зону 10–15 км в приграничной полосе на юге Сирии (например, в районе Голанских высот и Кунейтры) и де-факто протекторат над друзскими районами (гарантии безопасности без непосредственного ввода наземных сил)[80]. Дальнейшее расширение присутствия израильских войск маловероятно, но возможно в случае резкого обострения обстановки в Сирии, например, повторных попыток суннитских радикалов или племенных ополчений устроить резню друзов в провинции Сувейда.

Израиль приложит все усилия, чтобы полностью контролировать воздушное пространство Сирии и иметь свободу действий против террористов или коридоры для налетов на Иран. Определенную надежду на сохранение стабильности внушает тот факт, что Израиль при поддержке США ведет переговоры с властями в Дамаске о нормализации отношений[81].

На фоне сохранения нестабильности ведущие арабские страны (КСА, ОАЭ, Египет) активизируют усилия по деэскалации в регионе, прежде всего с целью установления прочного перемирия в Газе и снижения вероятности возобновления боевых действий между

---

[78] PM Netanyahu's remarks at the start of the Government meeting – 23 November 2025 // Israeli Ministry of Foreign Affairs. 2025.23.11. https://www.gov.il/en/pages/pm-netanyahu-s-remarks-at-the-start-of-the-government-meeting-23-nov-2025.

[79] Hezbollah leader leaves open possibility of new war with Israel // Reuters. 2025.28.11. https://www.reuters.com/world/middle-east/hezbollah-chief-says-group-will-decide-timing-response-israels-killing-tabtabai-2025-11-28/.

[80] Israeli incursions, abductions stoke fear in Syria's occupied Golan Heights // Al Jazeera. 2025.21.11. https://www.aljazeera.com/news/2025/11/21/israeli-incursions-abductions-stoke-fear-in-syrias-occupied-golan-heights.

[81] Israel and Syria in U.S.-Brokered Talks to End Border Conflict, Trump Envoy Says // New York Times. 2025. 03.07. https://www.nytimes.com/2025/07/03/world/middleeast/israel-syria-border-us-barrack.html.

Израилем и Ираном[82]. Следует также ожидать, что аравийские монархии сохранят разрядку в отношениях с ИРИ, чтобы снизить вероятность иранских ударов по расположенным на их территории американским военным базам. Одновременно странами Залива будет вестись работа, чтобы добиться от США дополнительных гарантий безопасности и побудить администрацию Д. Трампа оказать давление на Израиль.

Внутренние конфликты

Динамика внутренних конфликтов в странах Ближнего Востока будет в значительной степени определяться активностью региональных и глобальных акторов. Текущие кризисы можно условно разделить на две группы. Там, где уровень соперничества внешних сил высок, например в Сирии и Судане, обстановка останется напряженной и сложно прогнозируемой. В других случаях (Ливия, Йемен) внутренние кризисы останутся в замороженном состоянии, поскольку у непосредственных участников недостаточно собственных ресурсов для ведения интенсивных боевых действий, но одновременно отсутствуют стимулы для быстрого урегулирования на основе взаимных уступок и компромиссов.

В пост-асадовской ***Сирии***, несмотря на кажущуюся стабилизацию и оптимизм западных наблюдателей, риск обострения кризиса следует считать высоким. Страна останется поделенной на зоны влияния – турецкую, американскую и израильскую. Пессимистичный сценарий предполагает возобновление гражданской войны «всех против всех» сразу по нескольким линиям раскола: арабы против меньшинств (курдов, друзов, алавитов), умеренные сунниты против радикалов из ИГИЛ и других группировок.

Гражданская война в ***Судане*** останется для Ближнего Востока периферийным конфликтом, однако в его рамках продолжат сталкиваться интересы целого ряда влиятельных стран региона, поддерживающих противоборствующие стороны. С высокой вероятностью, страна останется разделенной на зоны контроля: столица Хартум и восток – под контролем Вооруженных сил Судана, за которыми стоят Египет и Саудовская Аравия, а западные провинции – под контролем мятежных Сил оперативной поддержки (СОП), опирающихся на помощь ОАЭ. Поскольку военные возможности противников примерно равны, то наиболее вероятно ожесточенное позиционное противостояние в центральной провинции Кордофан. Контроль СОП над западной границей Судана позволит им беспрепятственно осуществлять поставки вооружения из стран Сахаро-Сахельской зоны. Глава Переходного суверенного совета Судана Абдель Фаттах аль-Бурхан в ноябре 2025 г. заявил, что диалога и мирных переговоров не будет до тех пор, пока восставшие (СОП) не прекратят вооруженную борьбу[83]. Динамика кризиса будет зависеть от способности внешних сил, в первую очередь США и региональных спонсоров, склонить стороны к переговорам, чему может поспособствовать резкая международная реакция на массовые убийства и насилие над мирным населением после взятия в октябре 2025 г. отрядами СОП города Эль-Фашир в Дарфуре. При этом гуманитарная ситуация в стране в 2026 г. значительно ухудшится. Есть

[82] Regional stability the bedrock of Saudi Arabia’s transformation // Arab News. 2025.14.09. https://www.arabnews.com/node/2615292.

[83] Sudanese leader rules out any truce or peace with paramilitary RSF unless it lays down arms // Anadolu Ajansı. 2025.14.11. https://www.aa.com.tr/en/africa/sudanese-leader-rules-out-any-truce-or-peace-with-paramilitary-rsf-unless-it-lays-down-arms/3744239.

высокая вероятность того, что кризис в Судане может послужить источником нестабильности в соседних странах.

Вероятность урегулирования кризисов в Ливии и Йемене в течение 2026 г. будет низкой, равно как перспектива возобновления широкомасштабных боевых действий. Внутренний конфликт в ***Ливии*** останется в замороженном состоянии, поскольку стороны достигли относительного военного паритета и не способны одержать быструю победу за счет собственных ресурсов, а их внешние спонсоры, ОАЭ и Турция, не заинтересованы в возобновлении боевых действий. В ***Йемене*** ввиду незаинтересованности внешних сил (КСА, Иран, ОАЭ) в эскалации конфликта, возобновление гражданской войны между хуситами и международно признанным правительством в Адене маловероятно. Важным условием сохранения статус-кво будет продолжение разрядки между Ираном и КСА.

Экономические тенденции

На Ближнем Востоке ожидается умеренный рост национальных экономик стран региона. Прирост ВВП в среднем по региону составит приблизительно 3-3,5%[84]. Как ожидается, лидерами по приросту реального ВВП на душу населения будут Катар (4,3%), Ирак (4,5%), ОАЭ (3,2%), Саудовская Аравия (4%) и Египет (4%)[85]. В среднем страны **Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)**, которые являются драйвером роста в регионе, покажут прирост в 2,6% ВВП. Такой рост объясняется увеличением добычи нефти и газа, а также успехами в диверсификации их национальных экономик за счет крупных инвестиций в инфраструктуру, туризм и НИОКР.

Ключевыми рисками для экономической стабильности в регионе останутся региональные эскалации, снижение спроса на нефть, сокращение прямых иностранных инвестиций и турпотоков[86]. Нефтяной фактор представляет главную неопределенность, так как ожидается избыточное предложение нефти в начале 2026 г. Страны ССАГПЗ столкнутся со снижением доходов от продажи углеводородов при растущих затратах на диверсификацию. Такая ситуация будет влиять как на инфляционные ожидания, так и на темпы инфляции в целом. В уязвимых и конфликтных странах региона, то есть в Сирии, Ливане и Йемене сохранится стагнация экономики без значимых международных программ по восстановлению и притока иностранных инвестиций.

Высокие темпы прироста ВВП в ***Саудовской Аравии*** **(4%)** будут поддерживаться за счет увеличения добычи и роста ненефтяных секторов экономики, также сохранится сильный приток иностранных и государственных инвестиций в рамках программы развития Vision 2033. Основная уязвимость для саудовской экономики – зависимость доходов государственного бюджета от экспорта нефти и возможные временные паузы в реализации мегапроектов, обусловленные бюджетной консолидацией.

[84] MENAAP Economic Update, October 2025: Jobs and Women: Untapped Talent, Unrealized Growth // World Bank. 2025. https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/9d9c67df-f73b-45f9-b7f7-97d1eca2cbf5.
[85] Ibid.
[86] World Economic Outlook, October 2025 // International Monetary Fund (IMF). 2025. https://www.imf.org/en/publications/weo/issues/2025/10/14/world-economic-outlook-october-2025.

В ***ОАЭ*** **(ожидаемый прирост ВВП – 3,2%)** успехи в развитии туризма, финтеха и логистических проектов вносят существенный вклад в рост ненефтяной экономики. Главными уязвимостями являются волатильность мировых цен на нефть и динамика турпотока.

Экономики ***Катара*** **(4,3%)** и ***Кувейта*** **(1,4%)** традиционно поддерживаются доходами от экспорта энергоносителей и инвестициями в инфраструктуру. В связи с низкими темпами роста и бюджетными ограничениями существуют риски в обслуживании и рефинансировании внешних займов для ***Омана*** **(0,3%)** и ***Бахрейна*** **(1,2%)**[87].

Монархии Залива, главным образом ОАЭ и Саудовская Аравия, продолжат наращивать взаимодействие с незападными партнерами, в первую очередь с Китаем. Вырастет импорт потребительских товаров, в том числе высокотехнологичных. Предпринимаются ограниченные американским давлением попытки развивать сотрудничество в сфере искусственного интеллекта и совместного производства вооружений и военной техники с китайскими и российскими компаниями. Примечательно, что на крупнейшей ближневосточной выставке вооружений IDEX 2025 в Абу-Даби российская продукция была представлена на масштабной экспозиции, тогда как в 2023 г. Россия не была допущена в основной павильон.

Продолжит расширяться торговое сотрудничество ССАГПЗ с другими странами, ожидается подписание соглашений о свободной торговле с такими странами, как Великобритания, Турция, Малайзия, Япония. Безусловным лидером активного включения в потоки мировой торговли среди монархий остаются ОАЭ: сеть Соглашений о всеобъемлющем экономическом партнерстве (CEPA) – ключевой инструмент внешнеэкономической политики монархии – ежегодно разрастается (первое из них начало действовать с Индией в 2022 г.). В 2025 г. вступили в силу соглашения с Коста-Рикой, Маврикием, Иорданией, Сербией, Новой Зеландией, Австралией и Малайзией, доведя общее количество партнерств до 13.

Экономика ***Египта*** **(ожидаемый прирост ВВП – 4%)** находится в состоянии стабилизации благодаря крупным привлеченным ПИИ, стабилизации платежного баланса и проводимым реформам. Темпы роста инфляции замедляются, однако сохраняются негативные последствия для населения и предпринимательства.

К 2026 г. Египет вступит в фазу «контролируемой стабилизации» на фоне структурной хрупкости. По оценкам МВФ и Всемирного банка, после шока девальвации (2022–2024 гг.) и резкого ужесточения бюджетной политики начнется постепенное восстановление роста и замедление инфляции, однако долговая нагрузка и социальная уязвимость будут по-прежнему высокими. Государственный долг и значительные расходы на его обслуживание поддерживают хроническое давление на бюджет, а продолжение программы с МВФ требует сохранения первичного профицита, расширения приватизации и дальнейшего сокращения

[87] Signs of Improvement in the Economic Outlook for the Middle East, North Africa, Afghanistan & Pakistan Region // World Bank. 2025. https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2025/10/07/signs-of-improvement-in-the-economic-outlook-for-the-middle-east-north-africa-afghanistan-pakistan-region.

субсидий. Структура роста по-прежнему определяется крупными инфраструктурными проектами, строительством, энергетикой и сектором услуг.

В отличие от стран Залива, Египет пока не сформировал устойчивых высокотехнологичных кластеров. Экономический рост по-прежнему опирается на традиционные отрасли и государственные мегапроекты, что ограничивает диверсификацию и делает восстановление более уязвимым.

Увеличение нефтяных доходов в ***Ираке*** **(4,5%)**, благодаря постепенному восстановлению добычи и экспортных мощностей поддержит доходность государственного бюджета, но острая конкуренция основных политических сил и проблемы государственного управления будут препятствовать ускорению экономического роста.

Темпы роста экономики ***Ирана*** останутся низкими – на уровне **1,2%**. Страна останется в сильной зависимости от экономических санкций, геополитических процессов и волатильности экспортных потоков нефти и газа.

Высокий уровень оборонных расходов и сохраняющаяся неопределенность в сфере безопасности продолжат определять макроэкономическую ситуацию в ***Израиле*** в 2026 г. Можно выделить три вероятных сценария:

1. В случае нарушения действующего соглашения и возобновления боевых действий высокой интенсивности на протяжении значительной части 2026 г. совокупные оборонные и сопутствующие издержки превысят 9% ВВП в 2026 г. Дефицит государственного бюджета достигнет 7,9% ВВП в 2026 г., а реальный рост ВВП ограничится 1,1%. Государственный долг возрастет до 75,9% ВВП к концу 2026 г. и продолжит рост до 78,8% в 2027 г. Подобный сценарий создает условия для усиления международного давления, возможного введения ограничительных мер и сужения экспортных возможностей высокотехнологических отраслей. Это, в свою очередь, снизит долгосрочный потенциал роста, усиливая отток квалифицированного человеческого капитала и формируя предпосылки для «потерянного десятилетия» низкого роста.
2. При сохранении договоренностей 2025 г. и передаче части гражданско-административной ответственности в Газе международным структурам сократится потребность в массовом привлечении резервистов, снизится объем оборонных расходов и затрат на поддержание безопасности территории, сформируются условия для постепенного восстановления экономической активности, одновременно способствуя улучшению инвестиционного климата и повышению заинтересованности внешних и внутренних инвесторов. Уже в 2026 г. при такой динамике экономика вернется к траектории умеренного роста: реальный ВВП увеличится на 3,6%. Такой сценарий означает начало систематического восстановления, сопровождающегося снижением макроэкономических рисков, улучшением ожиданий бизнеса и созданием предпосылок для финансовой консолидации.
3. Если полномасштабное соглашение не будет устойчивым и переход к тотальному контролю над Газой осуществлен не будет, то боевые действия сохранятся на уровне эпизодической интенсивности, тогда как Израиль останется ответственным за

распределение продовольствия и гуманитарных ресурсов в секторе. Оборонные расходы при таком положении сил остаются повышенными, что приведет к дефициту бюджета на уровне 8,3% ВВП в 2025 г. и около 7% в 2026 г. Государственный долг достигнет 71,9% ВВП. Реальный рост ВВП в 2026 г. составит лишь 1,7%, что существенно ниже доконфликтного и отражает ограниченность инвестиционной активности, а также высокий уровень неопределенности для частного сектора и рост ставок по кредитам. Такая динамика соответствует сценарию «инерционного» развития, при котором отсутствуют как резкие провалы, так и факторы быстрого восстановления, однако сохраняется медленное накопление социально-экономических дисбалансов[88].

Страновые и субрегиональные перспективы

Монархии Персидского залива

Монархии Залива, в первую очередь ОАЭ, Саудовская Аравия и Катар, продолжат интенсивные усилия по деэскалации в регионе. Ирано-израильская война в июне 2025 г., а затем иранский и израильский удары по Катару, несмотря на его статус ключевого американского союзника, продемонстрировали, что для «аравийской шестерки» существует реальная угроза оказаться в центре военного конфликта между Израилем и Ираном, вероятность обострения которого крайне высока. При этом расположение американских баз на территории этих государств не только не служит гарантией безопасности, но делает их потенциальными объектами для нанесения ударов. Изменилось отношение к Израилю, который воспринимался (в особенности в ОАЭ) как союзник по выстраиванию устойчивой ближневосточной архитектуры безопасности, а превратился в «спойлера», непредсказуемого игрока и деструктивный фактор[89]. Пришло осознание необходимости сплочения и проведения более инициативной единой политики по стабилизации региона.

Монархии Залива будут более настойчиво добиваться от США расширенных гарантий безопасности, более конкретных и юридически обязывающих. В 2025 г. на этом направлении ОАЭ удалось подписать двусторонний Меморандум о развитии «всеобъемлющего оборонного сотрудничества», Катар добился от президента Д. Трампа президентского указа о приверженности США обеспечению безопасности эмирата, а Саудовская Аравия подписала с США Соглашение о стратегической обороне. Монархии Залива также будут делать ставку на развитие сотрудничества собственных министерств обороны с Пентагоном.

Деэскалационные усилия монархий Залива в регионе сфокусированы на недопущении возобновления боевых действий в рамках израильско-иранского конфликта. Поводом для серьезной озабоченности останется военная активность йеменских хуситов, а также ситуация в Газе. Монархии Залива рассматривают решение палестинской проблемы как базовое условие для устойчивой региональной стабилизации, а его отсутствие – как перманентный

[88] Eckstein Z., Bental B., Ziv S., Menahem-Carmi S., Sumkin S., Kalisher I. Economic Challenges 2025–2035: Security and Political Scenarios // Aaron Institute for Economic Policy Dedicated to the memory of Aaron Dovrat Main Menu. September 2025. https://www.runi.ac.il/media/exephgu2/economic-challenges-2025-2035-press-1.pdf.
[89] Diwan K.S., Baharoon M., Ibish H., Roebuck W., Roberts D.B. Israel Strikes Hamas in Qatar // AGSI. 2025.10.09. https://agsi.org/analysis/israel-strikes-hamas-in-qatar/.

повод для различных деструктивных сил (в первую очередь негосударственных акторов) продолжать вооруженную эскалацию.

Большие опасения в монархиях Залива вызывает израильская военная активность и сохраняющаяся нестабильность в Сирии. В этой связи от них можно ожидать попыток восстановить единство этой страны (чему мешает поддержка ими разных местных акторов) и стимулировать экономическое восстановление[90].

Египет

Серьезные внутриполитические изменения в Египте в 2026 г. выглядят маловероятными. Переизбрание ас-Сиси в 2023 г., обновление правительства в 2024-м и парламентские выборы 2025 г. усиливают централизацию, закрепляют контроль над ключевыми политическими и экономическими решениями в руках узкого круга акторов, связанных с силовым блоком. Предшествующий опыт и пример Сирии, Ливии и Судана формируют в египетском обществе устойчивый «страх хаоса». Вместе с тем сохраняется риск локальных протестов по социально-экономическим поводам.

В 2026 г. стоит ожидать дальнейшего сдвига от широких субсидий на топливо и электроэнергию к более таргетированной поддержке бедных слоев. Это снижает фискальную нагрузку, но усиливает давление на городской «нижний средний класс», для которого рост цен воспринимается острее всех макропоказателей. Демографический фактор – ежегодный выход на рынок труда сотен тысяч молодых египтян – усиливает риск скрытой социальной напряженности, которая проявляется не в открытых протестах, а в росте эмиграции, постепенном оттоке молодежи из страны и усилении неформальной занятости.

Египет в 2026 г. столкнется с рядом военно-политических рисков. В Синае вооруженное террористическое подполье значительно ослаблено, но не ликвидировано полностью; угрозы приобретают форму редких эпизодических атак, позволяя властям сохранять режим повышенной безопасности.

Ключевым источником неопределенности для Египта останется ситуация в Секторе Газа. Каир исходит из того, что любая новая эскалация, сопровождаемая частичным или массовым вытеснением палестинцев на Синайский полуостров, будет иметь для страны катастрофические последствия – от дестабилизации приграничных районов до подрыва внутренней легитимности режима. Поэтому Египет будет стремиться удерживать палестино-израильский конфликт в управляемых рамках и продолжать играть роль посредника.

На юге война в Судане формирует цепочку угроз – от беженцев до конкуренции за влияние с ОАЭ. Ливия остается для Египта стратегическим направлением. Каир продолжит опираться на восточные силы (ЛНА и структуры в Бенгази–Тобруке), но одновременно поддерживать рабочие каналы с Триполи, учитывая экономические интересы, миграционные риски и необходимость балансировать с Турцией и государствами Персидского залива. Такая двойная линия позволяет Египту сохранять влияние в обеих частях страны и предотвращать новый цикл эскалации.

[90] Roebuck W. Linchpin: Syria Becomes a Locus for Regional Cooperation and Competition // AGSI. 2025.14.07. https://agsi.org/analysis/linchpin-syria-becomes-a-locus-for-regional-cooperation-and-competition/.

В Красном море и на северо-востоке Африки Египет будет усиливать свое военно-морское присутствие. АРЕ продолжит препятствовать попыткам Эфиопии добиться доступа к морю. Каир будет развивать более плотные связи с Сомали, Эритреей, Саудовской Аравией и странами Залива для сохранения баланса.

Внешняя политика Египта в 2026 г. будет определяться прежде всего логикой сохранения стабильности: ограниченные ресурсы заставляют Каир концентрироваться на минимизации рисков, а не на расширении влияния.

Сирия

К началу 2026 г. политическая система Сирии представляет собой фрагментированную и институционально неустойчивую конструкцию, функционирующую в условиях ограниченного суверенитета над территорией страны. Страна формально сохранит республиканский строй с президентской формой правления. Временный президент Ахмад аш-Шараа продолжит формировать аппарат власти, опираясь на консенсус с исламистскими группами разной степени радикальности. Реальное управление и политическое влияние окажутся распределены между сетями религиозных и племенных акторов, автономными территориальными формированиями и внешними патронами.

Парламент, воссозданный в усеченной форме в 2025 г., функционирует в формате группового представительства, где преобладают представители исламистских групп, входящих в суннитскую джихадистскую группировку Хайят Тахрир аш-Шам (ХТШ)[91], и лояльные им технократы. Ни парламент, ни кабинет министров не обладают самостоятельной политической инициативой: ключевые решения принимаются в рамках закрытых совещаний религиозно-политического совета и посреднических форматов с участием Катара и Турции. Отсутствие общенационального политического проекта и устойчивых правовых рамок делает любую попытку консолидации власти крайне уязвимой и зависимой от внешней поддержки.

Исходя из текущих структурных тенденций – возникновения неформальных центров принятия решений, деградации классических государственных институтов, социальной стратификации и усиливающейся опоры власти на теневые или клиентельные структуры – в 2026 г. можно ожидать укоренения текущей конфигурации власти без развития государственных структур. Министерства окончательно потеряют функции координации и стратегического планирования, их деятельность станет преимущественно протокольной. Это приведет к тому, что формальная государственная структура останется витриной, тогда как решения по ключевым вопросам – торговле, валюте, безопасности, инвестициям – будет принимать ограниченный круг лиц вне правительственной бюрократии[92].

На фоне слабости центральных институтов власти продолжат существовать региональные политические образования. Курдская администрация на северо-востоке, опираясь на поддержку США, сохранит собственные силовые структуры, самостоятельную экономическую и внешнюю политику. Друзские советы на юге, в Сувейде, продолжат функционировать как независимые органы местного самоуправления, постепенно расширяя

[91] Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.
[92] Выводы сделаны Н.В. Суховым на основании опроса участников текущих процессов в Сирии.

свои связи с Израилем. Эти образования не стремятся к формальному выходу из состава Сирии, но уклоняются от слияния с центральными институтами, что усиливает полицентричность управления. Наиболее вероятным сценарием является развитие системы «асимметричного федерализма»[93].

Полноценная конституционная реформа в обозримом горизонте остается маловероятной: попытки инициировать национальный диалог либо блокируются самой властью, либо игнорируются крупными региональными силами, заинтересованными в сохранении статус-кво. В этих условиях легитимация власти продолжит опираться не на юридические механизмы, а на религиозную риторику, сетевые лояльности и внешние гарантии.

Долгосрочная стабилизация невозможна без запуска политического процесса и комплексной гуманитарной стратегии, включая демобилизацию боевиков и реинтеграцию населения лагерей беженцев и пленных семей членов ИГИЛ[94]. Без этого фактор вооруженного насилия останется фундаментальной частью сирийской повседневности.

Ключевыми рисками в области безопасности останутся:

- нестабильность в ряде территорий (Идлиб, юг, северо-восток страны), где ни один из акторов не обладает силами и ресурсами для стабилизации ситуации;
- рост угроз радикализации на фоне гуманитарной депривации и деградации системы образования в лагерях беженцев и пленных семей членов ИГИЛ, а также в отдаленных от центра районах;
- конфликт интересов между внешними акторами, прежде всего Турцией, Израилем, США, и, возможно, Ираном.

Наиболее вероятным сценарием является сохранение ситуации, при которой обострения остаются локализованными, а риск полномасштабной войны минимален. Однако даже незначительный кризис (например, конфликт в Сувейде или масштабная атака на лагерь Аль-Холь) может привести к каскаду вторичных инцидентов и изменению баланса сил.

Социально-гуманитарная ситуация в Сирии будет характеризоваться высокой степенью зависимости от внешней помощи. Возвращение беженцев останется ограниченным: главным барьером станет не только безопасность, но и отсутствие рабочих мест, жилья, доступа к базовым услугам. Более реалистичным сценарием станет частичная внутренняя реинтеграция – переход ВПЛ из лагерей в города[95].

В секторе здравоохранения и образования ожидается сохранение статус-кво: международные доноры продолжат покрывать острую гуманитарную помощь[96]. Прогноз по демографическому восстановлению остается негативным: показатели рождаемости

[93] Литвинов В.А. Вопросы симметрии и асимметрии в федеративном государстве // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2012. №1 (30). https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-simmetrii-i-asimmetrii-v-federativnom-gosudarstve.
[94] Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.
[95] Syria Governorates IDPs and IDP Returnees Overview // ReliefWeb. 2025.27.11. https://reliefweb.int/report/syrian-arab-republic/syria-governorates-idps-and-idp-returnees-overview-27-nov-2025.
[96] Syrian Arab Republic: Humanitarian Overview Issue No.1 // ReliefWeb. October 2025. https://reliefweb.int/report/syrian-arab-republic/syrian-arab-republic-humanitarian-overview-issue-no-1-october-2025-enar.

снижаются, медицинская помощь ограничена, а миграционные намерения молодежи не предполагают возвращения[97].

В 2026 году базовые параметры сирийской экономики будет определять закрытый неформальный совет при президенте, что означает переход экономики в режим краткосрочных решений, ориентированных на поддержание лояльности элит и оперативное реагирование на внешние вызовы. В 2026 году эта логика закрепится: экономическая политика станет суммой «микро-сделок» с бизнесом, полевыми командирами и локальными администрациями. Наиболее вероятным сценарием станет точечная экономическая стабилизация, при которой отдельные кластеры (например, порты Латакия и Тартус, приграничные районы с Турцией и Иорданией, северо-восточные аграрные зоны) будут развиваться автономно в рамках «экономик влияния» иностранных государств.

В условиях фрагментарности правового режима, сохраняющейся международной санкционной нагрузки и отсутствия национального бюджета рост ВВП на макроуровне будет номинальным и нерелевантным. Настоящая экономическая активность сосредоточится в зонах, куда направляются внешние инвестиции – прежде всего из стран Персидского залива, Турции, Китая и ОАЭ. Финансовая система останется недееспособной: внутреннее кредитование, налогообложение и инвестиционная регуляция будут развиваться только в квазигосударственных образованиях[98]. Ухудшение экономических условий усиливает вероятность широких протестов населения, которые будут жестко подавляться силами безопасности (боевиками ХТШ)[99].

С точки зрения внешней политики, Сирия будет обладать лишь частичной субъектностью. Она останется ареной, где ключевые международные и региональные игроки сохраняют свои интересы и зоны присутствия, не стремясь к контролю над всей страной. Вместо единой стратегии восстановления, Сирия продолжит функционировать как объект патронажной политики, в рамках которой каждое государство (Россия, Турция, США, Иран, Израиль, ОАЭ, Катар и др.) реализует собственную повестку.

Российская стратегия будет смещаться к узкоспециализированному присутствию – главным образом в сфере безопасности (охрана портов, обучение офицерского корпуса, контроль логистических маршрутов). Москва будет стремиться минимизировать политические издержки и сохранить присутствие на побережье в качестве символа геостратегического статуса, параллельно выстраивая отношения с курдами и отдельными группами на юге.

Турция продолжит курс на институционализацию своего влияния: возможна трансформация северных районов в фактически автономный регион с турецким протекторатом. Углубится интеграция логистики, образования и муниципального управления. Однако одновременно возрастет риск вооруженного конфликта с курдскими силами на северо-востоке.

---

[97] Syria: World is failing the Syrians who have returned home // ReliefWeb. 2025.21.08. https://reliefweb.int/report/syrian-arab-republic/syria-world-failing-syrians-who-have-returned-home.

[98] The Impact of the Conflict in Syria: a Devastated Economy, Pervasive Poverty and a Challenging Road Ahead to Social and Economic Recovery // ReliefWeb. 2025.20.02. https://reliefweb.int/report/syrian-arab-republic/impact-conflict-syria-devastated-economy-pervasive-poverty-and-challenging-road-ahead-social-and-economic-recovery-enar.

[99] Алавитские протесты в Сирии: от мирных лозунгов к кровавому разгону // EURASIA TODAY. 2025.26.11. https://eurasiatoday.ru/alavitskie-protesty-v-sirii-ot-mirnyh-lozungov-k-krovavomu-razgonu/.

Катар закрепился как один из главных политико-экономических доноров Сирии. Его стратегия сочетает элементы мягкой силы и скрытой политической поддержки отдельных центров власти – прежде всего, структур, связанных с религиозным суннитским движением, включая умеренное крыло ХТШ. Через стратегическое партнерство с Турцией и политическое влияние в Лиге арабских государств (ЛАГ), Катар получает рычаги влияния как на центральные органы в Дамаске, так и на региональных акторов. На экономическом уровне Доха инвестирует в восстановление базовой инфраструктуры – водоснабжения, объектов ЖКХ, школ и медицинских пунктов. Дипломатическая активность Катара направлена на то, чтобы стать гарантом «регионального исламского консенсуса», но в противовес присутствию ОАЭ и Саудовской Аравии.

США сохранят ограниченное военное и гражданское присутствие, прежде всего на северо-востоке, фокусируясь на антитеррористической политике и освоении нефтегазовых ресурсов. Параллельно будет расширяться работа с местными администрациями как основой для сдерживания турецкого и российского влияния.

Израиль продолжит применять тактику упреждающих ударов и поддержки этнических групп в обмен на стабильность вдоль своей границы.

КСА и ОАЭ будут развивать свои экономические проекты в прибрежных районах. Их дипломатическая активность будет направлена на создание имиджа внешних спонсоров «постконфликтной нормализации» без участия в военных аспектах.

Китай продолжит действовать как наблюдатель, наращивая влияние через инвестиции в отдельные проекты. Пекин будет избегать участия в коалициях и политических инициативах, но сохранит интерес к логистической инфраструктуре на сирийском направлении в интересах проекта «Пояса и пути».

Развитие страны будет следовать одному из трех базовых сценариев – инерционному, умеренно-оптимистичному или кризисному, каждый из которых основан на текущих параметрах распределения власти, доступе к ресурсам и активности внешних игроков.

Наиболее вероятным сценарием является инерционный, при котором сохраняется действующий порядок. Президент Аш-Шараа и его окружение удерживают номинальный контроль над столицей и частью центральных районов, однако реальная власть остается распределенной между региональными группировками, религиозными советами и внешними патронами. Сохранится режим «низкой турбулентности»: конфликты локализованы, но не решены. Этот сценарий обеспечивает определенную устойчивость, но не дает возможности для развития или социальной консолидации.

Ливан

К началу 2026 г. Ливан останется страной незавершенного кризиса. Политическая конфигурация будет строиться вокруг двух пересекающихся осей. Первая из них – отношения между президентом и армией, с одной стороны, и «Хизбаллой» – с другой. Президент Жозеф Аун, опираясь на Вооруженные силы Ливана и поддержку США, Франции и стран Залива, постарается укрепить государственный контроль над югом страны и ограничить военную автономию «Хизбаллы». При этом он избегает шагов, которые могли

бы спровоцировать прямое внутреннее столкновение. Ослабленная войной «Хизбалла» остается влиятельным, но более осторожным актором. Ее военный потенциал и социальные сети сохранены, однако пространство для силового шантажа сузилось, а внешние игроки в целом консолидировались вокруг идеи постепенного институционального «обезоруживания» движения через реформу системы безопасности.

Вторая линия противостояния проляжет между сторонниками реформ и группами, заинтересованными в сохранении старой финансово-политической модели. Команда премьера Н. Салама пытается продвинуть решения по банковскому кризису, распределению потерь и реструктуризации сектора. Ей противостоит коалиция крупных банкиров и связанных с ними политиков, стремящихся минимизировать собственные потери и не допустить перераспределения ответственности за крах. В 2026 г. эта конфигурация, скорее всего, сохранится, ограничивая пространство для реальных реформ.

Экономика Ливана вступит в 2026 г. в состоянии глубокой депрессии. Реальный сектор останется ослабленным, долларовый объем экономики – сжатым, государственные расходы – минимальными и во многом фрагментарными. Ожидаемое международными организациями «небольшое восстановление», по сути, означает частичную компенсацию ущерба после войны 2023–2024 гг., а не переход к устойчивому росту. Оживление туризма, торговли и переводов диаспоры даст локальный и в значительной степени краткосрочный эффект, но не изменит структуру экономики и не приведет к формированию новых источников развития.

Переговоры с МВФ, скорее всего, останутся частично заблокированными. Ключевые элементы программы – реструктуризация банков, аудит центробанка, унификация валютного курса, реформа государственных корпораций – продолжат встречать сопротивление со стороны политико-финансовых групп[100].

Социальная сфера в 2026 г. останется в состоянии кризиса. Системы образования и здравоохранения продолжат работать с перебоями и сильной зависимостью от частных и международных инициатив. Эмиграция квалифицированных специалистов – врачей, преподавателей, инженеров – останется устойчивым трендом. Вопрос сирийских беженцев продолжит служить источником напряженности: программы возвращения и ужесточение режима пребывания могут уменьшить их численность, но не снимут связанное с ней конфессиональное и социальное раздражение. На фоне усталости общества вероятны локальные всплески недовольства – протесты по тарифам, коммунальным услугам, коррупции, – но общенациональная мобилизация выглядит маловероятной.

В 2026 г. Ливан, с большой долей вероятности, закрепится в режиме управляемой стагнации. Формальные институты будут функционировать – президент, правительство, парламент. Перемирие на юге в целом сохранится, и возникнут отдельные зоны восстановления, но ключевые системные проблемы останутся нерешенными.

[100] Lebanon: Staff Concluding Statement of the 2025 Article IV Mission // International Monetary Fund (IMF). 2025. https://www.imf.org/en/Countries/LBN.

Иран

Внутриполитическая ситуация в Иране останется напряженной, а потенциал возобновления протестных выступлений продолжит сохраняться на фоне экономических проблем в стране. Война с Израилем в 2025 году лишь временно сплотила население перед лицом внешней опасности, приведя к затишью протестов, но коренные причины недовольства – экономический кризис и недоверие к властям – не исчезли.

Экономические трудности остаются главным вызовом для руководства ИРИ. Структурные проблемы, включая дефицит бюджета, санкционную изоляцию, сочетаются с резким ростом цен: инфляция достигала около 39% в 2025 году[101]. Огромные государственные расходы на субсидии (до трети ВВП уходит на удешевление топлива и базовых товаров) временно сдерживают социальное напряжение, но подрывают бюджет[102]. Любое сокращение таких льгот чревато протестами – попытки поднять цены на бензин уже приводили к волнениям. Намерение властей вновь повысить цены на топливо, по прогнозам, вызовет новую волну выступлений[103]. Таким образом, руководство балансирует между необходимостью экономических реформ и риском социальных потрясений.

Несмотря на трения внутри правящей элиты после событий 2025 года, консерваторы сохраняют контроль над ключевыми институтами, пресекая попытки умеренных кругов лоббировать разрядку с Западом. В обозримой перспективе не исключен транзит власти Верховного лидера ИРИ. Его преемником может стать компромиссный представитель духовенства, приемлемый для истеблишмента и силовых структур. Глубоких реформ ждать не приходится ввиду идеологических ограничений и отсутствия стимулов от Запада. На текущий момент прямой угрозы смены режима нет, поскольку оппозиция разобщена и слаба. Базовый сценарий заключается в сохранения нынешнего строя с контролируемым переходом власти и подавлением протестных вспышек.

В 2026 году Иран будет стремиться укреплять влияние в регионе, избегая новой прямой войны с Израилем. Тегеран продолжит поддерживать союзников на Ближнем Востоке, параллельно наращивая обороноспособность. Вероятность возобновления военного конфликта с Израилем сохраняется. Руководство страны намерено сдерживать внешние угрозы, делая ставку на усиление обычных вооружений и ПВО для защиты стратегических объектов.

После 12-дневной войны и нанесенных ударов по иранской ядерной инфраструктуре программа обогащения урана, по оценкам, понесла частичный ущерб, однако Иран по-прежнему располагает техническим потенциалом для создания ядерного оружия. Тем не менее в 2026 г. маловероятно, что Тегеран решится на открытый ядерный прорыв или выход из ДНЯО. В Тегеране осознают, что ядерная бомба не решит ключевых оборонных задач и лишь спровоцирует ужесточение санкций или военную кампанию. Возможны ограниченные

[101] Tavarrom-e 39-darsadi az kojā āb mikhorad? (Инфляция 39 % – как она появилась?) // Ecodaily. 2025.11.11. https://ecodaily.ir/2025/11/11/تورم-۳۹-درصدی-از-کجا-آب-میخورد؟/ (на перс. языке).

[102] Yārāneh-ye penhān-e enerzhidar Īrān sālāneh cheqadr ast? (Сколько ежегодно скрытых энергетических субсидий выплачивается в Иране?) // Mashregh News. 2025.19.02. mshrgh.ir/1690804 (на перс. языке).

[103] Se-nerkhi shodan-e benzin; gāmī dir ammā dorost dar masir-e eslāh-e yārāneh-ye enerzhi (Введение трех категорий цен на бензин: шаг запоздалый, но верный на пути реформирования энергетических субсидий) // Mehr News Agency. 2025.02.15. http://mehrnews.com/x39vt2 (на перс. языке).

переговоры с США о возобновлении ядерной сделки – иранские представители подавали такие сигналы, но взаимное недоверие едва ли позволит достичь желаемых для иранской экономики результатов[104]. Санкционное давление Запада сохранится, и отношения с США и Европой останутся конфронтационными, без заметного сближения[105].

Конфронтация с Западом и взаимная заинтересованность в сотрудничестве будут и дальше сближать Москву и Тегеран. Если в Иране сохранится преемственность власти, курс на тесные связи с Россией останется неизменным. Ожидается расширение военно-технического взаимодействия: Тегеран рассчитывает получить от Москвы современные системы вооружений, а российская сторона, хотя и готова помочь, будет действовать осмотрительно, чтобы не навредить отношениям с третьими странами. В отношениях важно учитывать попытки подрыва образа России в персоязычных прозападных СМИ. При сохранении власти консерваторов они мало влияют на официальный курс – радикальная смена режима (например, приход прозападных сил) могла бы поставить под удар партнерство, но в 2026 году вероятность такого сценария невелика.

Турция

В 2026 г. Турция продолжит проводить динамичную внешнюю политику, стремясь использовать процесс переформатирования системы международных отношений для укрепления своих позиций на мировой арене. Многовекторность внешней политики лежит в основе турецкой стратегии повышения международного статуса страны.

В этом контексте Анкара продолжит попытки перезагрузки своего стратегического сотрудничества с Вашингтоном, которое давало серьезные сбои в последние годы, прежде всего, по причине разногласий сторон относительно развития связей с Москвой и подхода к ряду проблем ближневосточного региона. Балансируя между Россией и странами Запада, Турция останется активным участником Североатлантического альянса, особенно в преддверии проведения в турецкой столице очередного саммита НАТО в июле 2026 г.

Анкара сохранит тесные экономические отношения со странами Евросоюза и не откажется от официального курса на евроинтеграцию, несмотря на неясность перспектив этого направления.

Отношения между Россией и Турцией продолжат развиваться в политической, экономической и гуманитарной областях.

Знаковым событием для двустороннего сотрудничества должен стать запуск в 2026 г. первого энергоблока АЭС «Аккую»[106], которую строят специалисты госкорпорации «Росатом». В то же время двум странам предстоит решать вопрос защиты своего торгово-экономического сотрудничества от санкционного давления со стороны западных стран, в

[104] Šorūṭ-e Īrān va sīgnāl-e miyānjī barāye mozākereh / Mozākerehā-ye hastī-ī bā Āmrīkā az sar gerefte mī-šavad? (Условия Ирана и намек на возобновление переговоров / Возобновятся ли переговоры с США по ядерной программе?) // Donya-ye Eqtesad. 2025.02.11. https://donya-e-eqtesad.com/fa/tiny/news-4225381 (на перс. языке).

[105] Orupā va Irān pas az snap-back: senāriohā-ye pish-e ru (Европа и Иран после введения механизма «snapback»: возможные сценарии) // IPSC. 2025.07.10. https://peace-ipsc.org/fa/اروپا-و-ایران-پس-از-اسنپبک-سناریوهای/ (на перс. языке).

[106] Запуск первого реактора АЭС "Аккую" планируется в 2026 году // ТАСС. 2025.28.10. https://tass.ru/ekonomika/25481419.

частности, преодоления ограничений на межбанковские переводы, осложняющие российско-турецкое сотрудничество.

Неоднозначным вопросом двусторонних отношений останется украинское направление в связи с поставками турецкого оружия на Украину в условиях российской СВО.

На гуманитарном треке ожидается рост российско-турецкого культурного сотрудничества на фоне устойчивого расширения контактов между народами двух стран. В 2025 г. Россия стала лидером с точки зрения туристического потока в Турцию (6,5 млн чел.) и, скорее всего, сохранит эти позиции в 2026 г.

Важным направлением региональной активности Анкары в предстоящем году будут связи с тюркскими государствами Центральной Азии и Азербайджаном в духе Стратегии 2040[107], разработанной Организацией тюркских государств (ОТГ). Анкара избрана «Туристической столицей тюркского мира – 2026» и в этом же году планируется проведение в Турции медиа-форума стран ОТГ, что, видимо, резко интенсифицирует культурную политику Турции, включая дальнейшее продвижение идеи введения единого алфавита для всех тюркских стран.

В регионе Ближнего Востока перед Турцией по-прежнему будет остро стоять проблема нестабильности в соседней Сирии наряду с необходимостью решать вопрос о возвращении на родину сирийских беженцев, более двух миллионов которых остаются на турецкой территории[108]. Маловероятно снижение напряженности в отношениях между Турцией и Израилем до тех пор, пока продолжается операция израильской армии в Секторе Газа.

Во внутриполитической повестке приоритетной задачей останется преодоление экономического кризиса, который характеризуется высоким уровнем инфляции в стране. По данным турецкого государственного Управления по стратегии и бюджету, за прошедший год уровень инфляции значительно снизился и в октябре 2025 г. составил 32% по сравнению с 47% в ноябре 2024 г[109]. Международные финансовые институты ожидают некоторого улучшения экономической ситуации в Турции в 2026 г. Согласно прогнозу МВФ, среднегодовой уровень инфляции в Турции в 2025 г. составит 34,9%, а в 2026 г. он понизится до 24,7%. Безработица в 2025 г. сохранится на уровне 9,6%[110]. Тот же прогноз предполагает, что в 2026 г. темпы роста турецкой экономики составят 3,7% по сравнению с 3,5% в 2025 г[111].

[107] Turkic World Vision 2040 // Organization of Turkic States. https://www.turkicstates.org/assets/pdf/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf.
[108] Göç İdaresi Başkanı açıkladı: “Türkiye’de yasal kalışı olan yabancı sayısı 3,6 milyon”. Tourism Today. 2025.28.11. https://www.tourismtoday.net/TR/2025/2399/Goc-Idaresi-Baskani-acikladi-Turkiye-de-yasal-kalisi-olan-yabanci-sayisi-3-6-m.
[109] Enflasyon. https://www.sbb.gov.tr/enflasyon/.
[110] IMF bu yıla ilişkin küresel ekonomik büyüme tahminini yükseltti // Anadolu Ajansı. 2025.14.10. https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/imf-bu-yila-iliskin-kuresel-ekonomik-buyume-tahminini-yukseltti/3717028.
[111] Ibid.

Израиль

Израиль в 2026 году ожидают парламентские выборы. Они могут оказаться как очередными и состояться осенью, так и быть объявлены досрочно. Тайминг будет во многом зависеть от политических расчетов входящих в коалицию партий, а также лично премьер-министра Биньямина Нетаньяху. Потенциал для кризисов внутри правящего блока существует: это касается и принятия бюджета, и призыва ультраортодоксальной молодежи, и скорости и характера проведения судебной реформы. Для партий харедим (ультраортодоксов) «Яхадут ха-Тора» и ШАС, покинувших правительство летом 2025 г. (ШАС при этом осталась частью коалиции), вопрос защиты своего электората от обязательной военной службы останется одним из ключевых. Это порождает серьезное напряжение в отношениях со всеми остальными политическими силами, включая религиозных сионистов, крайне правый фланг которых представляют «Религиозный сионизм» и «Оцма Йехудит»[112]. Особенно остро этот конфликт проявляется в контексте войны в Газе, провоцирующей активизацию общественных дискуссий о ЦАХАЛ как народной армии и принципе равной ответственности.

Шансы на сохранение поста премьер-министра Б. Нетаньяху существуют, но не гарантированы. Популярность его партии «Ликуд» несколько выросла с момента заключения перемирия с ХАМАС в октябре 2025, но показатели входящих в правительство в настоящий момент партий пока недостаточны для успешного формирования будущей коалиции. Оппозиционный блок, впрочем, может также не набрать уверенного большинства в Кнессете. В связи с этим одним из вероятных сценариев является продолжение политического тупика и возврат к повторяющимся электоральным циклам. Впрочем, вполне возможно создание широкой коалиции, состоящей из правых, центристских и левых сил. Под вопросом будет участие в ней арабских партий. Маловероятно включение в потенциальное правительство как религиозных сионистов, в силу их крайних позиций, так и харедим, в связи с их сопротивлением принятию приемлемого для большинства израильтян закона о призыве. Впрочем, ультраортодоксальные партии зачастую демонстрируют высокую договороспособность, а потому могут сыграть определенную роль в формировании новой коалиции.

В целом, в обществе силен запрос на альтернативного правого лидера – таким может оказаться Нафтали Беннет, который был премьер-министром Израиля в 2021–2022 годах. Его партия «Беннет 2026», созданная весной 2025 года, согласно опросам общественного мнения, может оказаться второй по численности в Кнессете[113] – несмотря на его относительно ограниченную политическую активность в течение последних трех лет.

Политический кризис во многом связан с общественной поляризацией. Линии разлома проходят не только между ослабленными левыми и усилившимися правыми, но и между лагерем «только Нетаньяху» и «только не Нетаньяху»; противниками и сторонниками судебной реформы; теми, кто требовал немедленного освобождения заложников, и теми, кто

[112] Sokol Sam. After quitting government, Haredim launch scathing attacks on PM, national religious MKs // The Times of Israel. 2025.18.07. https://www.timesofisrael.com/after-quitting-government-haredim-launch-scathing-attacks-on-pm-national-religious-mks/.
[113] Israel Election Opinion Polls 2026 – Likud Losing Grip, Netanyahu Bloc Trails Opposition // Opinion and Ratings. 2025.15.11. https://www.opinionsandratings.com/israel-polls/general-stories/israel-election-opinion-polls.

считал военный разгром ХАМАС более значимой целью. Впрочем, существуют и куда более консенсусные темы. Так, запрос на создание государственной комиссии по расследованию провала 7 октября 2023 г. является общим и для сторонников, и для противников правительства.

Болезненным для большинства израильтян вопросом является создание палестинского государства – на это готово согласиться лишь незначительное меньшинство граждан еврейского государства[114]. Перемирие в Секторе Газа остается нестабильным, а потому любое из его нарушений (происходящих на регулярной основе) может стать триггером для возобновления масштабных боевых действий. Одним из вероятных сценариев также является временное сохранение нового статус-кво с разграничением зон контроля Израиля и ХАМАС по «желтой линии» плана Трампа и продолжением разовых столкновений. Подобный расклад практически неизбежно приведет к эскалации в будущем. Успешная реализация плана Трампа, подразумевающего создание Международных стабилизационных сил, а также Совета мира (подтверждены резолюцией Совбеза ООН №2803)[115], представляется хотя и желательной, однако маловероятной в ближайшей перспективе, поскольку подразумевает разоружение ХАМАС и демилитаризацию Сектора Газа, что может занять длительное время.

В Израиле сохраняется стремление к расширению Соглашений Авраама и заключению соответствующего договора с Саудовской Аравией. Одним из существенных препятствий на этом пути является неготовность Израиля к созданию палестинского государства[116]. Впрочем, в силу крайней внешнеполитической значимости включения КСА в круг стран – участниц Соглашений Авраама – в том числе с точки зрения личных достижений Б. Нетаньяху, которые он сможет представить своему электорату, – некоторая вероятность продвижения на этом направлении существует. Любое альтернативное правительство Израиля, вероятно, могло бы проявить гибкость в этом вопросе, хотя и в ограниченных масштабах.

Сектор Газа и Западный берег р. Иордан

Ситуация на палестинских территориях – в Секторе Газа и на Западном берегу – с высокой степенью вероятности продолжит ухудшаться. Заявленный в конце сентября 2025 г. американским президентом Д. Трампом «мирный план для Газы» обеспечил установление хрупкого и неустойчивого прекращения огня между Израилем и ХАМАС, обмен израильских заложников на палестинских заключенных и некоторое облегчение гуманитарного кризиса в Секторе. Реализация остальных пунктов плана, касающихся вопросов постконфликтного восстановления и политического управления в Палестине, была изначально неприемлемой и/или невозможной как для израильской, так и для палестинской стороны. Тем более, что в качестве представителя последней выступил ХАМАС – военно-

[114] Hermann Tamar, Yohanani Lior, Kaplan Yaron, Sapozhnikova Inna Orly. Two Years since Oct. 7: Majority of Israelis say the Time Has Come to End the War // The Israel Democracy Institute. 2025.30.09. https://en.idi.org.il/articles/61845.
[115] Security Council Resolution 2803 (2025) // United Nations. 2025.17.11. https://docs.un.org/en/S/RES/2803(2025).
[116] Kuperwasser Yossi, Evyatar Ilan. Rewarding October 7: Why Recognizing a Palestinian State Now Is a Dangerous Mistake // JISS. 2025. 17.08. https://jiss.org.il/en/kuperwasser-evyatar-rewarding-october-7/.

политическая сила, которая имеет спорную легитимность в палестинском обществе и низложение которой Израиль ставит в качестве одной из ключевых целей.

В недопущении возобновления масштабных боевых действий в Газе заинтересован сам «архитектор» плана Д. Трамп, соседи и ключевые ближневосточные игроки, в том числе главный медиатор в лице Катара, которые будут предпринимать все возможные дипломатические усилия и оказывать давление на конфликтующие стороны с призывами к «сдержанности», а также значительная часть израильского и палестинского[117] обществ. Вместе с тем очевидно, что прекращение огня неизбежно будет нарушаться в условиях нерешенности (и отсутствия у Израиля стратегии по решению) ключевых вопросов устойчивого жизнеобеспечения населения палестинских территорий.

Требование о разоружении ХАМАС – один из пунктов «мирного плана», являющийся принципиальным для Израиля, – изначально было отвергнуто палестинским «движением сопротивления». Ни один из внешних, в первую очередь, региональных, влиятельных игроков не заинтересован непосредственно участвовать в его «насильственном» разоружении. Несмотря на значительное ослабление боевого потенциала и разрушение большой части военной инфраструктуры, по некоторым данным, на территории Газы остаются десятки тысяч боевиков ХАМАС[118], готовых восстановить свой контроль над территорией после вывода ЦАХАЛ. Кроме того, ряды боевиков движения постоянно пополняются – не столько на фоне сохранения популярности «идеологии сопротивления» (несмотря на видимое сокращение поддержки ХАМАС в Секторе[119]), сколько ввиду кризисного экономического положения людей, пытающихся найти источники заработка. Движение остается высокоорганизованной структурой с сохраняющимся политическим руководством, проживающим в ряде стран региона (Турции, Катаре, Ливане).

ХАМАС успешно капитализирует международную палестинскую поддержку – беспрецедентные общественные движения, особенно в западных странах, или очередную волну признания Государства Палестина, – выдавая ее за собственную победу. Руководство палестинского движения не намерено отказываться от участия в военно-политическом и гражданском управлении на палестинских территориях.

В данном контексте вопрос о постконфликтном восстановлении Газы также остается открытым. На конец 2025 г. более 80% инфраструктуры Сектора разрушены или повреждены, большая часть территории находится под руинами, источники чистой воды загрязнены. По обновленным подсчетам ООН, на расчистку более 60 млн тонн завалов

[117] A Dual Crisis – Palestinian Public Opinion Amidst Occupation and a Leadership Vacuum // PCPSR. 2025.28.10. https://www.pcpsr.org/sites/default/files/Poll%2096%20press%20release%20FINAL%20ENGLISH%2028%20Oct%202025.pdf.
[118] About 40,000 Palestinian armed militants remain in Gaza, Israeli army claims // The National. 2025.26.05. https://www.thenationalnews.com/news/mena/2025/05/26/about-40000-palestinian-armed-militants-still-operating-in-gaza-israeli-army-says/.
[119] A Dual Crisis – Palestinian Public Opinion Amidst Occupation and a Leadership Vacuum // PCPSR. 2025.28.10. https://www.pcpsr.org/sites/default/files/Poll%2096%20press%20release%20FINAL%20ENGLISH%2028%20Oct%202025.pdf.

потребуется 110 млн долл. и около 7 лет, «но только при благоприятных условиях»[120], то есть в отсутствие возобновления военных действий и обстрелов. План реконструкции Газы, предложенный Египтом, был утвержден Лигой арабских государств[121], отражая общерегиональное стремление к стабилизации ситуации в эксклаве. Однако ни один из внешних игроков, в первую очередь монархии Залива, как того от них ожидает Израиль, не намерен инвестировать в проекты, которые с большой долей вероятности будут разрушены в ближайшей перспективе.

Параллельно с этим стремительно ухудшается ситуация на Западном берегу. На фоне продолжения рейдов израильских сил безопасности против «ячеек сопротивления», роста насилия со стороны еврейских поселенцев, насильной эвакуации и сноса жилых домов палестинцев, особенно на севере, где расположены лагеря беженцев[122], каждый год становится рекордным по количеству жертв среди палестинского населения. Более того, усугубляется экономический кризис, вызванный блокированием израильскими силами дорог и въездов в города, запретом на работу палестинцев Западного берега в Израиле и еврейских поселениях, удержанием властями Израиля части средств, выплачиваемых в бюджет ПНА из собираемых ими налогов. Последние годы растет масштаб ущерба палестинским оливковым полям, которые подвергаются уничтожению и/или блокируются израильскими силами безопасности и поселенцами для доступа палестинцев[123]. Ожидается, что в обозримой перспективе на фоне прекращения активной фазы конфликта в Газе очагом «горячего» противостояния станет Западный берег, особенно с учетом заметного роста популярности «идеологии сопротивления» и одобрения действий ХАМАС.

Руководство ПНА в лице президента Махмуда Аббаса[124] стремительно теряет общественную поддержку: 80% населения палестинских территорий призывают к его отставке[125]. При этом, в целом поддержка в Газе и на Западном берегу несиловых способов решения палестинской проблемы возросла, а наиболее эффективным способом прекращения израильской оккупации более половины населения считают переговоры или мирное сопротивление[126].

---

[120] Clearing most of the rubble in the Gaza Strip is possible in seven years under right conditions // UN Development Program. 2025. 20.11. https://www.undp.org/stories/clearing-most-rubble-gaza-strip-possible-seven-years-under-right-conditions.

[121] Ahmad M. The Arab League Proposes an Alternative Gaza Reconstruction Plan // Institute for Palestine Studies. 2025.24.03. https://www.palestine-studies.org/en/node/1657135.

[122] UNRWA Situation Report №197 on the Humanitarian Crisis in the Gaza Strip and the occupied West Bank, including East Jerusalem // UNRWA. 2025.18.11. https://www.unrwa.org/resources/reports/unrwa-situation-report-197-situation-gaza-strip-and-west-bank-including-east-jerusalem?__cf_chl_tk=YAN_f7VV5.9x1lJ6N1X5Bo2txX8CQBf10KHcJZcc7eE-1763916669-1.0.1.1-xCldH1ll6PcemZX5VWQsDNjNvemSSnxrcHPXCCxGf.0.

[123] Humanitarian Situation Update №330: West Bank // Relief Web. 2025. 10.10. https://reliefweb.int/report/occupied-palestinian-territory/humanitarian-situation-update-330-west-bank-enhear.

[124] Rahman O.H. Amidst Unprecedented Threats, Palestinians Also Face Crisis of Leadership // ISPI. 2024.07.10. https://www.ispionline.it/en/publication/amidst-unprecedented-threats-palestinians-also-face-crisis-of-leadership-186082.

[125] A Dual Crisis – Palestinian Public Opinion Amidst Occupation and a Leadership Vacuum // PCPSR. 2025.28.10. https://www.pcpsr.org/sites/default/files/Poll%2096%20press%20release%20FINAL%20ENGLISH%2028%20Oct%202025.pdf.

[126] Ibid.

Ни о какой политической реформе и проведении выборов, в очередной раз обещанных Аббасом – на этот раз президенту Франции Э. Макрону[127], в действительности речи не идет. Призывы и неоднократные попытки различных палестинских фракций преодолеть внутренний раскол и реформировать Организацию освобождения Палестины (ООП), сформировать правительство национального единства блокируются[128]. В октябре 2025 г. Аббас единоличным решением издал «конституционную декларацию», в которой назначил преемником своего соратника Хусейна аш-Шейха. Такая смена власти вряд ли привнесет серьезные изменения в ситуацию на палестинских территориях и в палестинском национальном движении.

Западная Сахара

Окончательное урегулирование конфликта в Западной Сахаре в 2026 г. выглядит маловероятным, но нельзя исключить продвижения на этом направлении. В октябре 2025 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию №2797 о продлении мандата Миссии ООН по проведению референдума в Западной Сахаре еще на один год. При этом в тексте резолюции, подготовленном США, марокканский план автономии для Западной Сахары взят за основу при разрешении данного конфликта[129].

Алжир, являясь непостоянным членом Совет Безопасности ООН, не принял участие в голосовании по данной резолюции, однако министр иностранных дел Алжира Ахмед Аттаф не стал публично критиковать ее, а наоборот отметил, что в ней есть несколько положительных моментов – деятельность Миссии ООН продлена, а право жителей Западной Сахары на самоопределение сохранилось[130]. С учетом одобренных и принятых поправок, можно говорить, что Марокко де-факто добилось широкого международного признания своего плана по разрешению конфликта на основе автономии.

Прогресс по Западной Сахаре может создать благоприятные условия для постепенной нормализации отношений между Марокко и Алжиром. Они были разорваны в 2021 г. С тех пор любые виды взаимодействия между двумя странами практически полностью прекращены. 19 октября 2025 г. специальный посланник США на Ближнем Востоке С. Уиткофф заявил, что на данный момент ведутся переговоры с марокканской и алжирской сторонами и есть шанс на заключение «мирного соглашения» между двумя странами[131].

Афганистан

Режим талибов, признанный Российской Федерацией летом 2025 г. в качестве официальных властей Афганистана за прошедший год в целом подтвердил свою способность

[127] Macron warns any planned West Bank annexation a ‘red line’ // Arab News. 2025.11.11. https://www.arabnews.com/node/2622158/world.
[128] Rahman O.H. Amidst Unprecedented Threats, Palestinians Also Face Crisis of Leadership // ISPI. 2024.07.10. https://www.ispionline.it/en/publication/amidst-unprecedented-threats-palestinians-also-face-crisis-of-leadership-186082.
[129] Security Council Resolution 2797 (2025) // United Nations. 2025. 31.10. https://docs.un.org/en/S/RES/2797(2025).
[130] Les fondamentaux de la question du Sahara occidental sont préservés dans la résolution du Conseil de sécurité // Algérie Presse Service. 2025.03.11. https://www.aps.dz/fr/monde/afrique/mhiv1ckt-les-fondamentaux-de-la-question-du-sahara-occidental-sont-preserves-dans-la-resolution-du-conseil-de-securite.
[131] Witkoff on Ukraine: "Doing a peace deal is becoming infectious" // CBS News. 2025.19.10. https://www.cbsnews.com/news/witkoff-on-ukraine-doing-a-peace-deal-is-becoming-infectious-60-minutes/.

поддерживать базовую внутреннюю стабильность. На протяжении 2025 г. не фиксировалось открытых и резких критических выступлений в адрес политики эмира (верховного лидера) Афганистана Хайбатуллы Ахундзады со стороны так называемых умеренных кругов, выступающих, в частности, за смягчение ограничений в сфере образования (в том числе для женщин) и некоторую либерализацию социокультурной повестки. Исследователи связывают эти круги с такими влиятельными лицами, как министр внутренних дел Сираджуддин Хаккани, министр обороны Мулла Мухаммад Якуб, заместитель главы политического офиса Талибана в Дохе (Катар) Шер Аббас Станикзай и др.[132] Тем не менее разногласия по вопросам внутренней политики среди правящей элиты нельзя сбрасывать со счетов. В 2026 г. они будут сохранять значительный дестабилизационный потенциал и могут проявиться в форме скрытой внутриполитической борьбы. Также нельзя исключать новых эпизодов напряженности в сфере межэтнических отношений ввиду «пуштуноцентричной» политики афганских властей, которая ограничивает доступ этнических меньшинств к ресурсам и политическому представительству.

Весьма маловероятно резкое усиление в 2026 г. оппозиционных талибам вооруженных группировок, в том числе представителей так называемых «фронтов национального освобождения», выступающих за восстановление республиканского строя. Террористическая организация «Исламское государство – Вилаят Хорасан» (ИГ-Хорасан, запрещена в России) также отказалась от стратегии захвата и удержания территорий, концентрируя усилия на пропаганде радикальной идеологии (в странах Европы, СНГ, Африки, Южной Азии и др.), вербовке новых сторонников и совершенствовании каналов финансирования. При этом значительную часть боевиков ИГ-Хорасан составляют выходцы из государств Центральной Азии (преимущественно Узбекистана и Таджикистана), использующие афганскую территорию в качестве убежища, что негативно отражается на региональной безопасности и будет сохранять деструктивный потенциал в обозримой перспективе. Вместе с тем талибскому руководству в краткосрочной и среднесрочной перспективе, по-видимому, удастся удержать контроль над основной территорией страны и ключевыми центрами, локализуя активность оппозиционных и джихадистских структур на периферии.

Во внешнеполитическом измерении в 2026 г. наиболее конфликтным вектором можно считать афгано-пакистанские отношения, неоднократно проходившие испытания на прочность. Ключевым источником напряженности является присутствие на территории Афганистана боевиков «Движения Талибан в Пакистане» (ДТП), идеологически близких талибскому руководству. Нельзя не вспомнить также непризнание афганскими властями «линии Дюранда», в качестве официальной афгано-пакистанской границы. В качестве давления на афганскую сторону Исламабад осенью 2025 г. прибегал не только к традиционному перекрытию погранпереходов, а также высылке афганских мигрантов, но и к нанесению авиаударов по Кабулу, а также провинциям Хост, Нангархар, Пактика. Удар пакистанских ВВС по Кабулу стал индикатором эскалации кризиса двусторонних отношений, постепенно нарастающей напряженности, что может свидетельствовать о непредсказуемости афгано-пакистанской конфронтации в 2026 г.

[132] Advantage Akhundzada in Taliban Factional Fight in Afghanistan? // The Diplomat. 2025.06.03. https://thediplomat.com/2025/03/advantage-akhundzada-in-taliban-factional-fight-in-afghanistan/.

В отношениях с Ираном талибскому руководству удается поддерживать сравнительно конструктивный формат. Несмотря на сохраняющиеся разногласия по распределению водных ресурсов реки Гильменд, а также острую проблематику афганских мигрантов в ИРИ, в 2025 г. стороны демонстрировали нацеленность на наращивание объемов трансграничной торговли и иранских инвестиций в афганскую экономику, развитие транспортно-логистических коридоров, в том числе железной дороги «Хаф-Герат». В 2026 г. можно ожидать осторожного продолжения курса на прагматическое сближение двух сторон в условиях санкций.

Схожая динамика наблюдается и в отношениях Кабула со странами Центральной Азии, которые постепенно отходят от того, чтобы видеть в режиме талибов лишь источник угроз. В августе 2025 г. на встрече спецпредставителей стран Центральной Азии по Афганистану в Ташкенте была подчеркнута общая заинтересованность в укреплении торгово-экономических и транспортно-логистических связей с Афганистаном, что свидетельствует о выработке зачатков общерегионального подхода к афганскому направлению. Рост взаимной торговли (свыше 1,1 млрд долл. товарооборота Афганистана с Узбекистаном и около 545 млн долл. – с Казахстаном в 2024 г., при заявленной цели Астаны довести этот показатель до 3 млрд долл. ежегодно) наглядно демонстрирует приоритет экономических соображений над политико-идеологическими расхождениями и правозащитной повесткой[133]. В этот же контекст вписывается подписанное весной 2025 г. соглашение между Кабулом и Ташкентом о совместном управлении бассейном Амударьи и «справедливом и рациональном» использовании ее водных ресурсов, что может свидетельствовать об институционализации сотрудничества по водной повестке[134]. В 2026 г. данные форматы, по всей вероятности, будут постепенно развиваться, превращаясь в ключевые площадки координации интересов Центральной Азии и Афганистана в вопросах транзита, торговли и водной безопасности.

В отношениях с Россией талибское руководство позитивно оценило принятое Москвой в 2025 г. решение о признании Исламского Эмирата Афганистан в качестве официальных властей страны и ожидает их дальнейшего улучшения. Наиболее вероятными направлениями развития связей представляются содействие в обеспечении полноценного представительства Афганистана в ООН, смягчение визового режима, наращивание российских инвестиций в афганскую экономику, а также расширение объемов финансовой, гуманитарной и технической помощи.

Исходя из обозначенных трендов и условий, можно ожидать, что в 2026 г. в Афганистане в целом сохранится статус-кво. При этом страна останется важным, но хронически проблемным звеном региональной системы отношений. Это будет требовать от внешних акторов не разовых, ситуативных шагов, а продуманной долгосрочной стратегии управления рисками и выборочного, дозированного вовлечения.

---

[133] Zielińska D. Pragmatism beyond divides: Central Asia's engagement with Afghanistan // Centre for Eastern Studies (OSW). 2025.07.11. https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2025-11-07/pragmatism-beyond-divides-central-asias-engagement-afghanistan.

[134] Uzbekistan and Afghanistan Sign Amudarya Water Agreement // Курсив. 2025.01.05. https://uz.kursiv.media/en/2025-05-01/uzbekistan-and-afghanistan-sign-amudarya-water-agreement/?utm_campaign=endless_feed.

Выводы

Главным трендом, который проявится на Ближнем и Среднем Востоке в 2026 г., является все большая самостоятельность региональных держав. Защищая собственные интересы, они делают ставку на диверсификацию внешнеполитических связей, предъявляют более жесткие требования старым партнерам и привлекают новых. Многовекторная стратегия становится для них важным инструментом, и следует ожидать в 2026 г. еще более настойчивых попыток гарантировать себе поддержку со стороны внешних акторов на условиях, не предполагающих повышенных обязательств с их собственной стороны.

Курс ведущих региональных держав на диверсификацию внешнеполитических и экономических связей даст России возможность расширить свои экономические и политические связи. Например, аравийские монархии будут по-прежнему заинтересованы в развитии сотрудничества в сфере глобальной энергетической безопасности, в частности в рамках ОПЕК+, особенно в условиях колебаний цен на нефть, вызванных военной дестабилизацией в регионе и новыми санкциями против российских энергетических компаний. Можно ожидать повышения уровня торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества РФ с отдельными странами Персидского залива, в частности с ОАЭ и Саудовской Аравией.

Наряду с возможностями Россия неизбежно столкнется в 2026 г. с новыми проблемами, связанными, прежде всего, с неурегулированными конфликтами. В случае реализации негативного сценария в Сирии под угрозой может оказаться российское военное присутствие в стране или же власти Дамаска могут проявить интерес к большей вовлеченности РФ во внутренние события. Продолжение столкновений в Газе может потребовать от Москвы новых идей и инициатив в плане урегулирования палестинской проблемы, которые в настоящий момент находятся в явном дефиците. Вместе с тем в регионе не исключено частичное снижение напряженности на израильско-сирийском и израильско-ливанском направлениях. Оно скорее всего будет носить дискретный характер, но даже хрупкое перемирие или соглашение могут способствовать деэскалации напряженности.

В целом Ближний Восток останется регионом все более обостряющегося геополитического соперничества внешних акторов. США при президенте Д. Трампе решительнее применяют силу и вновь включаются в процессы обеспечения безопасности в регионе, в том числе на двусторонней основе, европейские члены НАТО демонстрируют готовность расширить свою активность в Персидском заливе, Китай и Индия продвигают привлекательные инвестиционные и логистические проекты. Ближний и Средний Восток становится одним из фокусов изменения миропорядка и его адаптации к новым геополитическим условиям.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

На постсоветском пространстве (ПСП) в прогнозный период будет сохраняться высокий уровень геополитической нестабильности на фоне острой конкуренции ведущих мировых и региональных держав. Все более активную вовлеченность в дела государств постсоветской Евразии наряду с США, Британией, странами Европы, ЕС, КНР будут демонстрировать такие страны, как Турция, Польша и Румыния. Усилиями вложивших в него значительные политические и иные инвестиции стран Запада конфликт вокруг Украины превращается в своего рода «учредительный конфликт», не только оказывающий существенное влияние на ситуацию в регионе постсоветской Евразии, но и трансформирующий современные международные отношения, определяющий контуры нового формирующегося полицентричного мирового порядка. И от его хода и исхода во многом зависит формирование новой устойчивой архитектуры европейской и шире – евразийской безопасности.

Европейская часть ПСП

Конфликт на **Украине** находится в активной фазе, на протяжении последних лет именно здесь происходит столкновение интересов России и стран Запада (с Украиной, выступающей в роли западного прокси). В США и особенно в Европе сформированы и сильны позиции «партии войны» и проукраинского лобби. Ситуация усугубляется тем, что в Европе и отчасти в США представители элит по-прежнему политически не способны и морально не готовы допустить «поражение Украины», под которым они понимают заключение мира «на условиях В. Путина». Слишком серьезные ставки в предшествующие годы были сделаны на поддержку режима в Киеве. Сформированы нарративы, гиперболизировавшие конфликт до уровня экзистенциального – против сил «абсолютного зла», в рамках дихотомического противостояния «демократии» и «авторитаризма». В 2025 г. произошла дальнейшая технологическая (применение все более мощных и дальнобойных видов оружия) и финансовая эскалация конфликта (с передачей Киеву процентов от замороженных российских валютных резервов и активов и обсуждением перспективы их конфискации).

Вместе с тем 2025 год внес существенные коррективы в подходы администрации США в отношении конфликта. Сразу после инаугурации президент США Д. Трамп ясно дал понять, что прекращение боевых действий и достижение прочного мира в конфликте вокруг Украины – это один из приоритетов его администрации. И вообще – украинский конфликт никогда не дошел бы до столь горячей стадии, будь Трамп президентом в предшествующее четырехлетие. Экспертами разных стран предложено несколько возможных объяснений подобной позиции – от личностных, до более системных. Высока вероятность того, что Д.Трамп сделал ставку на быстрое завершение конфликта вокруг Украины как аргумент в споре с внутренними оппонентами (из демпартии и не только) и как на способ по возможности осложнить отношения РФ и КНР в контексте развивающейся конкуренции глобального уровня между Вашингтоном и Пекином. Иными словами, США демонстрировали готовность дистанцироваться от украинской темы по мере урегулирования кризиса на собственных условиях, перенося акцент на китайское направление своей внешней политики.

Изменение подхода Белого дома к конфликту позволило придать импульс переговорному треку по поиску путей его урегулирования. В феврале 2025 г. Д. Трамп позвонил В. Путину. И был дан старт процессу нормализации отношений РФ и США. Риторически дело зашло довольно далеко. Американские официальные лица отказываются называть Россию «оккупирующей державой» и «агрессором» в международных организациях, как они делали раньше, вместе с РФ голосуют против украинско-европейских антироссийских резолюций на Генассамблее ООН, продвигают политически сбалансированную резолюцию в Совете безопасности ООН и т.д. На этом фоне в мае 2025 г. в Стамбуле возобновились переговоры между РФ и Украиной, прерванные Киевом в апреле 2022 г. Стороны провели несколько раундов, договорились обменяться меморандумами, с изложением того, как видят окончание конфликта. Однако дальше обмена пленными и телами погибших дело не пошло.

В августе в Анкоридже состоялась непродолжительная, но насыщенная встреча В. Путина и Д. Трампа. Удалось выработать некое общее понимание относительно параметров урегулирования, отойти от крайне упрощенных представлений американской администрации о прекращении конфликта как просто прекращения огня на существующей линии соприкосновения и сконцентрироваться на купировании первопричин конфликта и фундаментальных проблемах европейской безопасности.

Уже к концу августа стало очевидно, что представленный план отвергается как глобализированным либеральным Западом, так и Киевом. А у Трампа и его администрации недостаточно стимулов, чтобы продвигать не только свое, но и российское видение ситуации и путей урегулирования конфликта. Происходящая милитаризация Европы (практически всеми странами НАТО достигнут искомый уровень военных расходов в 2% ВВП, а «передовики» в лице Польши и стран Балтии вышли уже на 3-3,5%) вполне отвечает интересам американского ВПК (европейские страны просто не в состоянии в сжатые сроки освоить выпуск всей номенклатуры вооружений и боевой техники). И поэтому у руководства США нет резона пацифицировать стремительно милитаризующиеся, готовые тратить миллиарды евро на вооружения европейские элиты. Невозможность продвинуть согласованный на Аляске подход в рамках коммуникации американского президента с лидерами ЕС, Британии и большинства стран Европы, а также упорство украинского руководства в отстаивании собственного видения конфликта, привели уже в сентябре к неожиданным метаморфозам американского подхода – от давления на Киев Вашингтон перешел к давлению на Москву. Были введены очередные ограничения США в отношении РФ (в том числе санкции против ведущих российских нефтяных компаний, включая «Лукойл» и «Роснефть») и синхронно с решением американской администрации принят 19-й по счету европейский пакет антироссийских санкций.

Когда стало ясно, что введенные санкции действия не возымели, в ноябре 2025 г. возобновились усилия США по выходу на быстрое завершение конфликта. Наряду с личным посланником президента США по урегулированию конфликта С. Уиткоффом к работе подключился самый ближний круг президента США – его зять Дж. Кушнер. Но даже это не гарантирует успеха.

Дело в том, что позиции сторон не претерпели за последнее время существенных изменений. Украинское руководство по-прежнему активно продвигает на международной арене тезисы о

«красных линиях», от которых Украина не отступит на переговорах. Среди них территориальная целостность (в максималистской версии – возврат к границам 1991 г.), вступление в НАТО как гарантия безопасности, развитие вооруженных сил Украины (ВСУ) без всяких ограничений. Постепенно в пропагандистских нарративах внутри страны более заметными становятся утверждения о том, что, если Украина смогла сохраниться как государство в противостоянии с Россией – это уже победа. Но на международном треке подобные тезисы хождения не имеют. Украинские официальные лица упорно продолжают продвигать идеи об усилении экономического (санкционного) давления на РФ, увеличении поставок вооружения и военной техники, активно ищут средства на продолжение военных действий – прежде всего за счет замороженных российских резервов и активов за рубежом. Едва ли в этих нарративах произойдут кардинальные изменения в 2026 г. Украинские власти не слишком мотивированы к прекращению конфликта, тем более на российских условиях. В условиях мира или хотя бы длительного устойчивого перемирия, практически неизбежны выборы президента и парламента страны, сроки полномочий которых истекли еще в 2024 г. С учетом усталости населения от войны и ее последствий, переизбрание В. Зеленского и депутатов партии «Слуга народа» отнюдь не гарантировано, несмотря на контроль информационного трека. И поэтому на всех уровнях от министра иностранных дел А. Сибиги до В. Зеленского воспроизводятся тезисы о необходимости «принуждения» России к миру «с позиции силы», которые не особенно маскируют установку украинской элиты на продолжение военных действий.

Европейские политики первого ряда (за исключением разве что В. Орбана и Р. Фицо) слегка трансформировали свои первоначальные подходы к конфликту. Их позиция плавно эволюционирует от стремления нанести «стратегическое поражение» России до решимости «не дать победить В. Путину». Однако в практическом плане это ничего не меняет. В 2026 г. европейские политики, вероятно, будут по-прежнему продвигать предложение о необходимости безусловного прекращения боевых действий как предпосылки ведения переговоров и будут оценивать как неприемлемые российские предложения по урегулированию конфликта. Подобная политическая позиция предполагает продолжение и даже усиление военной помощи Украине, оказание финансовой помощи Киеву для стабилизации экономического положения в стране (запланированный дефицит принятого на 2026 г. бюджета Украины составляет более 40%), причем желательно за счет замороженных российских средств, поскольку свободных десятков миллиардов евро у стран ЕС нет.

Россия по-прежнему выступает за выполнение первоначально поставленных основных задач СВО, а также признания новых «реалий на земле», в том числе изменений в Конституции РФ, согласно которым Крым, ДНР, ЛНР, а также Запорожская и Херсонская области являются составными частями РФ.

В этих условиях трудно представить быстрый успех урегулирования конфликта в рамках переговорного процесса. В сложившихся обстоятельствах на 2026 г. наиболее вероятными представляются два базовых сценария. Точнее даже полтора, поскольку вероятность второго существенно ниже.

Первый можно назвать *инерционным*. Как уже неоднократно случалось, дипломатическая и переговорная активность в прогнозный период могут и не привести к результату, т.е. к

«мирной сделке». Переговоры и контакты в той или иной форме будут продолжаться. Но разница в подходах останется слишком значительной, а противоречия непримиримыми. Украинская сторона может выступить с заявлением, что она в целом принимает основные положения так называемого плана Трампа. Но при этом внесет некоторые изменения, которые являются неприемлемыми для РФ. И затем, когда переговоры неизбежно зайдут в тупик, попытается переложить на российскую сторону ответственность за срыв «сделки». Собственно, в этом русле события уже начали развиваться, когда украинские представители на всех уровнях стали озвучивать вопросы о необходимости сохранения положения о вступлении в НАТО как гарантии безопасности страны или демонстрировать отказ от признания нового статуса российских территорий Крыма, Донбасса и Новороссии. Таким образом, Киев старается сместить ответственность за срыв переговоров на Москву, а информационным шумом вокруг самих переговоров перебить внутреннюю повестку, наличие серьезных социально-экономических проблем и особенно коррупционных скандалов. Россия, в свою очередь, не отступит от своих требований. Вопреки распространенной на Западе точке зрения, оценивающей план урегулирования, предложенный В. Путиным, как «максималистский», на самом деле он является «минималистским» и рациональным с точки зрения интересов безопасности РФ.

Боевые действия при инерционном сценарии будут продолжаться, российская армия сохранит в 2026 г. инициативу. И постепенно меняющиеся конфигурация фронта и соотношение сил неминуемо потребуют от украинской элиты более гибкого подхода.

В рамках сценария вероятны попытки стран ЕС и Британии занять более активную позицию, стать частью переговорного процесса, переписать рамочные формулы обеспечения безопасности в Европе в неблагоприятном для РФ ключе, что еще более осложнит и затянет процесс переговоров. Для Москвы нежелательным побочным эффектом подобного развития событий станет возможное ухудшение отношений с администрацией Д. Трампа, заинтересованной в достижении «сделки» в сжатые сроки, еще до промежуточных выборов в Конгресс США.

Второй сценарий – *революционный*, быстрого умиротворения – возможен только при исключительном стечении обстоятельств и готовности администрации США оказать реальное давление на официальный Киев с целью урегулировать конфликт до середины 2026 г. В военном отношении украинская армия полностью зависит от американских систем связи и управления, а также от получения разведывательной информации. Определяющим фактором не только для поддержания боеспособности украинской армии, но и для функционирования украинского государства и экономики, являются иностранные займы и иностранная помощь, достигшая беспрецедентных объемов. Совокупная финансовая поддержка со стороны США, МВФ, ВБ, ЕБРР, ЕС, фондов, правительств отдельных государств, компаний и частных лиц, по экспертным оценкам, уже достигла в 2022–2025 гг. 350 млрд долл. В сложившихся обстоятельствах, особенно учитывая колоссальный дефицит бюджета, Украина полностью зависима от западной помощи (финансовой и военной). Осенью 2025 г. проявился еще один фактор зависимости и точечного воздействия на украинскую элиту – раскрученная в украинском обществе антикоррупционная проблематика, с опорой на контролируемые США институты, приведшая к отставкам в окружении В. Зеленского.

При последовательном, а не эпизодическом, использовании соответствующих рычагов влияния со стороны США в 2026 г., возможна постепенная трансформация крайне негибкой позиции официального Киева. Вашингтону даже не придется делать резких шагов. Достаточно взять паузу, позволив украинскому руководству ощутить дефицит разведданных и ресурсов (которые не могут быть восполнены европейцами). Или дать возможность антикоррупционным структурам довести до логического конца свою работу. Однако подобное развитие событий с высокой степенью вероятности приведет к осложнению отношений с европейскими союзниками и к обострению политической борьбы внутри США. Возможна политическая дестабилизация на самой Украине. Едва ли все это входит в планы администрации Д. Трампа.

Разумеется, теоретически возможен и сценарий выхода Киева из переговорного процесса. Но тогда украинскому руководству вместе с рядом стран Европы придется самостоятельно решать задачу сдерживания российской армии на более чем тысячекилометровом фронте. Поэтому подобный сценарий не рассматривается в качестве реалистичного.

Республика Молдова (РМ) является парламентской республикой, в которой законодательный орган имеет существенно больше полномочий, чем президент, во многом являющийся номинальной фигурой. Поэтому выборы в парламент – это выборы в сильнейший политический институт страны. Все участники политического процесса это прекрасно понимали. Именно поэтому находящаяся у власти партия «Действие и солидарность» (PAS) в предвыборный период приложила значительные усилия по контролю над информационным полем (в основном было «зачищено» от конкурентов еще к президентским выборам 2024 г.), над судебной системой страны (которая стала важным инструментом изъятия из политического процесса ряда политических фигур и оказания давления на других) и ЦИК Республики Молдова. 28 сентября 2025 г. в Молдавии состоялись парламентские выборы, которые и определят параметры политических процессов в стране на ближайшие годы.

Для молдавских избирателей характерен «геополитический» тип электорального поведения. Они голосуют не только за социально-экономическую программу партии, но и за продвигаемый ею геополитический вектор. Традиционно левых (социалистов и коммунистов) поддерживают те, кто выступает против подчинения Молдавии Бухаресту и Брюсселю и за развитие связей с Москвой. Для PAS молдавская идентичность – румынская (по языку) и политически европейская. Партия последовательно выступает за постепенное свертывание связей с Россией и странами СНГ в силу «безальтернативности» европейского пути РМ.

Итогом как президентских (победу на которых одержала Майя Санду – неформальный лидер PAS), так и парламентских выборов (правящая партия «Действие и солидарность» одержала победу, набрав 50,2% голосов и получив 55 депутатских мандатов из 101)[135] стало сохранение у власти в Молдавии проевропейских сил, нацеленных на интеграцию республики в Евросоюз, расширение взаимодействия с НАТО и сворачивание отношений с Россией. В очередной раз значимую роль в определении итогов выборов сыграла молдавская диаспора в странах Запада, поддержавшая лозунги Санду и PAS о полноправном членстве в

[135] Alegeri Parlamentare in Respublica Moldova. Rezultate preliminare. https://pv.cec.md/preliminare.

Евросоюзе уже к 2028 г., а равно отсутствие консолидации, разброд и непримиримые противоречия в рядах оппозиции.

Вместе с тем очевидно, что и президентские, и парламентские выборы продемонстрировали раскол молдавского общества, значительная часть (примерно половина) которого не приемлет прозападный курс М. Санду и правящей партии.

В случае провала PAS на выборах ситуация в Молдавии могла быть заметно дестабилизирована. Ясно, что Санду, при европейской поддержке, могла бы пойти даже на отмену результатов выборов (как в соседней Румынии) или на более резкие движения, которые позволили бы ей сохранить контроль над страной (рассматривались сценарии вплоть до совместного с Украиной вторжения в Приднестровье).

Однако в сложившихся по результатам выборов обстоятельствах нет надобности в обострении в целом контролируемой (как показали итоги электорального цикла) ситуации в РМ для М. Санду, правящей партии и их западных союзников. Тем более, что PAS продвигает проведение административно-территориальной реформы, которая должна быть завершена до местных выборов 2027 г.[136] (898 существующих примэрий путем предвыборного джерримандеринга сольются, по предварительным оценкам, в 250-300). Хотя официально она позволит оптимизировать (сократить) государственные расходы, на деле речь идет об укреплении власти Санду и правящей партии в стране.

Учитывая экономическое ослабление РМ (в 2022 г. произошел спад ВВП, а в 2023 г. – первой половине 2025 г. наблюдалась его стагнация[137]; наибольшее влияние оказало падение производства промышленной и сельскохозяйственной продукции, а соответственно и экспорта), а также заинтересованность Евросоюза в использовании транзитного потенциала республики для достижения своих военно-политических целей на Украине, Молдавия в прогнозный период будет укреплять свои позиции как транспортно-логистический хаб на пути военных и иных поставок из стран Европы на Украину, последовательно расширяя связи с ЕС и НАТО.

Ключевым элементом партнерства с ЕС останется Соглашение об ассоциации и углубленной зоне свободной торговли (DCFTA), которым экономика РМ прочно привязана к ЕС. Важным шагом стало принятие ЕС «Плана роста» для Молдавии (объем финансирования – 1,9 млрд евро), направленного на реформы и подготовку молдавских компаний к конкуренции на рынке ЕС. Причем первый транш по «Плану роста» (на 270 млн евро) уже выделен Кишиневу.

Нельзя исключать сценарий, при котором европейские политики, чтобы осложнить ситуацию, связанную с Украинским конфликтом, придадут импульс к обострению обстановки вокруг Приднестровья (ПМР), неурегулированный статус которого предоставляет такую возможность. Причем вероятность попытки «окончательного решения»

[136] Административная реформа в Молдове не затронет Гагаузскую автономию. // Спутник Молдова. 28.11.2025. URL: https://md.sputniknews.ru/20251128/administrativnaya-reforma-v-moldove-ne-zatronet-gagauzskuyu-avtonomiyu-68649647.html.

[137] Валовой внутренний продукт во II квартале и первом полугодии 2025 года. Пресс-релиз от 30.09.2025 // Национальное бюро статистики РМ. URL: https://statistica.gov.md/ro/produsul-intern-brut-in-trimestrul-ii-si-semestrul-i-9497_62001.html//.

Приднестровской проблемы официальным Кишиневом по мере укрепления прозападного вектора развития властвующей молдавской элитой будет только нарастать. К этому Кишинев подталкивают и западноевропейские политики, неоднократно выступавшие за последнее время с заявлениями о том, что кипрская формула (возможность вступления РМ в ЕС без Приднестровья, как Кипр – без Северного Кипра) не является релевантной в молдавском случае. И М. Санду, при определенных гарантиях, может пойти им навстречу.

С приходом на пост президента М. Санду в 2020 г. были приостановлены политические контакты с Тирасполем. И нет никаких признаков их возобновления в обозримой перспективе. Санду последовательно и небезуспешно занимается социально-экономическим и административным давлением на ПМР, зажатой между Украиной и РМ – торговые связи Приднестровья уже в основном переориентированы на Запад и осуществляются через молдавские банки под полным контролем Кишинева. Усилия властей РМ направлены на принудительное приведение торгово-экономической деятельности ПМР в соответствие с законодательством Молдавии. Правительство в Кишиневе также не намерено в 2026 г. возобновлять закупки электроэнергии на Молдавской ГРЭС в Приднестровье, что ослабляет переговорную позицию Тирасполя. Социально-экономическая ситуация в ПМР в контексте предпринимаемых мер заметно осложняется. Видимо зимой 2025-2026 гг. власти в Кишиневе смогут задействовать еще один рычаг воздействия на Приднестровье – в связи с необходимостью поставок газа в ПМР через территорию Румынии и Молдавии. Фактически М. Санду старается взять Приднестровье под контроль и интегрировать его в РМ без войны, скорее с помощью блокады – вместо переговоров с Тирасполем теперь Кишинев устанавливает правила, которые в ПМР должны выполнять. Подобная тенденция только усилится в 2026 г. Она не имеет ничего общего с переговорным механизмом 5+2 или форматами соглашений типа Берлин+. Кроме того, М. Санду последовательно именует «приоритетом» своей политики вывод российских войск (ОГВР) и миротворцев (миротворческую миссию предлагается заменить гражданской под эгидой ОБСЕ) из Приднестровья и продолжит педалировать эту тему в наступающем 2026 г.

Проблему для нынешней молдавской власти представляет и Гагаузия. Гагаузская автономия не поддержала М. Санду на референдуме об изменении конституции и на президентских выборах осени 2024 г., всего лишь чуть более 3% голосов избирателей получила в Гагаузии правящая в РМ партия PAS 28 сентября 2025 г. После ареста и осуждения на 7 лет действующего башкана (главы) Гагаузии Е. Гуцул, властями РМ, скорее всего, в 2026 г. будут организованы не только выборы нового состава Национального собрания в Комрате (его спикер в ноябре ушел в отставку), но и главы автономии. Официальный Кишинев постарается обеспечить победу лояльных и управляемых кандидатов. Одновременно велика вероятность постепенного экономического удушения (скорее всего пока без пересмотра конституционного статуса) Гагаузской автономии. У М. Санду и ее окружения политические интересы переплетаются с лично неприязненными отношениями со значительной частью гагаузской элиты.

Постепенно в фактор политической борьбы трансформируются вопросы религии и конфессиональных взаимоотношений. При поддержке правящей партии и лично М. Санду прогнозируется расширение экспансии Румынской православной церкви (РумПЦ) в Молдавию. С помощью распространения влияния РумПЦ М. Санду решает и политические

проблемы, укрепляя собственную социальную базу, поскольку внутри румынских церковных общин широко распространена пропаганда интеграции Молдавии в состав Румынии.

Отношения властей РМ с РФ в прогнозный период будут минимизированы. Россия именуется основной угрозой безопасности РМ в принятой Военной стратегии на 2025–2035 гг.[138] Именно как с противником выстраивает свои отношения с Москвой официальный Кишинев. Экономические связи стран, после прекращения транзита Украиной российского газа в 2025 г., уже оказались сведены к минимуму. Из-за логистических проблем резко сократились миграционные потоки из РМ с РФ. Если на пике миграционной активности в 2012–2013 гг. из РМ в РФ въезжало 1,2-1,3 млн граждан, то в 2024–2025 гг. эта цифра сократилась примерно до 120 тыс.[139]

Таким образом, 2026 г. станет годом закрепления прозападного вектора молдавской политики. Однако в среднесрочной перспективе нужно учитывать, что социально-экономическая ситуация в стране неустойчива и в общем не слишком перспективна, а фронтирная психология местных элит весьма чувствительна и настолько гибко реагирует на динамику развития международных процессов и изменение внешних обстоятельств, что вопрос о необратимости политического курса Молдавии представляется несколько преждевременным.

В **Белоруссии** (Республика Беларусь, РБ) в 2025 г. закончился очередной электоральный цикл. Главным событием внутриполитической повестки в 2025 г. стали состоявшиеся в январе выборы президента страны. Предсказуемая победа А.Г. Лукашенко продемонстрировала высокий уровень электоральной поддержки властей РБ. Это во многом связано как с геополитической ситуацией вокруг границ РБ и санкционным давлением на нее со стороны ЕС и США, так и с эффективной работой властных структур по маргинализации оппозиции и политической мобилизации населения страны. Оппозиция распалась на ряд группировок, которые оказались выдавлены за границу и ведут борьбу за сохранение финансовой поддержки стран Запада. А президентские выборы, как и прошедшие в 2024 г. выборы в парламент и местные органы власти, стали зримым подтверждением политической лояльности электорального ядра белорусского общества. Вместо запроса на перемены под влиянием внешних и внутренних факторов в обществе оказалась предельно актуализирована тема стабильности и предсказуемости развития республики. И этот тренд общественных настроений, который уловили и эффективно использовали белорусские власти, в полной мере проявился в 2025 г. и задал вектор внутриполитического развития на наступающий 2026 год.

Обновленная (2022 г.) Конституция РБ укрепила позиции действующей власти. А успешно проведенные выборы всех уровней в 2024-2025 гг. стали дополнительным фактором легитимации властной вертикали и лично президента А. Лукашенко. Достаточно предсказуемым в этом контексте выглядит развитие ситуации на внешнеполитическом треке. После протестов августа 2020 г. Белоруссия довольно резко изменила внешнеполитический

[138] Cu privire la aprobarea Strategiei militare a Republicii Moldova pentru anii 2025–2035. https://gov.md/sites/default/files/media/documents/sedinte-de-guvern/2025-10/NU-277-MA-2025_0.pdf.
[139] Бороденко М.М., Межевич Н.М., Приходько А.А. Молдова в условиях наслоения кризисов: балансирование на грани новой войны? // Аналитический доклад. – М.: Весь мир. 2025.

курс и фактически отказалась от политики «многовекторности». Во многом это было вынужденной мерой, так как Запад крайне жестоко отреагировал на подавление политических протестов в стране, фактически не признал итогов выборов и ввел широкий набор санкций против официальных лиц и хозяйствующих субъектов РБ, разорвав связи с официальным Минском. Ряд стран официально признал «президентом в изгнании» С. Тихановскую. После 2022 г. в контексте союзнической роли по отношению к РФ, продемонстрированной руководством Белоруссии на начальном этапе СВО, санкционное давление на республику только усилилось. Представители руководства РБ, включая президента А. Лукашенко, в своих заявлениях за последние годы неоднократно выражали разочарование столь бескомпромиссной позицией стран Запада и проявляли готовность на основе «взаимного уважения» (т.е. признания А.Г. Лукашенко) восстановить отношения со странами Запада. Поддержка оппозиции действительно завела страны Запада в политический тупик. Убедительная победа А. Лукашенко на выборах 26 января 2025 г. (более 86% голосов избирателей при 85% явке) создала основу для политической перезагрузки и возобновления политического диалога.

Приход в Белый дом администрации Д. Трампа с его склонностью к эффектным политическим шагам и «большим» сделкам стал дополнительным фактором, способствующим попыткам постепенной нормализации. Уже в феврале 2025 г. Минск посетил заместитель госсекретаря США К. Смит и началась проработка условий постепенной нормализации отношений. В июне 2025 г. визитом в Минск отметился спецпредставитель президента США по Украине К. Келлог и провел 6-часовые переговоры с А. Лукашенко. Визиты американских представителей сопровождались освобождением из мест заключения иностранных и белорусских граждан, осужденных за шпионаж и по иным статьям (в США их именовали «заложниками»). В частности, в июне вышел на свободу и был выдворен в Литву один из лидеров белорусской оппозиции С. Тихановский. Наконец, в сентябре Минск посетил вновь назначенный спецпредставитель президента США Д. Трампа по Белоруссии Дж. Коул. Он заявил, что США намерены полностью нормализовать отношения с РБ и открыть посольство в Минске (формально оно не закрывалось, но в нем в последние годы отсутствовали американские дипломаты). Тогда же в сентябре после освобождения очередной партии заключенных, американской стороной были сняты санкции с авиакомпании Белавиа. С высокой вероятностью, тенденция нормализации отношений Минска и Вашингтона будет пролонгирована в 2026 г. и создаст предпосылки для восстановления отношений РБ с рядом стран Европы.

Вместе с тем в отношениях с ЕС такой же поступательной нормализации пока не предполагается. Наиболее сложными остаются отношения с ближайшими соседями, странами Балтии и Польшей. В Литве и Польше сосредоточены основные силы белорусской оппозиции. Белорусские власти обращают внимание на размещение у границы все новых польских военных формирований и контингентов НАТО.

Белоруссия традиционно поддерживает хорошие отношения с КНР. В 2025 г. А.Г. Лукашенко дважды посещал с визитами Пекин (в июне и сентябре), что свидетельствует об очевидном стремлении к активизации двусторонних отношений во всех сферах. Курс на всестороннее расширение экономического, технологического, политического сотрудничества с КНР очевидно получит развитие в 2026 г.

Белорусские власти также продолжат политику встраивания в организации «не-Запада», такие как ШОС, БРИКС, а также расширения своих экономических связей со странами «глобального Юга», прежде всего Азии и Африки.

Наиболее доверительные отношения будут по-прежнему развиваться между РБ и РФ (что не помешает Минску возобновить попытки перезапуска «многовекторной» внешней политики). Россия при этом выступает не только крупнейшим торгово-экономическим и инвестиционным партнером, но и надежным гарантом безопасности РБ. Еще в 2023 г. достигнуты соглашения о размещении на территории РБ российского тактического ядерного оружия. В соответствии с обновленной российской ядерной доктриной, т.е. опубликованными в 2024 г. «Основами государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания», Москвой был повышен в рамках российского ядерного сдерживания статус РБ как части Союзного государства. В этом плане РБ является уникальным российским союзником и система союзных гарантий для Минска беспрецедентна. Над Белоруссией в полной мере раскрыт российский «ядерный зонтик». В конце 2025 г. ожидается развертывание в стране новых российских ракетных комплексов «Орешник». 2 апреля 2026 г. исполняется 30 лет подписания Договора об образовании тогда первоначально Сообщества России и Белоруссии. И эта дата, несомненно, придаст импульс размышлениям политиков и дипломатов с обеих сторон о темпах и эффективности российско-белорусской интеграции в рамках Союзного государства.

Южный Кавказ

Ситуация в регионе в значительной мере зависит от динамики противостояния России с Западом и от итогов конфликта на Украине. Очевидно, что обстановка в отдельных республиках будет подвержена колебаниям, связанным с очередными избирательными циклами.

В 2026 году сохранится тенденция на снижение присутствия и влияния в регионе России и Ирана при одновременном усилении там влияния, а вероятно, и военно-политического присутствия США и Турции. Подобная активность, бесспорно, станет хорошей подпиткой для антироссийских всплесков и публичных выступлений в Армении и Азербайджане (на фоне более спокойной и сбалансированной позиции Грузии). Также не стоит ожидать усиления масштабного давления на регион структур ЕС. Скорее, это будут локальные точечные меры давления на Тбилиси и отдельные поощрительные шаги в отношении Еревана.

Помимо США и Турции, серьезный интерес к региону проявляет Китай, который в 2026 г. продолжит реализовывать ставшую уже привычной линию на выстраивание прагматичных и выгодных отношений со странами Южного Кавказа (в первую очередь, с Грузией и Азербайджаном). В свою очередь, Турция продолжит усилия по сколачиванию регионального альянса с участием Азербайджана и Грузии, постепенно снижая уровень политического и дипломатического давления на Армению. Последняя будет постепенно втягиваться в региональный формат сотрудничества при одновременном понижении уровня взаимоотношений и сотрудничества с Москвой. Иран сохранит свое политическое присутствие на Южном Кавказе, однако оно станет существенно менее заметным на фоне

активности Турции и США. Еще одним внешним игроком, активно играющим на кавказском поле, по-прежнему будет Израиль, который заинтересован как в сохранении нынешнего уровня военно-технического сотрудничества с Азербайджаном, так и в постоянном присутствии и мониторинге обстановки в приграничных районах Ирана.

Вероятность возобновления крупномасштабных военных действий по линии армяно-азербайджанского соприкосновения невелика, она может возрасти лишь в случае смены власти в Армении в результате поражения на парламентских выборах в начале лета 2026 г. ныне правящей партии «Гражданский договор» (что представляется маловероятным, если не произойдет чего-то чрезвычайного).

Обострений в зоне грузино-абхазского и грузино-югоосетинского конфликтов ожидать не стоит, также как и серьезных подвижек в фактически замороженных процессах их политического урегулирования. Трудно прогнозировать и появление новых мирных инициатив как с одной, так и с другой сторон.

Ситуация в отдельных странах Южного Кавказа

Азербайджан

В 2025 г. Баку продолжил реализовывать линию по усилению своих позиций на Южном Кавказе и закреплению за собой статуса регионального лидера. В эту линию вполне вписался и острый кризис в отношениях с Россией. Непосредственным поводом стала авиакатастрофа самолета компании AZAL в декабре 2024 г., который летел в Грозный (но получил повреждения при отражении российской ПВО украинского налета БПЛА, вынужден был покинуть воздушное пространство России и разбился недалеко от Актау). Российские извинения не удовлетворили официальный Баку, который на протяжении нескольких месяцев последовательно нагнетал ситуацию. Как недружественные шаги были интерпретированы, например, задержания ряда криминальных авторитетов и граждан России азербайджанского происхождения. Баку взвинтил ситуацию, арестовав в ответ без достаточных на то оснований на своей территории целую группу граждан РФ. Резко обострилась внешнеполитическая риторика. Официальными лицами и рядом азербайджанских экспертов и политологов была озвучена жесткая критика в адрес России, включая даже обвинения в оккупации Азербайджана более 100 лет назад и поддержании «оккупационного советского режима» в республике вплоть до обретения независимости в начале 1990-х гг.

Закономерным итогом стал ряд очевидно демонстративных внешнеполитических акций (открытая и публичная поддержка Украины, отказ от российского посредничества в урегулировании конфликта с Арменией и согласие с ролью США как главного медиатора этого процесса). Логичным завершением данного этапа стало участие президента И. Алиева в Вашингтонском саммите и подписание ряда соглашений с Арменией при участии президента США Д. Трампа.

Трехсторонняя встреча (Трамп – Алиев – Пашинян) состоялась в Вашингтоне 8 августа 2025 г. В ее рамках главы МИД двух республик парафировали проект «Соглашения об установлении мира и межгосударственных отношений между Азербайджанской

Республикой и Республикой Армения»[140]. Там же был зафиксирован официальный отказ двух сторон конфликта от посредничества Минской группы ОБСЕ, окончательно оформившийся в сентябре 2025 г. в ответ на официальное обращение Баку и Еревана Совет министров ОБСЕ закрыл Минский процесс и связанные с ним структуры. Алиев и Пашинян подписали и совместную декларацию, согласно которой подтвердили намерение открыть коммуникации между странами на основе уважения суверенитета и территориальной целостности, включая обеспечение беспрепятственной связи между основной частью Азербайджана и ее Нахичеванской Автономной Республикой через территорию Республики Армения[141].

Очевидно, что в 2026 г. давление на Ереван не прекратится, во всяком случае, до нужного для Баку решения вопроса Зангезурского коридора и подписания полномасштабного мирного соглашения.

Президенты США и Азербайджана в ходе Вашингтонского саммита подписали меморандум о взаимопонимании и создании рабочей группы для подготовки Хартии о стратегическом партнерстве между двумя странами[142]. Можно предположить, что в 2026 г. будет вестись активная деятельность по разработке и принятию этого документа.

Главные внешнеполитические приоритеты Азербайджана в 2026 г. останутся без изменений: дальнейшее развитие союзнических отношений с Турцией и военно-технического сотрудничества с Израилем, политико-дипломатическое взаимодействие с США и Великобританией, укрепление связей с другими государствами в рамках Организации тюркских государств (ОТГ) и Организации исламского сотрудничества (ОИС). Тем более, что как раз в 2026 г. Азербайджан будет председательствовать в ОТГ и в Парламентской ассамблее ОИС (а ее очередной саммит пройдет в Баку).

В отношениях с Россией Баку будет придерживаться исключительно прагматичного курса, ориентируясь на сохранение выгодного для себя уровня экономического сотрудничества. На перспективу, однако, можно предположить постепенную деградацию отношений России с Азербайджаном на фоне дальнейшего роста политических амбиций последнего.

Армения

Внутриполитическая борьба в Армении продолжается и становится все более ожесточенной в связи с приближением к очередным парламентским выборам, которые запланированы на 7 июня 2026 г. Очевидно, что в первой половине 2026 г. в период предвыборной кампании противостояние только усилится.

---

[140] Agreement on Establishment of Peace and Inter-State Relations between the Republic of Azerbaijan and the Republic of Armenia. https://mfa.gov.az/files/Birge%20Beyanname-ABS/Initialed%20Peace%20Agreement%20(EN).pdf.

[141] Совместная декларация Президента Азербайджанской Республики и Премьер-министра Республики Армения относительно встречи в городе Вашингтон Соединенных Штатов Америки. 2025.08.08. https://president.az/ru/articles/view/69572.

[142] В Вашингтоне подписан Меморандум о взаимопонимании между Правительством Азербайджанской Республики и Правительством Соединенных Штатов Америки. 2025.09.08. https://president.az/ru/articles/view/69573.

Давление на парламентскую и непарламентскую оппозицию, неугодных представителей диаспоры и руководство Армянской апостольской церкви (ААЦ) в 2025 г. стало беспрецедентным. Н. Пашинян позволял себе даже личные оскорбления и угрозы в адрес католикоса и целого ряда высших иерархов армянской церкви. С давлением на ААЦ были во многом связаны и репрессии против крупного бизнесмена С. Карапетяна и части его личного и делового окружения[143]. Продолжается преследование и бывших президентов Армении – Р. Кочаряна и С. Саргсяна, ведется судебное разбирательство в отношении ближайших родственников и целого ряда их сторонников.

Таким образом, команда Н. Пашиняна направляет все силы и ресурсы на полную зачистку политического поля в республике для обеспечения гарантий своей победы на выборах 2026 г. Пашиняну необходима убедительная, бесспорная победа для сохранения конституционного большинства в парламенте, что позволит ему перейти к конституционным преобразованиям и продолжить свой внешнеполитический курс, направленный на сближение с США и ускоренную евроинтеграцию. При этом возглавляемая Пашиняном правящая партия «Гражданский договор», по оценкам экспертов, в условиях отсутствия серьезной конкуренции имеет все шансы на успех в 2026 г. Одной из главных причин сложившегося расклада политических сил представляется высокий антирейтинг бывших руководителей, который не позволяет им обеспечить поддержку значительной части населения республики. Правящая партия, в том числе за счет привлечения административного ресурса и фактической монополии в информационном пространстве страны, выглядит очевидным фаворитом избирательной кампании. Помимо традиционного противостояния между властью и оппозицией, стоит отметить отсутствие третьей силы, запрос на которую давно имеется в Армении, отсутствие новых ярких и одновременно объединяющих политических фигур.

В случае победы правящей партии на парламентских выборах можно ожидать продолжение процесса нормализации отношений Армении с Азербайджаном и Турцией. Есть высокая вероятность подписания мирного соглашения с Баку, что станет фиксацией серьезных политических и территориальных уступок Еревана. Очевидно, что без убедительной победы на выборах Пашиняну будет сложно пойти на этот непопулярный в Армении шаг.

Отношения с Москвой могут быть поставлены в 2026 г. на паузу. Ереван, вероятно, не будет официально выходить из организаций с лидирующей ролью РФ (фактически заморозив участие в ОДКБ и активно пользуясь плодами участия в ЕАЭС). Однако в практической плоскости во внешней политике будет последовательно осуществляться выстраивание устойчивого западного вектора (в отношениях с США и странами ЕС).

Грузия

К началу 2025 г. Грузия прошла пик серьезного и затяжного политического кризиса, связанного с парламентскими выборами 2024 г. Победа правящей партии «Грузинская мечта» не была признана большинством оппозиционных сил, что привело к массовым и длительным акциям протеста. В 2025 г. ситуация в республике стала постепенно

[143] Бизнесмен Самвел Карапетян останется под стражей // Спутник-Армения. 2025.13.11. https://am.sputniknews.ru/20251113/-samvel-karapetyan-ostanetsya-pod-strazhey-95810658.html.

стабилизироваться на фоне жесткой линии подавления протеста, особенно после того, как «Грузинская мечта» закрепила свой успех победой на муниципальном уровне. По их итогам правящая партия в октябре 2025 г. победила во всех муниципалитетах, набрав в общей сложности 81,7% голосов[144]. В грузинской столице, где проживает примерно треть всех избирателей и традиционно сосредоточен протестный электорат, действующий мэр (и одновременно генеральный секретарь правящей партии) Каха Каладзе переизбран на третий срок, одержав убедительную победу над конкурентами (получил более 71%).

Завершение муниципальных выборов фактически стало финальным аккордом затяжного политического кризиса в Грузии 2024-2025 гг., по итогам которого правящая партия укрепила свои позиции, а ряд оппозиционных партий вообще рискует в 2026 г. оказаться вне закона и возможности легальной политической деятельности в стране. К концу года оппозиция была практически разгромлена, многие ее лидеры находились под следствием, ряд НПО покинул территорию Грузии. Инициатива запрета ЕНД и связанных с ней структур по обвинению в подрывной деятельности против государства и попытках насильственного изменения конституционного строя может быть реализована уже в 2026 г., что приведет к временной маргинализации оппозиционных партий, однако подтолкнет антиправительственный сектор к переформатированию, который может закончится накануне очередной избирательной кампании 2028 г., когда внутриполитическая жизнь страны может вновь обостриться.

Экономическая стабильность, достигнутая в последние несколько лет, в том числе (особенно в 2022-2023 гг.) и за счет финансового эффекта релокации из России, остается одним из ключевых факторов снижения социальной напряженности и общественно-политической активности населения Грузии, которое в большинстве своем готово поддерживать консервативный курс правительства (как во внутренней, так и во внешней политике).

Региональная политика Грузии в краткосрочной перспективе будет ориентирована на ситуативный альянс с Турцией и Азербайджаном и углубление с ними торгово-экономического сотрудничества. Турция, бесспорно, сохранит статус главного торгового партнера Грузии, а Азербайджан – основного поставщика энергоносителей. Из внерегиональных игроков, которые способны усилить свое влияние и присутствие в Грузии, следует назвать Китай и страны Ближнего Востока (как государства Залива, так и Израиль). Китай уже превратился в важного партнера для Грузии (договор о стратегическом партнерстве был подписан в 2023 г.): резко вырос грузооборот между странами, а также объем китайских инвестиций в грузинскую экономику. Совокупные инвестиционные обязательства компаний из ОАЭ оцениваются в 6,6 млрд долл. США[145].

Зона взаимодействия с ЕС, вероятно, будет сокращаться и балансировать на грани официальных контактов и редких визитов эмиссаров Брюсселя в Грузию. Еще в конце 2024 г. грузинское правительство заявило о переносе переговоров о вступлении в Евросоюз до 2028 года. Осенью 2025 г. в опубликованном Еврокомиссией докладе Грузия получила

[144] Выборы в Грузии 2025 – предварительные результаты ЦИК со всех участков // Спутник-Грузия. 2025.05.10. https://sputnik-georgia.ru/20251005/vybory-v-gruzii-2025---predvaritelnye-rezultaty-tsik-so-vsekh-uchastkov-295254699.html.

[145] Emaar Group из ОАЭ вложит $6 млрд в проекты в Грузии // Интерфакс. 2025.27.01. https://www.interfax.ru/world/1004877.

самую низкую оценку среди стран-кандидатов. Очевидно, что подобная дистанция между Тбилиси и Брюсселем в 2026 г. сохранится, и отношения будут весьма прохладными, в особенности с отдельными странами Восточной Европы и Прибалтики.

Стоит ожидать и сохранения традиционного уже баланса отношений с РФ: заморозка политических связей (отсутствие дипломатических контактов и официальных встреч) на фоне развития торгово-экономического сотрудничества. Очевидно, что Россия останется в тройке самых крупных торговых партнеров Грузии (впереди будут только Турция и США), но при этом восстановление дипломатических отношений между странами маловероятно.

Статус-кво в отношениях с Абхазией и Южной Осетией в 2026 г. сохранится, т.к. предпосылки для пересмотра нынешнего – полностью замороженного формата взаимодействия, и, тем более, урегулирования конфликтов отсутствуют. Правящую партию в Грузии в принципе устраивает нынешний статус, позволяющий полностью закрыть неудобный для себя политический трек взаимоотношений с Россией (и двумя республиками), сконцентрировавшись на поддержании высокого уровня торгово-экономических отношений. Очевидно, что подобный прагматичный подход в отношениях с Россией будет сохранен и в 2026 г. (что означает на практике выдавливание из общественно-политической повестки темы контактов с Абхазией и Южной Осетией).

Абхазия

Угроза внутренней нестабильности сохраняется. Президента Бадра Гунба имеет недостаточно высокий уровень поддержки среди населения, ограничен круг его влиятельных политических союзников. И, что не менее важно, у него отсутствует профессиональная команда. Действующий президент пользуется значительной поддержкой со стороны России и использует ее финансовую и материально-техническую помощь, которая позволила ему купировать возникший в конце 2024 г. серьезный политический и социально-экономический кризис в республике и временно стабилизировать ситуацию после успешных для него президентских выборов. Он вынужден балансировать между разными лагерями, лидерами которых являются экс-главы Абхазии Александр Анкваб и Аслан Бжания, а также другие известные в республике политики.

В 2026 г. относительное затишье в республике может закончиться. Это предвыборный год, т.к. в 2027 году в Абхазии запланированы парламентские выборы, что предполагает активизацию оппозиции, в том числе и радикальной ее части во главе с Каном Кварчия (сын экс-спикера парламента В. Кварчия и экс-мэр столицы).

Тем не менее существующий сейчас раскол в оппозиционном лагере, открытая конкуренция между различными партийными структурами и отдельными влиятельными семьями не позволяет прогнозировать успех оппозиции на предстоящих выборах. В то же время на фоне реваншистских настроений в оппозиционных кругах в 2026 г. в Абхазии не исключено нарастание в отдельные периоды (не в туристический сезон) уличной протестной активности. Триггером новых антиправительственных выступлений в республике может стать и экономический фактор, с учетом очевидных проблем в экономике.

Центральная Азия

Украинский конфликт и связанные с ним международные пертурбации станут фоном для еще большей диверсификации внешних связей стран Центральной Азии (ЦА), которые продолжат лавировать между конкурирующими интересами России, Китая, США, ЕС, пытаясь использовать их соперничество в своих интересах.

Такая многосторонняя и многовекторная стратегия не поможет странам региона смягчить нарастание разнообразных вызовов и угроз. В их числе:

- прямые и косвенные последствия вводимых США/ЕС против России ограничений, затрагивающие различные секторы экономики и оказывающие влияние на центральноазиатские страны, тесно связанные с Россией политическими и торгово-экономическими узами;
- активизация в регионе Запада, заинтересованного в природных ресурсах ЦА, способных частично заместить выпадающие поставки из России и Китая;
- экологические проблемы, вызываемые высыханием Аральского моря, обмелением Каспийского моря, таянием ледников Памира, выбросами метана в Туркменистане;
- афганский гидропроект на Амударье (канал Кош-Тепа), грозящий усугубить дефицит водных ресурсов в Центрально-Азиатском регионе;
- афгано-пакистанская конфронтация, которая может помешать странам ЦА диверсифицировать свои торговые пути и реализовывать находящиеся в разработке проекты (Трансафганская железная дорога, газопровод ТАПИ, электроэнергетический проект CASA-1000);
- международный терроризм, пополняемый боевиками из «горячих точек» Ближнего Востока и выступающий в ЦА под лозунгами построения «всемирного халифата».

Россия, несколько ослабившая из-за Украинского конфликта влияние в ЦА, тем не менее сохранит там на ближайшую перспективу роль крупнейшего торгового партнера, одного из основных инвесторов в реальный сектор экономики, ключевого рынка труда для нескольких миллионов трудовых мигрантов. Строительство Россией АЭС в Казахстане и Узбекистане откроет качественно новую технологическую страницу стратегического партнерства, выгодного странам ЦА.

В сфере безопасности приоритет также остается за Россией, которая – вне зависимости от международных изменений и внешнеполитической конъюнктуры – защищает в ЦА внешние границы СНГ и ведет борьбу с такими угрозами, как международный терроризм, транснациональная преступность, наркотрафик, экстремизм, контрабанда товаров и людей.

На прошедшем 10 октября 2025 г. в Душанбе втором саммите «Центральная Азия – Россия», по итогам которого принят «План совместных действий на 2025–2027 годы», заложены основы для преобразования шестистороннего формата, существующего в виде дискуссионной площадки, в инструмент построения новой модели региональной

устойчивости. Этому будут способствовать намеченные меры: синхронизация экономических стратегий России и центральноазиатской «пятерки», снятие барьеров во взаимной торговле, сопряжение национальных инфраструктур и формирование единого экономического пространства Центральной Азии и России[146].

Китай, объявивший 2025-2026 гг. «Годами высококачественного развития сотрудничества Центральная Азия – Китай», сделает ставку в основном на экономические и политические рычаги влияния. Многоплановое взаимодействие со странами ЦА Китай будет осуществлять в формате «5+1» и в рамках Инициативы «Один пояс, один путь». Казахстан будет рассматриваться Китаем как главный узел транспортно-логистических маршрутов и приоритетный партнер в вопросах регулирования торгово-экономических отношений между КНР и ЕАЭС.

Взаимодействие с КНР в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и в формате «5+1» позволит странам ЦА выступать в качестве единого регионального актора в диалоге с Пекином. «Договор о вечном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве», подписанный на Втором саммите «Центральная Азия – Китай» (Астана, 17 июня 2025 г.), нацеливает центральноазиатские страны к переходу к новой фазе отношений, основанной «на общих ценностях, стратегическом доверии и совместной ответственности за стабильность региона»[147].

В отличие от России, имеющей в ЦА несколько военных объектов, Китай воздержится от прямого военного присутствия в этом регионе, делая ставку на импорт из ЦА нефти и газа, торговлю и транспортную логистику.

Турция будет добиваться закрепления за собой статуса крупного логистического хаба по поставкам в Европу из ЦА нефти и газа, активно лоббируя вместе с Казахстаном и Азербайджаном поддерживаемый ЕС проект Транскаспийского международного транспортного маршрута. Другим инструментом борьбы за геополитическое влияние в регионе станут культурно-образовательные программы вместе с турецким вариантом латиницы, которые Турция продвигает в ЦА в контексте идеи создания единого алфавита и формирования «тюркской идентичности».

Попытается Турция более активно приобщать центральноазиатские страны к планам создания так называемой Туранской армии, представляемой часто в СМИ как некий азиатский аналог НАТО. Этот проект, с энтузиазмом поддержанный азербайджанским президентом, заявившим о том, что «азербайджанская армия приводится в соответствие со стандартами НАТО и в этом контексте тесно сотрудничает с турецкой армией»[148], едва ли найдет немедленный отклик у центральноазиатских участников ОТГ. В 2026 г. они, скорее ограничатся присоединением к военным учениям ОТГ: с инициативой их проведения выступил И. Алиев. Однако в будущем, в зависимости от внешней обстановки, нельзя

[146] Коммюнике по итогам второго саммита «Центральная Азия – Россия» // Президент России. 2025.09.10. http://www.kremlin.ru/supplement/6403.
[147] Астанинская декларация второго саммита «Центральная Азия – Китай» // СИНЬХУА Новости. 2025.18.06. https://russian.news.cn/20250618/e9057e91c41a4c2f99c4c4b17a7a2b79/c.html.
[148] Алиев заявил о переводе армии Азербайджана на стандарты НАТО // РБК. 2025.06.11. https://www.rbc.ru/politics/06/11/2025/690ccefd9a794731ab6c15c9.

исключать усиления военных аспектов взаимодействия в ОТГ. Так, шагом к формированию согласованной с Турцией повестки в этой сфере можно расценить предложение президента Узбекистана Ш. Мирзиеева провести в 2026 г. в Самарканде встречи глав МИД и спецслужб стран ОТГ «для выработки единых подходов к вопросам безопасности»[149].

США будут стремиться сохранить в ЦА свое стратегическое влияние, несколько утраченное после вывода их войск из Афганистана в 2021 г. Американское присутствие обретет новое качество в связи с отказом действующей администрации от финансирования гуманитарных программ (включая деятельность закрытого в августе 2025 г. в самих США и запрещенного в РФ USAID*) и активного продвижения финансово-торговых сделок.

Рассматривая ЦА как регион, где может быть реализован ряд стратегических планов в отношении, в частности, Китая, Афганистана или Ирана, США будут сочетать дипломатические усилия (встречи в формате «5+1») с экономической экспансией в сферу добычи редкоземельных металлов и нефтегазовой/ядерной энергетики.

Приоритеты США сведутся к трем позициям: усиление позиций в экономике ЦА, где в зоне особого внимания окажутся Казахстан и Узбекистан с их природными ресурсами и редкоземельными металлами; вытеснение из ЦА главных конкурентов – Китая и России; выход через Казахстан на Каспий в попытках контролировать военно-политическую и иную активность России и Ирана. Дополнительный импульс к продвижению США в ЦА придадут озвученные президентом Трампом планы по возвращению на авиабазу в Баграм и, по умолчанию, в Афганистан, стратегическая роль которого по-прежнему значима для США.

Неизменным останется и стремление препятствовать сближению стран региона с Россией и Китаем. США постараются также привлечь страны ЦА к своей санкционной политике против России.

Европейский союз (ЕС) будет демонстрировать активность в ЦА, но не сможет, как раньше, инвестировать в экономику стран ЦА, откуда ему, по большому счету, нужны только природные ресурсы.

ЕС сфокусируется в ЦА в основном на трех направлениях: 1) природные богатства региона, особенно его редкоземельные металлы, в которых нуждается гражданская и военная инфраструктура Европы; 2) развитие в ЦА новых торговых путей, среди которых приоритетное значение будет придано Транскаспийскому международному транспортному маршруту (так называемому Срединному коридору); 3) подключение стран ЦА к утвержденному ЕС 23 октября 2025 г. 19-му пакету экономических и политических рестрикций против России. В рамках инициативы ЕС «Глобальные ворота» предусматривается расширение гидроэнергетического потенциала ЦА и развитие транспортной связанности региона с Европой в обход России.

[149] Мирзиеев предложил провести в Самарканде первую встречу глав МИД и спецслужб ОТГ // Report. 2025.07.10. https://report.az/ru/vneshnyaya-politika/mirziyoev-predlozhil-provesti-pervuyu-vstrechu-glav-specsluzhb-otg-v-samarkande.

Страны региона

Казахстан, поставивший амбиционную цель – вхождение к 2050 г. в топ-30 экономически развитых стран мира, сохранит за собой экономическое лидерство в регионе и постарается превратиться в один из главных транзитных хабов Евразии. Особое внимание в сфере транспортно-логистического взаимодействия республика будет уделять Транскаспийскому международному транспортному маршруту. Его развитие и эксплуатация распланированы Дорожной картой на 2022–2027 годы, подписанной Азербайджаном и Казахстаном в 2022 году в Актау.

В рамках курса на дальнейшее углубление рыночных реформ Казахстан планирует до 2030 г. ускоренными темпами завершить приватизацию госактивов. Намеченная к проведению в 2027–2028 гг. парламентская реформа предусматривает переход к однопалатному парламенту, выборы по партийным спискам, снижение проходного барьера.

В сфере внешней политики Казахстан сохранит приверженность многовекторной дипломатии. Наряду с Китаем, влияние которого в Казахстане будет нарастать, с Россией стратегическое партнерство планируется перевести на более высокий уровень, что зафиксировано в Декларации[150], принятой 12 ноября 2025 г. по итогам государственного визита президента Токаева в Россию. В экономической области усилится зависимость Казахстана от западного капитала, доминирующего в энергетическом сегменте народного хозяйства республики. Среди других внешнеполитических партнеров особое место займет взаимодействие с Азербайджаном, с которым Казахстан обрел общие интересы в ОТГ и на Каспии, где обе страны надеются вдохнуть новую жизнь в нефтегазовые и логистические проекты.

Реализация принятого во время визита в ноябре 2025 г. президента Токаева в Вашингтон на саммит «5+1» с участием Трампа решения о присоединении Казахстана к «Соглашениям Авраама о нормализации отношений Израиля с арабскими государствами»[151], может иметь далеко идущие геополитические, геостратегические и геоэкономические последствия для ЦА, Каспия и всего региона (условно) Большого Ближнего Востока. Такое развитие событий может представлять серьезный вызов для России. Но не только – усиление позиций США и Израиля в регионе в формате Соглашений Авраама далеко от интересов не только Ирана, но также Турции.

Хотя вероятность внутриполитической дестабилизации Казахстана невелика, не исключена возможность проявления социального недовольства. Многое будет зависеть от курса, который в конечном итоге изберет Казахстан: либо он сможет поддерживать баланс в отношениях между Россией и другими центрами силы, либо прозападный крен, грозящий создать напряженность в отношениях с Москвой и Пекином, станет определяющим вектором казахстанской внешней политики.

---

[150] Декларация о переходе межгосударственных отношений Российской Федерации и Республики Казахстан на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства и союзничества. 2025.12.11. http://www.kremlin.ru/supplement/6415.

[151] Заявление Министерства иностранных дел Республики Казахстан в связи с присоединением Казахстана к Авраамским соглашениям. Министерство иностранных дел Республики Казахстан. 2025.07.11. https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/1101139.

Узбекистан, обладающий, подобно Казахстану, наибольшим в ЦА политическим и экономическим потенциалом, откроет свою экономику для иностранного капитала в горнодобывающей отрасли, а также и по другим направлениям. Широкомасштабная программа реформ, открытие рынков и привлечение иностранных инвестиций свидетельствуют об окончательном отказе правящей элиты Узбекистана от взятой на вооружение ее предшественниками постсоветской модели изоляции и стратегии самостоятельного экономического развития в пользу перехода к открытию республики для внешних (преимущественно американских и европейских) экономических вливаний.

Получит также продолжение курс на либерализацию политической системы. Согласно Указу президента «О дополнительных мерах по коренному совершенствованию деятельности хокимиятов районов (городов) для устойчивого социально-экономического развития регионов», с 2026 г. в 45 городах и районах республики пройдет эксперимент по децентрализации власти, нацеленный на создание более компактной системы управления.

На внешнеполитическом треке Узбекистан планирует уделять большое внимание проектированию в ЦА «региональной архитектуры» и способствовать углублению интеграции в формате центральноазиатской «пятерки». Официально завершив в октябре 2025 г. двусторонние переговоры с Европейским союзом по присоединению к Всемирной торговой организации (ВТО), Узбекистан планирует стать ее полноправным членом к 14-й Министерской конференции ВТО в марте 2026 года. В ЕАЭС Узбекистан с 2020 г. является наблюдателем, и этот статус в ближайшие годы останется неизменным. Наряду с преимуществами ЕАЭС (доступ к единому рынку, обеспечение свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, упрощение торговых и таможенных процедур, расширение экономических связей с другими государствами-участниками), Узбекистан оценивает риски вступления в Союз, связанные с необходимостью адаптации экономики республики и ее банковской системы к новым условиям, стандартам и правилам, доминированием в ЕАЭС российского бизнеса, введением ряда ограничений и санкций на импорт из третьих стран.

С Китаем, с которым Узбекистан поддерживает отношения в рамках заявленного «всеобъемлющего стратегического партнерства», республика намерена и впредь добиваться эффективной состыковки китайского «Пояса и пути» со «Стратегией развития нового Узбекистана на 2022-2026 годы».

Не менее внушительным планируется взаимодействие с США, с которым Узбекистан подписал соглашение о покупке 22 самолетов Boeing и договорился о весьма выгодном для США сотрудничестве в сфере горной промышленности, финансов, энергетики, химической промышленности, ядерной энергетики. О значении, придаваемом руководством страны сотрудничеству с США, говорит учреждение в Министерстве инвестиций, промышленности и торговли Узбекистана специальной должности – заместитель министра по работе с США.

С ЕС 24 октября 2025 г. в Брюсселе Узбекистан подписал Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве, благодаря которому Узбекистан намерен интенсифицировать торгово-экономические связи с ЕС, наладить сотрудничество по внешнеполитическим проблемам, в сфере безопасности, включая борьбу с нелегальной миграцией, коррупцией, терроризмом и организованной преступностью. Соглашение открывает также для

европейских компаний доступ к критически важному сырью республики. В свою очередь для Узбекистана, стремящегося диверсифицировать внешнеполитических партнеров, ЕС важен с точки зрения поиска новых внешних рынков, фокусирования внимания мирового сообщества на водных и климатических проблемах республики, вопросах региональной безопасности.

Основным содержанием внутриполитического процесса в **Таджикистане** станет подготовка к давно готовящемуся транзиту власти. Президентские выборы в Таджикистане запланированы на 2027 год, что не исключает возможности их досрочного проведения.

По-прежнему непростой характер будут носить отношения Таджикистана с Афганистаном. Возможны инциденты на протяженной (1300 км) афгано-таджикистанской границе, где Таджикистан столкнется с угрозами, связанными с трансграничной торговлей людьми, наркотрафиком и деятельностью запрещенной в России террористической группировки «Исламское государство Хорасан».

В отношениях с Россией акцент будет сделан на торгово-инвестиционное и гуманитарное сотрудничество. В сфере безопасности параметры двустороннего сотрудничества определит утвержденная во время визита президента Рахмона в Москву 17 марта 2025 г. «Программа стратегического партнерства Министерства обороны Российской Федерации и Министерства обороны Республики Таджикистан на 2026–2030 годы». Она предусматривает активизацию взаимодействия в военной и военно-технической областях.

На международном треке внимание Таджикистана будет сосредоточено на включенных в повестку дня ООН климатических проблемах и вопросе сохранения горных ледников.

Туркменистан в своей международной политике постарается соответствовать своему признанному ООН статусу постоянного нейтралитета.

Со своим ближайшим соседом – Ираном – Туркменистан продолжит активно развивать сотрудничество с учетом того, что обе страны давно связаны тесными отношениями, охватывающими энергетику, транспорт, торговлю. Иран является крупным импортером туркменского природного газа и транзитной страной для его поставок в третьи страны. Двустороннее сотрудничество также активно развивается в электроэнергетике, включая совместный проект строительства линии электропередачи Мары–Мешхед и экспорт электроэнергии из Туркменистана в Иран. Есть договоренности по созданию приграничных торговых зон и туркмено-иранского Делового совета, согласован план активизации торгово-экономических связей на 2026–2028 годы. Активно ведется сотрудничество в сфере использования ресурсов Каспия.

Продолжится взаимодействие в экономической сфере и на политическом треке с основным приобретателем туркменских энергоносителей, в первую очередь, природного газа, Китаем. КНР останется основным торговым партнером Туркменистана, важным инвестором в транспортно-логические проекты.

С Россией Туркменистан предполагает взаимодействовать в рамках развития транспортных коридоров Восток–Запад и Север–Юг, в связи с чем республика планирует увеличить объем контейнерных перевозок через Международный морской порт Туркменбаши.

В свете общей активизации США в ЦА могут возрасти и стать более доверительными дипломатические контакты администрации Трампа с туркменским руководством. На фоне обострения ситуации на Ближнем Востоке привлекательность Туркменистана, занимающего выгодное географическое положение и граничащего с Ираном, возрастает и делает эту республику потенциально важным партнером для США в регионе. Перспективы энергетического сотрудничества также обусловят растущий интерес США к Туркменистану. Возможно расширение сотрудничества Туркменистана с Великобританией в сфере энергетики и экологии.

В **Киргизии** парламент, избранный 30 ноября 2025 г. на внеочередных выборах, должен будет выполнить не только официально поставленные задачи (противодействовать политической коррупции, совершенствовать избирательную систему, повысить уровень доверия граждан к народным избранникам), но и создать благоприятную атмосферу для безболезненного проведения запланированных на 2027 г. президентских выборов.

ИНДО-ТИХООКЕАНСКАЯ АЗИЯ

Страны региона, охватывающего восточную, юго-восточную и южную части Азии, вместе и по отдельности являются существенными элементами общей картины мировой экономики и, одновременно, ключевыми акторами глобальной системы международных отношений. Их значимая роль в этой системе определяется не только удельным весом в мировом ВВП и международной торговле, но и вкладом базирующихся на их человеческих и финансовых ресурсах компаний в общее технологическое развитие, а также возрастающими международными амбициями их политических элит. Все перечисленные элементы демонстрируют тенденции к росту, что и будет определять повышенное внимание к возможностям и проблемам этой части мира на среднесрочную перспективу.

В последние годы ключевые субъекты этого региона играют важнейшую роль в трансформации глобального миропорядка, выступая в роли новых полюсов силы как минимум регионального значения и активно пытаясь оппонировать как внерегиональным центрам силы, так и друг другу. При этом все они предъявляют повышенные претензии на участие в решении проблем региона и мира, исходя из их собственного понимания национальных интересов. Ощущение своей значимости, служащее базой для таких претензий, подогревается снижением динамизма развития и социально-экономическими проблемами зоны Евроатлантики, объективно подрывающими основания для ее реального или предполагаемого глобального лидерства. Это дает субъектам индо-тихоокеанского пространства больше свободы действий и выбора политической ориентации. Повышенная волатильность международных отношений, связанная с приходом в Белый дом администрации Д. Трампа, еще больше усилила диапазон возможных действий стран региона в их попытках противостоять последствиям возросшей глобальной нестабильности.

Сочетание проекций на это пространство глобальных геополитических противоречий с сугубо региональными конфликтами создает сложную картину взаимоотношений, на которую также накладываются внешние эффекты внутриполитических изменений в государствах этой части мира. Разнонаправленность изменений размывает усилия по формированию общей региональной идентичности, на которую долгое время возлагались определенные надежды как на основу будущей экономической и культурной интеграции. Есть основания, напротив, ожидать дальнейшего расслоения региона на группы акторов с разным видением перспектив развития ситуации и инструментов реагирования на него. Политические конфликты наряду с эскалацией военной активности в формате жесткого противостояния будут оставаться неотъемлемой частью региональной картины. Конфронтационная логика будет присутствовать и в сфере экономических отношений, где перспектива выработки единых и соблюдаемых правил для торгово-инвестиционной активности откладывается на неопределенное будущее.

Еще одной особенностью последних лет, заметно влияющей на обстановку в этом регионе, являются противоречивые изменения роли действующих здесь международных организаций и платформ. С одной стороны, рост конфронтации по линии геополитических разломов фактически парализовал поиски консенсусных путей налаживания многосторонней кооперации, реализации общерегиональных целей в политической и экономической сферах. Большая часть многосторонних организаций с широким составом участников столкнулась с

невозможностью реализовать задачи интеграционного характера, а порою и просто поддерживать конструктивный диалог по сущностным вопросам. С другой стороны, сохранившиеся с предыдущего периода региональные межгосударственные площадки (АТЭС, асеаноцентричные расширенные форматы, и др.) в новых условиях выполняют ранее не свойственную им роль площадки для необязывающих или даже неформальных контактов, отчасти компенсирующих дефицит официального межгосударственного общения конфликтующих либо конкурирующих игроков.

В **КНР** главным внутриполитическим событием 2026 г. должно стать утверждение китайским парламентом (Всекитайским собранием народных представителей) плана социально-экономического развития страны на 2026–2030 гг. По сложившейся традиции, ежегодная парламентская сессия, на которой ожидается утверждение этого документа, проходит в марте. В течение года тема новой пятилетки будет занимать видное место в китайской политической пропаганде, публикациях СМИ и выступлениях экономистов.

Принятие плана 15-й пятилетки будет важным сигналом сохранения преемственности политики КНР. В частности, это относится к решимости осуществить намеченное на 2035 г. завершение базовой модернизации страны на фоне ухудшения отношений с США и странами Запада. Пятилетний план ставит в центр внимания реальный сектор экономики, развитие обрабатывающей промышленности и обретение технологической самостоятельности. Задаче укрепления промышленного потенциала придается не меньшее значение, чем инновациям, занимающим ключевое место в китайских планах развития.

Китайская политика открытости внешнему миру тесно привязана к задаче обеспечения национальной безопасности. Стратегия создания модернизированной индустриальной державы нацелена на строительство промышленной базы, способной производить широкий спектр продукции с использованием передовых технологий. Осуществление этих планов повлияет не только на мировой рынок, но и на политические взаимоотношения Китая с развитыми странами. Благодаря повышению уровня промышленного и технологического суверенитета КНР обретает дополнительные возможности парирования западной стратегии сдерживания.

После уже состоявшегося обмена с Китаем болезненными взаимными экономическими ударами США вряд ли станут механически повторять этот опыт в 2026 г. Заключенная в октябре 2025 г. китайско-американская торговая сделка имеет шансы оказаться жизнеспособной и действовать в течение года. Это позволит стабилизировать отношения между Пекином и Вашингтоном, сделать их более предсказуемыми.

Китайская сторона заинтересована в том, чтобы сосредоточить внимание на планах внутреннего экономического развития, не отвлекаясь на решение внезапно создаваемых администрацией Д. Трампа конфликтных ситуаций. Важную роль играют внутрикитайские политические соображения. Китаю нужно обеспечить спокойную внешнюю обстановку к концу 2026 г., чтобы начать подготовку к проведению в 2027 г. XXI съезда КПК в условиях политической стабильности.

Вероятность улучшения отношений Китая и ЕС в 2026 г. будет зависеть, во-первых, от динамики китайско-американских отношений и, во-вторых, от хода конфликта на Украине. В

случае позитивного развития событий Брюссель и Пекин могут вернуться к обсуждению проекта до сих пор не заключенного между ними Всеобъемлющего инвестиционного соглашения. Вместе с тем возможность резкого улучшения китайско-европейских отношений в следующем году не просматривается.

Важным направлением внешней политики Китая в 2026 г. будет продвижение «Инициативы глобального управления», провозглашенной в сентябре 2025 г. Си Цзиньпином на саммите ШОС в Тяньцзине. Инициатива провозглашает принципы суверенного равенства, верховенства международного права, многосторонности действий, защиты интересов всех людей и нацелена, в первую очередь, на Глобальный Юг.

В ноябре 2026 г. в китайском приморском городе Шэньчжэнь намечено проведение саммита Форума АТЭС. Тесная связь процветающего Шэньчжэня с экономиками Гонконга и Макао позволит организаторам форума подчеркнуть успех китайской политики реформ и открытости. Саммит даст Китаю возможность укрепить свое влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе, осудить протекционизм и торговые войны. Повестка встречи по ряду направлений очевидно не соответствует политике США. Так, в ответ на активизацию Пекином продвижения своей стратегии строительства «Азиатско-тихоокеанского сообщества судьбы» Вашингтон старается ограничить экономическое влияние Пекина в регионе путем заключения двусторонних соглашений США со странами Тихоокеанской Азии. Тем не менее не исключено, что саммит АТЭС в Шэньчжэне может быть совмещен с ожидаемым в 2026 г. визитом в Китай Д. Трампа.

В АТР в целом, а также в СВА и ЮВА Китай продолжит попытки ослабить уже сформировавшиеся под руководством США антикитайские форматы и предотвратить появление новых путем развития собственных многосторонних и двусторонних торгово-экономических отношений со странами региона. Однако сами эти страны, за исключением американских союзников, будут маневрировать между Пекином и Вашингтоном, опасаясь растущего влияния КНР. При этом все более приоритетным для Китая становится сотрудничество со странами АСЕАН. На этом направлении Пекин продолжит развивать успех, связанный с подписанием в октябре 2025 г. обновленного соглашения «О зоне свободной торговли 3.0» между ним и странами-членами ассоциации[152].

Пекин продолжит курс на стабилизацию и сотрудничество с Индией, однако какие-либо «прорывные» события в отношениях между двумя странами маловероятны. На латиноамериканском направлении Китай, скорее всего, столкнется с активным противодействием своей экспансии со стороны США. Более благоприятная среда для китайской внешней политики традиционно будет складываться на российском, центральноазиатском и африканском направлениях, а также в рамках инициативы «Пояса и Пути».

В Африке Пекин продолжит экспансию через предложенные им на китайско-африканском саммите в 2025 г. экономические механизмы: отмену импортных пошлин на товары, произведенные в регионе; списание долгов; реализацию новой китайской инвестиционной

[152] China and ASEAN Sign Free Trade Area 3.0 Upgrade Protocol // Ministry of Commerce of PRC. 2025.30.10. https://wangwentao2.mofcom.gov.cn/Events/art/2025/art_627e2814a33f495bbed715f68f621098.html.

инициативы, используя механизмы государственно-частных партнерств и др. На 2026 г. намечено проведение Года гуманитарных обменов между Китаем и Африкой под лозунгами укрепления дружбы и общего стремления к модернизации, ознакомления африканской аудитории с опытом модернизации китайского типа.

Другим масштабным мероприятием, нацеленным на сближение с Глобальным Югом, призвано стать проведение в 2026 г. Второго саммита Китая и арабских государств. Несмотря на важность для Китая ближневосточного региона в качестве источника нефти и газа его позиция будет нейтрально-выжидательной со ставкой на развитие двусторонних экономических отношений. Хотя КНР играет позитивную роль в восстановлении дипломатических отношений между Ираном и Саудовской Аравией, у Пекина пока недостаточно ресурсов для полноценного управления региональными противоречиями.

Схожий процесс будет происходить в центральноазиатском регионе. Пекин активно институционализирует формат «Центральная Азия–Китай», используя все свои дипломатические и политические возможности, в том числе потенциал влияния на взаимоотношения между самими центральноазиатскими государствами[153].

Китайско-российские отношения будут традиционно позитивно развиваться на политическом уровне и в целом поступательно, хотя и с отдельными изъятиями на экономическом треке. Объем товарной торговли между КНР и РФ в денежном выражении или темпы его прироста могут незначительно сократиться ввиду высокой базы 2022–2024 гг., а также насыщения российского рынка китайской продукцией и снижения темпов роста экономики России. Крупные транснациональные компании КНР продолжат сохранять осторожность в вопросах сотрудничества с РФ, опасаясь вторичных санкций.

На политическую жизнь **Японии**, равно как и на ее внешнюю политику, в 2026 г. окажет влияние произошедшая в октябре 2025 г. смена правительственного кабинета. Помимо нового премьера, которым была назначена Санаэ Такаити, накануне избранная председателем Либерально-демократической партии (ЛДП) Японии, правительство обрело иную конфигурацию парламентской поддержки. Вместо прежней коалиции с партией Комэйто ЛДП заключила соглашение о поддержке с руководством Партии инноваций Японии (ПИЯ), что отображает смещение ЛДП от прежней компромиссной центристской позиции в сторону более жесткого правоконсервативного направления. Союз с консервативной ПИЯ позволяет руководству ЛДП свободнее формулировать правую повестку без оглядки на более умеренные силы в партии.

Новая конфигурация власти означает консолидацию сил, выступающих за укрепление национальной самостоятельности, усиление оборонного потенциала и проведение реформ, ориентированных на построение «сильного государства». В программных документах и выступлениях нового премьер-министра отчетливо звучат мотивы приверженности традиционным ценностям, приоритета национальных интересов и институционализации вопросов безопасности. Сама С. Такаити рассматривает эти положения как выражение идеологической преемственности по отношению к стратегической линии своего

[153] Astana Declaration of the Second Central Asia-China Summit. https://www.newscentralasia.net/2025/06/20/astana-declaration-of-the-second-central-asia-china-summit/.

политического «отца», покойного экс-премьера Синдзо Абэ, что позволяет консолидировать парламентскую поддержку правительства памятью о связанном с этим именем периоде устойчивого правительства и сильного лидерства.

Внутрипартийная динамика ЛДП также строится вокруг идеи преемственности. В новое правительство вошли представители разных фракций в соответствии с декларировавшимся С. Абэ принципом «внутреннего единства ради внешней силы». Будущее покажет, однако, сможет ли новый премьер поддерживать партийную дисциплину и провести внутренние реформы, чтобы придать устойчивость этой политической конструкции.

На фоне растущего недоверия, спровоцированного серией коррупционных скандалов и неэффективными мерами по сдерживанию роста цен, перед правительством будет стоять непростая задача найти баланс между верностью идеологическим принципам и необходимостью достижения политического консенсуса. Успех или неуспех этого поиска во многом определит не только устойчивость действующей власти, но и направление дальнейшего развития политической системы Японии.

В области внешней и оборонной политики новое правительство также декларировало верность политическому наследию С. Абэ, провозгласив задачу «вернуть японской дипломатии уверенность и влияние на мировой арене». Практическая политика, скорее всего, будет отличаться прагматичным подходом, ориентированным на достижение конкретных результатов. В этом контексте в 2026 г. можно ожидать усиления внимания Японии к развитию отношений с союзниками и «государствами-единомышленниками», углубления стратегических партнерств в сфере национальной безопасности, а также увеличения военных расходов.

Центральное место во внешней политике Японии, как и прежде, будет занимать военно-политический альянс с Соединенными Штатами, который провозглашается краеугольным камнем обеспечения национальной безопасности и дипломатического курса страны. Помимо выраженного С. Такаити намерения выстроить личные доверительные отношения с президентом США, Токио сосредоточится на совершенствовании механизмов сдерживания и оперативного реагирования на возникающие угрозы, а также на расширении взаимодействия с такими партнерами, как Республика Корея, Австралия, Индия и государства Юго-Восточной Азии.

Продвижение концепции «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» сохранит статус одного из ключевых направлений японской дипломатии. В рамках этой концепции Токио будет не только укреплять связи с традиционными союзниками, но и активнее взаимодействовать со странами Глобального Юга, реализуя в них экономические и инфраструктурные проекты.

Другим внешнеполитическим приоритетом будет выстраивание отношений с Республикой Корея и странами АСЕАН посредством регулярного диалога на высшем уровне. Кабинет С. Такаити будет уделять особое внимание развитию трехстороннего формата сотрудничества между Вашингтоном, Сеулом и Токио, концентрируясь на вопросах региональной безопасности, обмена разведданными, расширения экономического и технологического партнерства, а также координации позиций в отношении Китая и КНДР.

Однако, учитывая политический и личный бэкграунд нынешних лидеров Южной Кореи и Японии, прежде проявлявших жесткость в риторике по историческим вопросам, нельзя исключать риск охлаждения двусторонних отношений при возникновении новых точек напряжения.

Японо-китайские отношения, несмотря на декларируемое «стратегическое взаимовыгодное партнерство», будут иметь напряженный и противоречивый характер. Правительство Японии продолжит сочетать диалог с политикой сдерживания, рассматривая Китай как важнейшего экономического партнера и соседа, одновременно выражая обеспокоенность вопросами безопасности, технологической зависимости и стабильности в регионе. Вероятно, будет поддерживаться высокий уровень прямых двусторонних контактов, однако они могут осложняться тайваньским вопросом, историческими и территориальными спорами. Национально ориентированный курс С. Такаити и ее готовность занимать жесткую позицию по вопросам обороны и идеологии способны вызывать раздражение в Пекине, что будет приводить к периодическим дипломатическим трениям при сохранении прагматизма в сфере экономики и противодействия глобальным вызовам.

Диалог между Японией и КНДР, по-видимому, будет оставаться малорезультативным при неизменно жестком подходе со стороны Токио. Правительство С. Такаити подчеркивает, что нормализация дипломатических отношений невозможна без решения двух ключевых проблем – ракетно-ядерной и гуманитарной, связанной с похищением японских граждан. В то же время Токио демонстрирует готовность к переговорам на высшем уровне и использованию как давления, так и дипломатических каналов для поиска возможностей прорыва в отношениях.

Отношения между Россией и Японией в 2026 г., скорее всего, сохранят ограниченный характер, без признаков существенного сближения. Дальнейшее развитие двустороннего диалога во многом будет определяться динамикой конфликта вокруг Украины, а также общим состоянием взаимодействия между Москвой и Вашингтоном, оказывающим значительное влияние на внешнеполитические решения Токио. Несмотря на заявленную готовность японского руководства к продолжению контактов по вопросам территориального урегулирования и заключения мирного договора, реализация практических шагов в этом направлении маловероятна. Поддержание санкционного режима и политическая линия Японии в отношении украинского вопроса ограничивают возможности для диалога и усиливают атмосферу взаимной настороженности. Тем не менее при условии политической воли сторон и благоприятных международных обстоятельств сохраняется возможность взаимодействия в экономической и гуманитарной сферах, что могло бы способствовать постепенному восстановлению контактов на политическом уровне.

В сфере безопасности кабинет С. Такаити формирует новую стратегическую линию, видя в военной активности Китая, КНДР и России угрозу региональной стабильности. Исходя из этой оценки, правительство Японии постулирует необходимость ускоренной модернизации вооруженных сил и укрепления военного потенциала страны. Курс на увеличение усилий Японии в сфере безопасности получает поддержку со стороны Вашингтона, который настаивает на более активном участии Токио в поддержании баланса сил в Восточной Азии.

В соответствии с новым подходом уже к концу текущего финансового года (апрель 2026 г.) планируется увеличить оборонные расходы до 2 % ВВП. До конца 2026 г. ожидается пересмотр национальной стратегии обеспечения безопасности, где будут закреплены обновленные параметры развития военно-промышленного сектора.

Одним из центральных направлений будущей стратегии станет развитие автономных систем и беспилотных технологий. Свыше 2 трлн иен (более 13 млрд долл. США) предполагается направить на закупку и интеграцию таких систем уже в ближайшем бюджетном цикле. Токио также намерен активно использовать технологии партнеров, в частности Турции, США и Австралии, отдавая приоритет скорости перевооружения и технологическому обмену, а не долгосрочному наращиванию собственных мощностей.

Параллельно обсуждается возможность ослабления действующих ограничений на экспорт летальных вооружений. Изучаются различные варианты либерализации – от уточнения целевого назначения поставляемой техники до упразднения отдельных запретов. Конкретные решения могут быть приняты уже в 2026 г.

Особое внимание уделяется укреплению потенциала «дистанционной обороны» – способности наносить высокоточные удары по удаленным целям. В данный контур входят разработки ракетных систем и создание нового поколения подводных лодок, оснащенных вертикальными пусковыми установками. Рассматриваются сложнейшие технологические решения, включая энергетические установки с ядерными элементами, что свидетельствует о готовности правительства пересмотреть законодательные ограничения на использование атомной энергии ради обеспечения стратегического преимущества. Таким образом, Япония постепенно переходит от традиционной оборонительной доктрины к проактивной модели, ориентированной на нейтрализацию угроз «на дальних подступах». 01

В более широком контексте линия кабинета С. Такаити отражает стремление Японии к большей самостоятельности в вопросах безопасности при сохранении прочного союза с США и другими западными партнерами. Однако сочетание роста оборонных расходов с обещаниями реализации социальной политики без увеличения налогового бремени выглядит нереалистичным. Поддержание финансового баланса потребует устойчивого экономического роста и проведения структурных реформ, способных обеспечить дополнительные источники дохода. При отсутствии ощутимого подъема экономики выполнение обеих задач – военной и социальной – может стать серьезным испытанием, ставящим правительство перед жестким выбором приоритетов.

В **Республике Корея** (РК) в 2026 г. продолжится процесс разработки и реализации мер политического и экономического характера, направленных на противостояние обозначившимся в последнее время внутренним и внешним вызовам. Администрации президента Ли Чжэ Мена, пришедшей к власти в июне 2025 г., предстоит убедить южнокорейское общество в своей способности начать политические реформы, сводящие к минимуму вероятность повторения в какой-либо форме кризиса, вызванного попыткой введения бывшим президентом Юн Сок Елем в декабре 2024 г. военного положения. И поддерживающие действующего президента сторонники Демократической партии, и представители консервативной оппозиции ожидают более эффективного баланса между

законодательной и исполнительной властью, центральными и региональными органами управления; прекращения широко освещаемых в СМИ мелких межпартийных дрязг, отвлекающих внимание общества и политической элиты от решения насущных проблем. Однако остается неясным, когда и какие предложения по внутриполитическим реформам власть предложит избирателям. Между тем затяжка в решении перечисленных вопросов уже в 2026 г. может спровоцировать широкую волну общественного недовольства, если также учесть, что суд над отстраненным президентом Юн Сок Елем затягивается, а перечень выдвигаемых против него обвинений множится, что приветствуется далеко не всеми.

При этом высока вероятность обострения в 2026 г. социальных коллизий, и в первую очередь проблем, вызванных ухудшением демографической ситуации. Коэффициент фертильности составляет 0,7–0,8, т. е. остается одним из самых низких в мире. Продолжается долгосрочный процесс старения общества и, соответственно, связанный с ним рост социальных издержек. В то же время ощутимой становится нехватка рабочей силы, дефицит которой не может компенсировать ни цифровизация экономики, ни один из самых высоких в мире показателей роботизации ведущих отраслей промышленности. В сложившихся условиях в 2026 г. власти скорее всего примирятся со снижением барьеров для легальной миграции при ужесточении мер против проникновения в страну нелегалов.

При этом вызывает беспокойство отъезд за рубеж наиболее одаренных и авторитетных ученых и конструкторов, в связи с чем правительство приняло решение в 2026–2030 гг. ежегодно выделять на поддержку работы 20–100 специалистов такого уровня по 100 млн вон. (около 70 тыс. долл.) в расчете на каждого, а также привлекать их к выработке государственной научной политики.

Экономическая стратегия новой администрации по-прежнему неясна. Доминирование крупного бизнеса (чеболей) подавляет возможности малого и среднего предпринимательства. В то же время ставка на инновационное развитие связана с использованием потенциала ведущих корпораций. Большие надежды возлагаются на продолжение цифровизации. Однако в последние годы на фоне обострившейся внутриполитической борьбы принятие необходимых для этого правовых актов запаздывает, что ставит власти перед необходимостью срочно решить эту задачу. С трудом преодолев негативные последствия путча, экономика, и прежде всего экспортные отрасли, столкнулись с внешними вызовами, связанными с введением администрацией Д. Трампа повышенных импортных тарифов. В результате ВВП страны, увеличившись в 2025 г. менее чем на 1%, в 2026 г. вырастет на 1,6%–1,8%, преимущественно благодаря ожидаемому оживлению внутреннего спроса.

На международной арене южнокорейские власти будут демонстрировать усиление своей субъектности, проводя многовекторную политику и отдавая приоритет нескольким стратегическим направлениям. Южнокорейское руководство настроено в 2026 г. возобновить контакты с властями КНДР и восстановить диалог по ядерной проблематике. Это намерение, однако, едва ли найдет позитивный отклик в Пхеньяне, который больше нацелен на налаживание прямого диалога с администрацией Д. Трампа. Ситуацию усугубляет раскол в южнокорейском обществе по вопросу о курсе в отношении КНДР. Впервые за время наблюдений опросы в 2025 г. показали, что 51% опрошенных не считают

необходимым объединение с Севером. Однако правящим элитам трудно решиться на официальный отказ от этой идеи. Поэтому можно ожидать обращения Сеула к Вашингтону, Пекину и Москве с предложениями о содействии нормализации межкорейских отношений в той или иной форме.

В Сеуле с настороженностью воспринимают курс администрации Д. Трампа на первоочередное отстаивание американских интересов в сферах безопасности и бизнеса, что отодвигает приоритеты союзников и партнеров США в этих областях на второй план. Исходя из этой новой реальности, администрация Ли Чжэ Мена берет на вооружение прагматичный подход, предполагающий решение внешнеполитических вопросов на основе «национально ориентированных» приоритетов. В частности, в 2026 г. Сеул продолжит курс на совмещение своих стратегических союзнических обязательств перед Вашингтоном с поддержанием партнерских экономических отношений с Пекином, в том числе в рамках треугольника КНР–Республика Корея–Япония. Сохраняется также нацеленность на активное развитие связей со странами-членами АСЕАН, особенно с Вьетнамом. От успеха такого рода дипломатии зависит сохранение безопасности и устойчивость внешнеэкономических связей РК.

Несмотря на доминирование в РК критической оценки политики РФ в отношении Украины и сохранения антироссийских санкций, «национально ориентированные» приоритеты будут определять стремление обеспечить интересы южнокорейского бизнеса путем проведения прагматичной политики в отношении России. Это предполагает, с одной стороны, сохранение имеющегося уровня двусторонней торговли с РФ и уже сделанных в России инвестиций, а с другой – обеспечение перспектив участия южнокорейских компаний в возможном послевоенном восстановлении Украины.

Внутриполитическое развитие **государств ЮВА** будет проходить без серьезных потрясений. Выборы разных уровней пройдут в Лаосе, Таиланде, Мьянме, на Филиппинах и во Вьетнаме. Вне зависимости от их итогов кардинальные перемены в развитии этих стран маловероятны. Приоритетами их внутренней политики станут повышение конкурентоспособности их экономик с акцентом в той или иной степени на развитие высокотехнологичных наукоемких секторов, увеличение доли инновационных продуктов в национальном экспорте и наращивание человеческого капитала.

Процессы многостороннего сотрудничества между государствами АСЕАН будут выстраиваться вокруг трех направлений. Первым из них станет интеграция в проекты и инициативы АСЕАН Восточного Тимора, чему будет препятствовать серьезное отставание этого государства в развитии трансграничной инфраструктуры, а также в степени подготовленности кадров для государственных структур и корпоративного сектора, от других стран АСЕАН. Вторым будет согласование положений Рамочного соглашения АСЕАН в сфере цифровой экономики, подписание которого ожидается в 2026 г. Это будет сопряжено со значительными трудностями, поскольку проект соглашения предполагает качественное изменение цифровых инструментов экономических и общественных преобразований в странах АСЕАН, многие из которых к этому не готовы. Третьим направлением усилий Ассоциации станет разработка направлений сотрудничества,

определенных Дорожной картой формирования Сообщества АСЕАН до 2045 г. с акцентом на наращивание региональной взаимосвязанности.

На многостороннем треке за рамками Юго-Восточной Азии основное внимание будет обращено на повышение эффективности сотрудничества в рамках Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) и усиление роли АСЕАН как его координатора. Не менее важной задачей станет увязка повестки ВРЭП с другими форматами и инициативами экономического регионализма в АТР, такими как Форум АТЭС и Индо-Тихоокеанское экономическое рамочное соглашение, где присутствуют семь из одиннадцати государств АСЕАН. Важным элементом политики Ассоциации в 2026 г. будет поиск баланса между участием своих стран-членов в этих форматах и перспективными планами АСЕАН, прежде всего в области цифрового сотрудничества и цифровой поддержки собственных форматов и инициатив экономического регионализма, в частности Экономического сообщества АСЕАН и ВРЭП.

Основной угрозой безопасности Юго-Восточной Азии, как и прежде, будет оставаться проблема Южно-Китайского моря. Наряду с традиционными спорами о суверенитете над различными участками суши и морскими пространствами и о свободе судоходства, возникает новый вызов в виде возможности использования искусственного интеллекта для манипулирования массовым сознанием при трактовке ситуации в этой акватории. В 2026 г. этот инструмент будет, в частности, использоваться для пропаганды различных интерпретаций итогов имплементации принятого десять лет назад решения Постоянной палаты третейского суда по проблеме Южно-Китайского моря.

Также можно ожидать дальнейших трений между КНР и государствами Юго-Восточной Азии, расположенными в бассейне реки Меконг, по вопросам освоения ее энергетических и продовольственных ресурсов. Это, однако, вряд ли выведет конфликт на новый уровень, а рецидивы произошедшей в 2025 г. вспышки камбоджийско-таиландских противоречий по этому вопросу маловероятны.

В отношениях с партнерами по диалогу АСЕАН будет наращивать масштаб и интенсивность сотрудничества, стремясь диверсифицировать инструменты собственной конкурентоспособности. Можно ожидать большего интереса стран Ассоциации к расширенному формату БРИКС, особенно если опыт взаимодействия Индонезии, а также Малайзии, Таиланда и Вьетнама с партнерами по БРИКС окажется успешным. Ассоциация будет развивать контакты с ШОС и ЕАЭС, однако качественные прорывы на этих направлениях маловероятны. Основным объектом интереса Ассоциации будет оставаться Китай и его инициатива «Пояс и Путь». Диалог АСЕАН с США будет проходить с переменным успехом и будет нацелен не столько на обретение выгод (с учетом тарифной политики администрации Д. Трампа это крайне затруднительно), сколько на минимизацию потерь. Можно ожидать активизации сотрудничества АСЕАН с ЕС, Японией и Республикой Корея по нишевым направлениям, главным образом в сфере использования цифровых инструментов поддержки экономических проектов и инициатив. В диалоге АСЕАН с Россией стороны будут работать над обновлением целеполагания и нормативной базы взаимных связей, в частности над определением параметров сотрудничества на перспективу до 2030 г. и до 2035 г.

Во внешней политике **Индии** прошедший год был отмечен драматическими событиями, такими, как конфликт с Пакистаном после теракта в кашмирском Пахалгаме и инициированная Д. Трампом «тарифная война» с США. В обоих случаях индийское руководство сумело воззвать к национальным чувствам, обеспечить себе массовую поддержку со стороны населения и, по официальной версии, добиться победы. В кратком столкновении с Пакистаном индийские вооруженные силы продемонстрировали высокий боевой дух и нанесли противнику большие потери, а американский шантаж повышенными пошлинами закончился осознанием Вашингтоном его контрпродуктивности. Результатом угроз со стороны США стало более активное обозначение Дели своей стратегической автономии, его сближение с Китаем и Россией и нахождение путей обхода американских тарифных барьеров[154].

Дополнительный вес позициям индийского руководства придают успехи правящего Национально-демократического альянса на местных выборах: в феврале 2025 г. он одержал убедительную победу на выборах в законодательное собрание Дели, нанеся поражение оппозиционной «Аам Адми парти» в ее ключевом регионе, а в ноябре в союзе с партией «Janata Dal (United)» добился столь же впечатляющего успеха в Бихаре, одном из самых населенных индийских штатов. Помимо очевидных результатов социальных программ, направленных на облегчение положения непривилегированных каст и классов, важными факторами успеха «Бхаратия Джаната парти» стали ее апеллирование к индуистской идентичности, удачная реализации проектов развития, рост индийской экономики и внешнеполитическая деятельность Нарендры Моди. Устойчивый рост ВВП (в 2025–2026 фин. году он, как ожидается, составит 6,5%[155]) демонстрирует компетентность правительства БДП, а широко освещаемые успехи Индии в возвращении себе статуса великой державы вызывают у избирателей чувство гордости за страну.

В отношениях с Пакистаном с высокой вероятностью будет отмечаться затишье. Операция «Синдур», проведенная ВС Индии в мае 2025 г. в ответ на теракт в Пахалгаме, с одной стороны, продемонстрировала высокий потенциал БПЛА как средства разведки и поражения цели, а с другой – выявила недостатки в индийской тактике применения ВВС, а также заметную уязвимость обеих сторон, не озаботившихся созданием больших запасов БПЛА до начала конфликта и развертыванием средств защиты от них. На ликвидацию уязвимостей и восстановление запасов ударных средств потребуется значительное время. В случае нового теракта связанных с Пакистаном группировок индийское руководство с высокой вероятностью прибегнет к тактике наращивания дипломатических и военных контактов с Афганистаном и поддержки белуджских сепаратистов. Дальнейшее развитие связей с Кабулом рассматривается Дели через призму продвижения своих интересов в Центральной Азии, где позиции Индии остаются сравнительно слабыми, несмотря на запуск новых форматов взаимодействия и апелляции к культурно-историческому единству.

[154] Trump tariff shock eases? India’s exports to US rise after 4 months of slide; reach $6.3 billion in October // The Times of India. 2025. 18.11. https://timesofindia.indiatimes.com/business/india-business/trump-tariff-shock-eases-indias-exports-to-us-rise-after-4-months-of-slide-reach-6-3-billion-in-october/articleshow/125387747.cms.
[155] World Bank Raises India’s FY2025/26 Growth Forecast to 6.5% // Trading Economics. 2025.08.10. https://tradingeconomics.com/india/news/news/491153.

Продолжится улучшение отношений с КНР, в рамках которого в прошедшем году стороны нарастили меры доверия, преодолев последствия Галванского кризиса 2020 г. Индийское руководство видит в Китае потенциального технологического донора, взаимодействие с которым поможет сохранить технологический суверенитет в конкуренции с Западом, и одновременно источник инвестиций в проекты развития, критически важный в условиях постепенного сокращения западных инвестиций в индийскую инфраструктуру. При этом Дели рассчитывает сохранить за собой контроль над всеми ключевыми проектами и отраслями, опасаясь укрепления китайских позиций в индийской экономике. Позитивная двусторонняя динамика, однако, может в любой момент рухнуть из-за случайных инцидентов на спорных участках линии разграничения.

Труднопрогнозируемыми остаются будущие отношения с США. Расчеты, которые индийское руководство возлагало на приход к власти Д. Трампа, оказались ошибочными. Вместо того, чтобы в соответствии с традиционной американской линией рассматривать Индию как ключевого партнера в Южной Азии и бастион против Китая, Трамп проводит максимально жесткую политику, пытаясь заставить открыть индийский рынок для американских товаров. Тактика Трампа, основанная на постоянном повышении тарифных ставок и все новых угрозах, фрустрирует индийские политические элиты и экспертное сообщество. К концу 2025 г. сторонам удалось частично согласовать позиции и прийти к договоренностям, позволяющим завершить конфликт с сохранением лица. Однако непредсказуемость Трампа в сочетании с растущим стремлением Индии отстаивать свои интересы с позиций великой державы будет сильно осложнять двусторонние отношения.

В этих условиях перспективным партнером для индийских элит становится ЕС, рынок которого способен отчасти возместить потери, понесенные индийскими экспортерами из-за введения Трампом новых пошлин, а европейские высокотехнологичные товары, технологии и инвестиции – ослабить зависимость Индии от импорта из США и КНР. В сложившейся ситуации и индийские, и европейские политики стремятся ускорить заключение двустороннего соглашения о свободной торговле. Драйверами этого процесса со стороны ЕС являются Франция, имеющая особые отношения с Индией в сфере внешней политики и безопасности, и Германия, заинтересованная в открытии индийского рынка для немецких товаров.

Россия останется важным политическим и экономическим партнером Индии, но темпы роста товарооборота в 2026 г. по очевидным причинам снизятся: к настоящему моменту почти весь объем нефти, которую Россия ранее продавала в Европу, идет в Индию. Темпы этого снижения будут зависеть в том числе от хода украинского конфликта, ужесточения или смягчения западных санкций, успешности реализации российско-индийских инвестиционных и производственных проектов.

В целом, Индия в 2026 г. продолжит курс на укрепление стратегической автономии, мультиприсоединение, политическую и экономическую диверсификацию, расширение поддержки своих инициатив среди стран Глобального Юга. Успешная внешнеполитическая деятельность рассматривается индийским руководством как гарантия внутриполитической стабильности и экономического роста.

В **Пакистане** в 2026 г. можно ожидать продолжения консолидации местного истеблишмента вокруг лидеров военно-гражданского руководства страны – фельдмаршала А. Мунира, премьер-министра Ш. Шарифа и президента А.А. Зардари. Оппозиция в лице представителей партии «Движение за справедливость» не оставит попыток выступать против правительственных инициатив в парламенте и проводить митинги своих сторонников. Однако пребывание харизматичного лидера партии, бывшего премьер-министра И. Хана в заключении и низкий авторитет действующих руководящих фигур снижают вероятность успеха антиправительственных мероприятий. Более существенными могут быть последствия активности внесистемной оппозиции, прежде всего популистской исламистской партии «Техрик-е-Лаббаик».

Усиление позиций действующего военно-гражданского руководства будет увязываться им с сохраняющимися угрозами национальной безопасности, что позволит генералитету и правительству пользоваться поддержкой населения и предпринимать чрезвычайные меры против своих противников. Произошедшее в 2025 г. обострение афгано-пакистанского и индо-пакистанского конфликтов с высокой долей вероятности будет оказывать определяющее влияние на политику пакистанского руководства в области обороны и безопасности.

Шансы на разрешение конфликта с Кабулом останутся низкими, периодические столкновения на афгано-пакистанской границе представляются неизбежными. Условий для деэскалации в индо-пакистанских отношениях также не просматривается, хотя возобновление боевых действий кажется маловероятным. В Исламабаде и Нью-Дели осознают риски полномасштабной войны и готовы идти на обострение только в крайних случаях.

По остальным направлениям внешней политики Пакистана значимых изменений не ожидается. Исламабад продолжит добиваться развития отношений со своими традиционными союзниками (США, КНР, арабские государства Персидского залива), используя конкурентные преимущества в военной и военно-технической сферах. После заключения Стратегического соглашения о взаимной обороне с Саудовской Аравией Пакистан попытается добиться подписания сходных договоров с другими партнерами из числа ближневосточных государств, прежде всего арабских монархий Персидского залива.

Сохранится тренд на интенсификацию российско-пакистанского взаимодействия, однако прорывных результатов, которые могли бы в корне изменить содержание двусторонних отношений, не предвидится.

БИБЛИОГРАФИЯ

Часть I. ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ

1. Базы данных Банка международных расчетов: https://www.bis.org/.
2. Базы данных Продовольственной и сельскохозяйственной организация Объединенных Наций (ФАО): https://www.fao.org/home/en.
3. Базы данных Евростата: https://ec.europa.eu/eurostat/data/database.
4. Базы данных Международного валютного фонда: https://www.imf.org/en/data.
5. Базы данных Международного энергетического агентства: https://www.iea.org/.
6. Базы данных Министерства энергетики США: https://www.energy.gov/.
7. Базы данных Мирового Банка: https://data.worldbank.org/.
8. База данных Организации экономического сотрудничества и развития: https://www.oecd.org/en.html.
9. Базы данных Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО): https://www.fao.org/home/en.
10. База данных таможенной статистики КНР: http://english.customs.gov.cn/Statistics/Statistics?ColumnId=6.
11. База данных Congressional Budget Office (CBO): https://www.cbo.gov/.
12. База данных Institute of International Finance (IIF): https://www.iif.com/.
13. База данных International Trade Centre: https://www.intracen.org/.
14. База данных Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI): https://www.sipri.org/.
15. Данилов Д.А. «Оборонная готовность» ЕС: стратегическое планирование и перспективы // «Аналитические записки Института Европы РАН» (Выпуск IV) №35. 2025 (№403). http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2025/an403.pdf.
16. «Концерт великих держав» XXI века // История.рф. 2025.08.06. https://history.ru/read/articles/kontsiert-vielikikh-dierzhav-xxi-vieka.
17. Россия и мир: 2025. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз // Под ред. Г.И. Мачавариани, И.Я. Кобринской. – М.: ИМЭМО РАН. 2024.
18. Allison G., Winnefeld J.A., Jr. The End of the Longest Peace? One of History's Greatest Achievements Is Under Threat // Foreign Affairs. 2025. 24.11. https://www.foreignaffairs.com/united-states/end-longest-peace.
19. Bennet I., Patrick S. Geopolitics Is Back–and Global Governance Is Out // National Interest. 2025.12.05. https://nationalinterest.org/blog/buzz/geopolitics-back-global-governance-out-12868.
20. Fontaine R., McKinley G. Losing the Swing States. Washington Is Driving the BRICS to Become an Anti-American Bloc // Foreign Affairs. 2025.27.10. https://www.foreignaffairs.com/united-states/losing-swing-states.
21. Haass R. Трамп и его Разворот от Азии // Project Syndicate. 2025.31.10. https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-pivot-from-asia-to-western-hemisphere-by-richard-haass-2025-10/russian.
22. Krastev I. The Paradox of Europe's Trumpian Right. How America's Weaponization of Ideology Could Backfire // Foreign Affairs. 2025.27.11. https://www.foreignaffairs.com/europe/paradox-europes-trumpian-right.
23. Mishra V., Prathap S.T. Quad 2025: Security Focus Amid Trump's Return – Analysis // Observer Research Foundation. 2025. 18.07. https://www.eurasiareview.com/18072025-quad-2025-security-focus-amid-trumps-return-analysis/.
24. National Security Strategy of the United States of America // White House. November 2025. https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf.

25. Stubb A. The West's Last Chance. How to Build a New Global Order Before It's Too Late // Foreign Affairs. 2025.02.12. https://www.foreignaffairs.com/united-states/wests-last-chance.
26. The World Ahead 2026. Future-gazing analysis, predictions and speculation // The Economist. 2025.12.11. https://www.economist.com/the-world-ahead/2025/11/12/our-selection-of-events-around-the-world.
27. White House Fiscal-Year-2026-Discretionary-Budget-Request.pdf. 2025. 02.05.2025. https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/05/Fiscal-Year-2026-Discretionary-Budget-Request.pdf.

Часть II. ЭКОНОМИКА

1. Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2024 год и проекте плана на 2025 год (представлен 05 марта 2025 года на 3-й сессии ВСНП 14-го созыва).
2. Доклад о работе правительства КНР (представлен 05 марта 2025 года на 3-й сессии ВСНП 14-го созыва).
3. Доклад об исполнении центрального и местных бюджетов за 2024 год и проекте центрального и местных бюджетов на 2025 год (представлен 05 марта 2025 года на 3-й сессии ВСНП 14-го созыва).
4. МЭР: сбор зерна в России в перспективе до 2028 г. вырастет до 155 млн тонн // ТАСС. 2025. 26.09. https://tass.ru/ekonomika/25176793
5. Скорлыгина Н., Мордюшенко О. Экспорт леса лежит бревном. Почему отрасль не может восстановиться после кризиса // «Коммерсант». 2024.19.04. https://www.kommersant.ru/doc/6616402.
6. Россия и Китай договорились ускорить отмену барьеров для импорта российских пеллет // «Интерфакс». 2025.01.08. https://www.interfax.ru/russia/1039222.
7. Краткий обзор. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире – 2025. Решение проблемы высокой продовольственной инфляции в интересах обеспечения продовольственной безопасности и питания // ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ. Рим. 2025. https://doi.org/10.4060/cd6015ru.
8. 32nd WTO Report on G20 Trade Measures (mid-October 2024 to mid-October 2025) // The World Trade Organization. 2025.13.11. 62 p. https://www.wto.org/english/news_e/news25_e/tmg20_13nov25_196_e.htm.
9. AI goods and frontloading lift world trade in 2025 but outlook dims for 2026 // The World Trade Organization. 2025.07.10. https://www.wto.org/english/news_e/news25_e/stat_07oct25_e.htm.
10. Autumn 2025 Economic Forecast shows continued growth despite challenging environment // European Commission. November 2025. https://economy-finance.ec.europa.eu/economic-forecast-and-surveys/economic-forecasts/autumn-2025-economic-forecast-shows-continued-growth-despite-challenging-environment_en.
11. Business confidence falls to new record low // Institute of Directors. 2025.01.10. https://www.iod.com/news/uk-economy/iod-press-release-business-confidence-falls-to-new-record-low/.
12. Council of the EU. Paris Agreement: the EU submits its updated NDC with an indicative target for 20235 to the UN ahead of COP30 // Press Release. 2025.05.11. www.consilium.europa.eu.
13. Demographics of India. https://statisticstimes.com/demographics/country/india-demographics.php.
14. Economic Commission for Europe. Committee on Forests and the Forest Industry. Draft forest products market statement. Geneva. 2025.14.10. https://unece.org/sites/default/files/2025-10/ECE_TIM_2025_4_en.pdf.

15. Fiscal Monitor. Spending Smarter: How Efficient and Well-Allocated Public Spending Can Boost Economic Growth // International Monetary Fund. October 2025. https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2025/10/07/fiscal-monitor-october-2025.
16. Fiscal risks and sustainability – July 2025 // Office for Budget Responsibility. 2025.08.07. https://obr.uk/frs/fiscal-risks-and-sustainability-july-2025/.
17. Frontloading, measured responses cushion tariff impact in 2025 but risk high for 2026 // The World Trade Organization. 2025.08.11. https://www.wto.org/english/news_e/news25_e/tfore_08aug25_e.htm.
18. Global Economic Prospects // The World Bank. June 2025. 254 p. https://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects.
19. Global Trade Outlook and Statistics // The World Trade Organization. October 2025. 38 p. https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/gtos1025_e.htm.
20. Gold Demand Trends. Q3 2025 // World Gold Council. 2025.30.10. https://www.gold.org/goldhub/research/gold-demand-trends/gold-demand-trends-q3-2025.
21. Government of India. Ministry of Commerce and Industry. https://tradestat.commerce.gov.in/eidb/country_wise_ttrade.
22. Harlan C. U.S. skips COP30 climate conference, lobbies to sink new global deals // Washington Post. 2025.07.11. https://www.washingtonpost.com/climate-environment/2025/11/07/cop30-climate-summit-brazil-us-trump/.
23. Meeting of the Council on Economic and Fiscal Policy // Prime Minister's Office of Japan. 2025. 12.11. https://japan.kantei.go.jp/104/actions/202511/12keizai.html.
24. India poised to become world's 4th largest economy by 2026; GDP to grow 6.8% in FY25: PHDCCI // The Economic Times. 2025.15.01. https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/indicators/india-poised-to-become-worlds-4th-largest-economy-by-2026-gdp-to-grow-6-8-in-fy25-phdcci/articleshow/117267756.cms?from=mdr.
25. International Monetary Fund. 2024. People's Republic of China. Selected Issues // IMF Country Report No. 24/276. Washington, DC. July 2024.
26. World Economic Outlook: Global Economy in Flux, Prospects Remain Dim // International Monetary Fund. Washington, DC. October 2025.
27. Mid-Year Economic Projection for FY2025 // Prime Minister's Office of Japan. 2025. 07.08. https://www5.cao.go.jp/keizai1/Mid-Year_Economic_Projection_for_FY2025.pdf.
28. Millionaires on the Move: UK Braces for Historic Wealth Flight as Global Migration Peaks // Henley & Partners. 2025. 24.06. https://www.henleyglobal.com/newsroom/press-releases/henley-private-wealth-migration-report-2025.
29. Economic Outlook for Southeast Asia, China and India 2024: Developing amid Disaster Risks //OECD Publishing. Paris. 2024. https://doi.org/10.1787/3bbe7dfe-en.
30. OECD-FAO Agricultural Outlook 2025-2034 // OECD/FAO. 2025. https://doi.org/10.1787/601276cd-en.P.45-46.
31. Office for National Statistics. https://www.ons.gov.uk.
32. Quarterly Estimates of GDP: July – September 2025 (The First Preliminary) // Department of National Accounts. Economic and Social Research Institute. Cabinet Office, Government of Japan. November 2025. https://www.esri.cao.go.jp/jp/sna/data/data_list/sokuhou/gaiyou/pdf/main_1.pdf.
33. Sustainable Debt. Global State of the Market, H1 2025, CBI.
34. Sustainable Finance in a Changing World // Sustainable Bonds Inside.
35. The most important issues facing the country. Weekly tracker // YouGov UK. 2025.03.11. https://yougov.co.uk/topics/society/trackers/the-most-important-issues-facing-the-country.
36. Nationally Determined Contributions Registry. China // UNFCCC. https://unfccc.int.
37. China // Climate Action Tracker. https://climateactiontracker.org.

38. The Global Risks Report 2025. 20th Edition // World Economic Forum, Insight Report. 2025. https://reports.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2025.pdf.
39. South Asia Development Update. Jobs, AI and Trade (October 2025) // World Bank. 2025. DOI: 10.1596/978-1-4648-2291-9.
40. World Economic Outlook // International Monetary Fund. October 2025. 186 p.
41. World Trade Report 2025: Making trade and AI work together to the benefit of all // The World Trade Organization. 144 p. https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wtr25_e.htm.

Часть III. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

1. Белокреницкий В.Я. Основные вехи и этапы развития российско-пакистанских отношений // Вестник Института востоковедения РАН. 2024. №1. С. 175–186. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-175-186.
2. Богданов К.В., Кобринская И.Я., Фрумкин Б.Е. Роль Центральной и Восточной Европы в трансформации ЕС//Современная Европа. 2025. №7. С. 29–40.
3. Бороденко М.М., Межевич Н.М., Приходько А.А. Молдова в условиях наслоения кризисов: балансирование на грани новой войны? Аналитический доклад. – М.: Весь мир. 2025.
4. Буторина О. Европейский Союз и большие циклы экономической интеграции/ Международные процессы. 2025. Том 23, №1. С. 1–23.
5. Выборы в Грузии 2025 – предварительные результаты ЦИК со всех участков // Спутник-Грузия. 2025. 05.10. https://sputnik-georgia.ru/20251005/vybory-v-gruzii-2025---predvaritelnye-rezultaty-tsik-so-vsekh-uchastkov-295254699.html.
6. Крылов А. Армения: отказ от триединства нации и поиск новых ориентиров. // Россия и новые государства Евразии, 2024, №1, С. 113–131.
7. Крылов А. Россия – Армения: от стратегического партнерства к стратегической неопределенности. Россия и новые государства Евразии, 2025, №1, С. 30–40.
8. Малышева Д. АСЕАН и Евросоюз как модели регионализации для Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Том 69. №6. С. 103–114.
9. Малышева Д. Таджикистан и угрозы терроризма в религиозном обличье // Россия и новые государства Евразии. 2025. №2. С. 107–121.
10. Международная безопасность: новый миропорядок и технологическая революция / отв. ред.: А.Г. Арбатов, К.В. Богданов, О.В. Гусарова, М.Г. Евтодьева; ИМЭМО РАН. – М.: Весь мир. 2023.
11. Муханов В., Новиков В. Президентские выборы в Абхазии: предварительные итоги. // Россия и новые государства Евразии, 2025, №2, С. 138–154.
12. Пантин В.И. Россия и мир в 2025-2040. Международные конфликты и волны изменений. // Разведчик. 2025. Сентябрь. №3 (12). – С. 22–27.
13. Постсоветские государства на современном этапе: внутриполитическая динамика и поиск путей развития / Отв. ред. Э.Г. Соловьев. – М.: ИМЭМО РАН, 2024. – 209 с.
14. Соловьев Э.Г. Украинский кризис: новый этап эскалации // Россия и новые государства Евразии. 2024. №4. С. 9–22.
15. Соловьев Э.Г. Роль Украинского кризиса в формировании нового миропорядка // Россия и новые государства Евразии, 2023, №4. С.11–23.
16. Соловьев Э.Г. Молдавия: разворот на Запад // В кн.: Постсоветские государства на современном этапе: внутриполитическая динамика и поиск путей развития / Отв. ред. Э.Г. Соловьев. – Москва: ИМЭМО РАН, 2024. – С.63–72.
17. Стратегический обзор 2025 / Под ред. А.Г.Арбатова. – М.: ИМЭМО-МГИМО-Университет, 2025.
18. Ahmad M. The Arab League Proposes an Alternative Gaza Reconstruction Plan // Institute for Palestine Studies. 2025.24.03. https://www.palestine-studies.org/en/node/1657135.

19. Alegeri Parlamentare in Respublica Moldova. Rezultate preliminare. https://pv.cec.md/preliminare.
20. ASEAN Community Vision 2045 “Resilient, Innovative, Dynamic, and People-Centred ASEAN” Adopted by the 46th ASEAN Summit. 2025.26.05. https://asean.org/wp-content/uploads/2025/05/05.-ASEAN-Community-Vision-2045_adopted.pdf.
21. ASEAN Political-Security Community Strategic Plan. Adopted by the 46th ASEAN Summit 2025.26.05. https://asean.org/wp-content/uploads/2025/05/06.-APSC-Strategic-Plan_adopted.pdf.
22. Asian Economic Integration Report 2025. Harnessing the Benefits of Regional Cooperation and Integration // Asian Development Bank. 2025. 177 p. DOI: http://dx.doi.org/10.22617/SGP250106-2.
23. Astana Declaration of the Second Central Asia-China Summit. Available at: https://www.newscentralasia.net/2025/06/20/astana-declaration-of-the-second-central-asia-china-summit/.
24. Balise d’opinion №301 – L’état d’esprit des Français à la rentrée 2025 // IFOP. 2025.01.09. https://www.ifop.com/article/balise-dopinion-301-letat-desprit-des-francais-a-la-rentree-2025/.
25. Chai, Peter. Takaichi’s Ambitious Economic and Security Agenda for Japan // The Diplomat. 2025.10.10. https://thediplomat.com/2025/10/takaichis-ambitious-economic-and-security-agenda-for-japan/.
26. China and ASEAN Sign Free Trade Area 3.0 Upgrade Protocol / Ministry of Commerce of PRC. 2025.30.10. https://wangwentao2.mofcom.gov.cn/Events/art/2025/art_627e2814a33f495bbed715f68f621098.html.
27. Clearing most of the rubble in the Gaza Strip is possible in seven years under right conditions // UN Development Program. 2025. 20.11. https://www.undp.org/stories/clearing-most-rubble-gaza-strip-possible-seven-years-under-right-conditions.
28. Communique of the Fourth Plenary Session of the 20th Central Committee of the CPC // Qiushi Online. 2025. 24.10. https://en.qstheory.cn/2025-10/24/c_1134888.htm.
29. Cu privire la aprobarea Strategiei militare a Republicii Moldova pentru anii 2025–2035. https://gov.md/sites/default/files/media/documents/sedinte-de-guvern/2025-10/NU-277-MA-2025_0.pdf.
30. Deshautels L., Vrai ou faux. La France fait-elle face à une "flambée de l’antisémitisme" ? // La Dépêche. 2025.25.08. https://www.ladepeche.fr/2025/08/25/vrai-ou-faux-la-france-fait-elle-face-a-une-flambee-de-lantisemitisme-12892550.php.
31. Explanation of the Recommendations of the CPC Central Committee for Formulating the 15th Five-Year Plan for National Economic and Social Development // Qiushi Online. 2025.29.10. https://en.qstheory.cn/2025-10/29/c_1136083.htm.
32. Hamiti I. Sondage BFMTV. Les Français divisés sur la reconnaissance de l'État de Palestine // BFM TV. 2025.20.09. https://www.bfmtv.com/international/moyen-orient/palestine/sondage-bfmtv-les-francais-divises-sur-la-reconnaissance-de-l-etat-de-palestine_AN-202509200058.html.
33. Hermann Tamar, Yohanani Lior, Kaplan Yaron, Sapozhnikova Inna Orly. Two Years since Oct. 7: Majority of Israelis say the Time Has Come to End the War // The Israel Democracy Institute. 2025. 30.09. https://en.idi.org.il/articles/61845.
34. Humanitarian Situation Update №330: West Bank // Relief Web. 2025.10.10. https://reliefweb.int/report/occupied-palestinian-territory/humanitarian-situation-update-330-west-bank-enhear.
35. Iran’s nuclear programme after the strikes // IISS. 2025.15.07. https://www.iiss.org/online-analysis/online-analysis/2025/07/irans-nuclear-programme-after-the-strikes.

36. Israel Election Opinion Polls 2026 – Likud Losing Grip, Netanyahu Bloc Trails Opposition // Opinion and Ratings. 2025.15.11. https://www.opinionsandratings.com/israel-polls/general-stories/israel-election-opinion-polls.
37. Lebanon: Staff Concluding Statement of the 2025 Article IV Mission // International Monetary Fund (IMF). 2025. https://www.imf.org/en/Countries/LBN.
38. MENAAP Economic Update, October 2025: Jobs and Women: Untapped Talent, Unrealized Growth // World Bank. 2025. https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/9d9c67df-f73b-45f9-b7f7-97d1eca2cbf5.
39. Rahman O.H. Amidst Unprecedented Threats, Palestinians Also Face Crisis of Leadership // ISPI. 2024.07.10. https://www.ispionline.it/en/publication/amidst-unprecedented-threats-palestinians-also-face-crisis-of-leadership-186082.
40. Regional Economic Outlook for Asia and Pacific. Navigating Trade Headwinds and Rebalancing Growth // IMF. October 2025. https://www.imf.org/en/publications/reo/apac/issues/2025/10/24/regional-economic-outlook-for-asia-and-pacific-october-2025.
41. Security Council Resolution 2797 (2025) // United Nations. 2025.31.10. https://docs.un.org/en/S/RES/2797(2025).
42. Security Council Resolution 2803 (2025) // United Nations. 2025.17.11. https://docs.un.org/en/S/RES/2803(2025).
43. Signs of Improvement in the Economic Outlook for the Middle East, North Africa, Afghanistan & Pakistan Region // World Bank. 2025. https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2025/10/07/signs-of-improvement-in-the-economic-outlook-for-the-middle-east-north-africa-afghanistan-pakistan-region.
44. Smith, Sheila A. Japan's Foreign Policy Under Takaichi: Steady as She Goes // The Diplomat. 2025. 18.11. https://thediplomat.com/2025/11/japans-foreign-policy-under-takaichi-steady-as-she-goes/.
45. Syria Governorates IDPs and IDP Returnees Overview // ReliefWeb. 2025.27.11. https://reliefweb.int/report/syrian-arab-republic/syria-governorates-idps-and-idp-returnees-overview-27-nov-2025.
46. Syria: World is failing the Syrians who have returned home // ReliefWeb. 2025.21.08. https://reliefweb.int/report/syrian-arab-republic/syria-world-failing-syrians-who-have-returned-home.
47. Syrian Arab Republic: Humanitarian Overview Issue No. 1. // ReliefWeb. October 2025. https://reliefweb.int/report/syrian-arab-republic/syrian-arab-republic-humanitarian-overview-issue-no-1-october-2025-enar.
48. The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future // The State Council Information Office of the People's Republic of China. October 2023. http://english.www.gov.cn/atts/stream/files/6524b3d7c6d0c788098ffefc.
49. The Impact of the Conflict in Syria: a Devastated Economy, Pervasive Poverty and a Challenging Road Ahead to Social and Economic Recovery // ReliefWeb. 2025.20.02. https://reliefweb.int/report/syrian-arab-republic/impact-conflict-syria-devastated-economy-pervasive-poverty-and-challenging-road-ahead-social-and-economic-recovery-enar.
50. UNRWA Situation Report №197 on the Humanitarian Crisis in the Gaza Strip and the occupied West Bank, including East Jerusalem // UNRWA. 2025.18.11. https://www.unrwa.org/resources/reports/unrwa-situation-report-197-situation-gaza-strip-and-west-bank-including-east-jerusalem?__cf_chl_tk=YAN_f7VV5.9x1lJ6N1X5Bo2txX8CQBf10KHcJZcc7eE-1763916669-1.0.1.1-xCldH1ll6PcemZX5VWQsDNjNvemSSnxrcHPXCCxGf.0.

51. World Economic Outlook, October 2025 // International Monetary Fund (IMF). 2025. https://www.imf.org/en/publications/weo/issues/2025/10/14/world-economic-outlook-october-2025.
52. Zielińska D. Pragmatism beyond divides: Central Asia's engagement with Afghanistan // Centre for Eastern Studies (OSW). 2025.07.11. https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2025-11-07/pragmatism-beyond-divides-central-asias-engagement-afghanistan.
53. Orupā va Irān pas az snap-back: senāriohā-ye pish-e ru (Европа и Иран после введения механизма «snapback»: возможные сценарии) // IPSC. 2025.07.10. https://peace-ipsc.org/fa/اروپا-و-ایران-پس-از-اسنپبک-سناریوهای/ (на перс. языке).

АВТОРЫ

Афонцев Сергей Александрович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе, заведующий Отделом экономической теории, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0003-0887-4768

Богданов Константин Вадимович, кандидат технических наук, заведующий Сектором стратегического анализа и прогноза Центра международной безопасности, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-5922-0791

Бреславцева Александра Андреевна, младший научный сотрудник Центра североамериканских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-0113-6538

Вахрушин Иван Владимирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-6750-4620

Войтоловская Александра Романовна, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра североамериканских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0003-0295-1312

Галаш Полина Сергеевна, младший научный сотрудник Центра прогнозных исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0009-0009-7980-1380

Гужев Илья Андреевич, младший научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-8302-028X

Дауров Рамазан Джагафарович, ведущий научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований» ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Дмитриев Сергей Сергеевич, ведущий научный сотрудник Центра североамериканских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0003-2538-8219

Добрева Евдокия Ивановна, младший научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0009-0004-6093-8460

Дорошенко Глеб Андреевич, младший научный сотрудник Центра североамериканских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0009-0005-4399-4185

Жуков Станислав Вячеславович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0003-2021-2716

Журавлева Виктория Юрьевна, кандидат политических наук, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра североамериканских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0003-1911-625X

Загашвили Владислав Степанович, доктор экономических наук, профессор, заведующий Сектором внешнеэкономической политики, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-2037-5729

Звягельская Ирина Доновна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, руководитель Лаборатории «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-5937-9997

Ибрагимов Ибрагим Эминович, научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0001-9669-4243

Кадырмамбетов Тимур Мажитович, младший научный сотрудник Центра ситуационного анализа, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-3912-599X

Канаев Евгений Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-7988-4210

Кобринская Ирина Яковлевна, кандидат исторических наук, руководитель Центр ситуационного анализа, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-4419-0681

Колгушкина Ирина Алексеевна, младший научный сотрудник Центра Индоокеанского региона, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0009-0001-6186-9311

Копытин Иван Александрович, кандидат экономических наук, руководитель Центра энергетических исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-7824-2670

Кудрявцев Андрей Константинович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра европейских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-3820-2615

Кузьминков Виктор Вячеславович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник группы экономики и политики Японии Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0003-3909-0720

Куприянов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, руководитель Центра Индоокеанского региона, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-9041-6514

Лазовский Станислав Олегович, младший научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0003-1249-3634

Леонтьева Елена Львовна, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Ломанов Александр Владимирович, доктор исторических наук, профессор РАН, заместитель директора, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0003-2676-4271

Луконин Сергей Александрович, кандидат экономических наук, зав. сектором экономики и политики Китая Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-8120-0420

Макаревич Глеб Григорьевич, младший научный сотрудник Центра Индоокеанского региона, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0001-8037-0973

Малышева Дина Борисовна, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра постсоветских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-8625-6132

Мачавариани Гиви Ираклиевич, заведующий сектором Центра прогнозных исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-4948-2624

Муханов Вадим Михайлович, кандидат исторических наук, зав. Сектором Кавказа Центра постсоветских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0001-7771-8350

Никитина Елена Николаевна, кандидат экономических наук, заведующая Сектором глобальных экономических проблем Отдела глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-8431-7990

Подколзина Инна Александровна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра европейских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-9243-7992

Пожилова Наталья Андреевна, кандидат юридических наук, научный сотрудник Отдела глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-8404-1410

Поливач Александр Петрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-5717-233

Попов Владимир Васильевич, старший научный сотрудник Центра промышленных и инвестиционных исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0001-5299-958X

Прохоренко Ирина Львовна, доктор политических наук, заведующая Отделом международно-политических проблем, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-8090-7934

Резникова Оксана Бениаминовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра энергетических исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-9742-5026

Самарская Людмила Максимовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0003-4596-4404

Свистунова Ирина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0001-5191-9090

Соловьев Эдуард Геннадьевич, кандидат политических наук, руководитель Центра постсоветских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-4433-3291

Сурков Николай Юрьевич, кандидат политических наук, заведующий Группой изучения общих проблем региона Лаборатории «Центр ближневосточных исследований» ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0001-7185-7990

Сухов Николай Вадимович, ведущий научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-6767-3352

Татузов Виктор Юрьевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Отдела глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-4669-3928

Тимофеев Павел Петрович, кандидат политических наук, заведующий Сектором региональных проблем и конфликтов Отдела европейских политических исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-0512-7436

Тюкаева Татьяна Иршатовна, кандидат политических наук, научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0003-0758-4187

Федоровский Александр Николаевич, доктор экономических наук, руководитель группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-3892-8432

Филина Анастасия Андреевна, ст. лаборант-исследователь Лаборатории «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0009-0008-5701-4012

Фрумкин Борис Ефимович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра ситуационного анализа, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-1821-0140

Харитонова Елена Марковна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра европейских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0001-5948-1492

Хорольская Мария Витальевна, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела европейских политических исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-1885-7729

Худякова Людмила Семеновна, кандидат экономических наук, заведующая Отделом глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0001-6680-6734

Черкашин Максим Игоревич, младший научный сотрудник Центра североамериканских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0009-0002-2643-1450

Четверикова Анна Сергеевна, кандидат экономических наук, руководитель Центра европейских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0003-4793-4145

Швыдко Виталий Григорьевич, кандидат экономических наук, руководитель группы экономики и политики Японии Центра азиатско-тихоокеанских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-7784-1655

Научное издание

Россия и мир: 2026.
Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз

Руководители проекта:
Дынкин Александр Александрович
Барановский Владимир Георгиевич

Ответственные редакторы:
Кобринская Ирина Яковлевна
Мачавариани Гиви Ираклиевич

Ежегодник

ISBN 978-5-9535-0647-2

Подписано в печать 12.12.2025.
Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Объем 25,25 п. л., 13,22 а. л. Тираж 300 экз. Заказ № 17

Издательство ИМЭМО РАН
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23